

Ю.А.СМИРНОВ

ЯЗЫК
ЛЕНДИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**ЯЗЫКИ
НАРОДОВ
АЗИИ
И
АФРИКИ**

*Серия основана
проф. Г. П. Сердюченко*

Ю.А.СМИРНОВ

ЯЗЫК ЛЕНДИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

МОСКВА 1970

Редколлегия:

В.М. Солнцев (председатель), Ч.А. Дворянков,
Н.А. Лисовская (ученый секретарь), Ю.Я. Плам,
Г.Д. Санжеев

Ответственный редактор

А. Е. Бертельс

В очерке описывается язык народности ленди, проживающей в Западном Пакистане и насчитывающей примерно 11 млн. человек. В работе дается подробная характеристика фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики данного языка. На материале этого языка автором делается ряд теоретических обобщений по общим и частным вопросам грамматики.

ОТ РЕДАКЦИИ

Серия «Языки народов Азии и Африки» основана в 1959 г. проф. Г.П. Сердюченко, под общей редакцией которого было выпущено 75 очерков, вызвавших большой интерес у советских и зарубежных читателей.

После смерти Г.П. Сердюченко публикация серии продолжается под руководством редакционной коллегии.

Очерки, составляющие серию, посвящены описанию либо современных языков стран Азии и Африки, либо языков прошлого, сыгравших большую культурно-историческую роль в жизни народов Востока. Ряд очерков содержит характеристики отдельных языковых групп.

Очерки, публикуемые в настоящей серии, предназначены для широкого круга языковедов и историков — научных работников и аспирантов, а также для преподавателей и студентов восточных, филологических и исторических факультетов высших учебных заведений. Они могут оказаться полезными для читателей, интересующихся общим языкознанием или изучающих отдельные восточные языки. Для того чтобы читатели могли лучше ориентироваться в серии, помещаем список вышедших очерков.

1959 г.

Юшманов Н.В., Амхарский язык.

1960 г.

Андронов М.С., Тамильский язык

Дворянков Н.А., Язык пушту.

Дмитриев Н.К., Турецкий язык.
Дорофеева Л.Н., Язык фарси-кабули.
Зограф Г.А., Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала.
Иванов В.В., Топоров В.Н., Санскрит.
Катенина Т.Е., Язык хинди.
Мазур Ю.Н., Корейский язык.
Мячина Е.Н., Язык суахили.
Наджип Э.Н., Современный уйгурский язык.
Насилов В.М., Язык орхоно-енисейских памятников.
Петруничева З.Н., Язык телугу.
Рубинчик Ю.А., Современный персидский язык.
Санжеев Г.Д., Современный монгольский язык.
Смирнова М.А., Язык хауса.
Солнцев В.М., Лекомцев Ю.К., Мхитарян Т.Т., Гле-
бова И.И., Вьетнамский язык.
Теселкин А.С., Алиева Н.Ф., Индонезийский язык.
Тодаева Б.Х., Монгольские языки и диалекты Китая.
Толстая Н.И., Язык панджаби.
Фельдман Н.И., Японский язык.
Фролова В.А., Белуджский язык.

1961 г.

Бабакаев В.Д., Ассамский язык.
Горгониев Ю.А., Кхмерский язык.
Коростовцев М.А., Египетский язык.
Коротков Н.Н., Рождественский Ю.В., Сердючен-
ко Г.П., Солнцев В.М., Китайский язык.
Курдоев К.К., Курдский язык.
Морев Л.Н., Плам Ю.Я., Фомичева М.Ф., Тайский язык.
Охотина Н.В., Язык зулу.
Рерих Ю.Н., Тибетский язык.
Секхар Ч., Глазов Ю.Я., Язык малаялам.
Сердюченко Г.П., Чжуанский язык.
Теселкин А.С., Яванский язык.
Шарбатов Г.Ш., Современный арабский язык.
Яковлева И.П., Язык ганда (луганда).

1962 г.

Андронов М.С., Язык каннада.
Дымшиц З.М., Язык урду.
Соколов С.Н., Авестийский язык.

1963 г.

Аракин В.Д., Мальгашский язык.
Завадовский Ю.Н., Арабские диалекты Магриба.
Иванов В.В., Хеттский язык.
Катенина Т.Е., Язык маратхи.
Маун Маун Ньюн, Орлова И.А., Пузицкий Е.В., Тагунова И.М., Бирманский язык.
Насилов В.М., Древнеуйгурский язык.
Оранский И.М., Иранские языки.
Пашков Б.К., Маньчжурский язык.
Тенишев Э.Р., Саларский язык.
Теселкин А.С., Древнеяванский язык (кави).
Шифман И.Л., Финикийский язык.
Яковлева В.К., Язык йоруба.

1964 г.

Вентцель Т.В., Цыганский язык (севернорусский диалект).
Выхухолев В.В., Сингальский язык.
Еланская А.И., Коптский язык.
Карпушкин Б.М., Язык ория.
Липин А.А., Аккадский язык.
Меликишвили Г.А., Урартский язык.
Санжеев Г.Д., Старописьменный монгольский язык.
Токарская В.П., Язык малинке (мандинго).
Церетели К.Г., Современный ассирийский язык.

1965 г.

Андронов М.С., Дравидийские языки.
Аракин В.Д., Индонезийские языки.
Герценберг Л.Г., Хотаносакский язык.
Дьяконов И.М., Семитохамитские языки.
Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н., Язык пали.

Ефимов В.А., Язык афганских хазара (якаулангский диалект).
Королев Н.И., Язык непали.
Павленко А.П., Сунданский язык.
Савельева Л.В., Язык гуджарати.
Сегерт Ст., Угаритский язык.
Эдельман Д.И., Дардские языки.
Юань Цзя-хуа, Диалекты китайского языка.
Яхонтов С.Е., Древнекитайский язык.

1966 г.

Бауэр Г.М., Язык южноаравийской письменности.
Быкова Е.М., Бенгальский язык.
Егорова Р.П., Язык синдхи.
Крус М., Шкарбан Л.И., Тагальский язык.
Расторгуева В.С., Среднеперсидский язык.
Тенишев Э.Р.; Тодаева Б.Х., Язык желтых уйгуров.

1967 г.

Завадовский Ю.Н., Берберский язык.
Крупа В., Язык маори.
Старинин В.П., Эфиопский язык.
Шеворошкин В.В., Лидийский язык.

1968 г.

Кямилев С.Х., Марокканский диалект арабского языка.
Пузицкий Е.В., Качинский язык (язык чжингпхо).

1969 г.

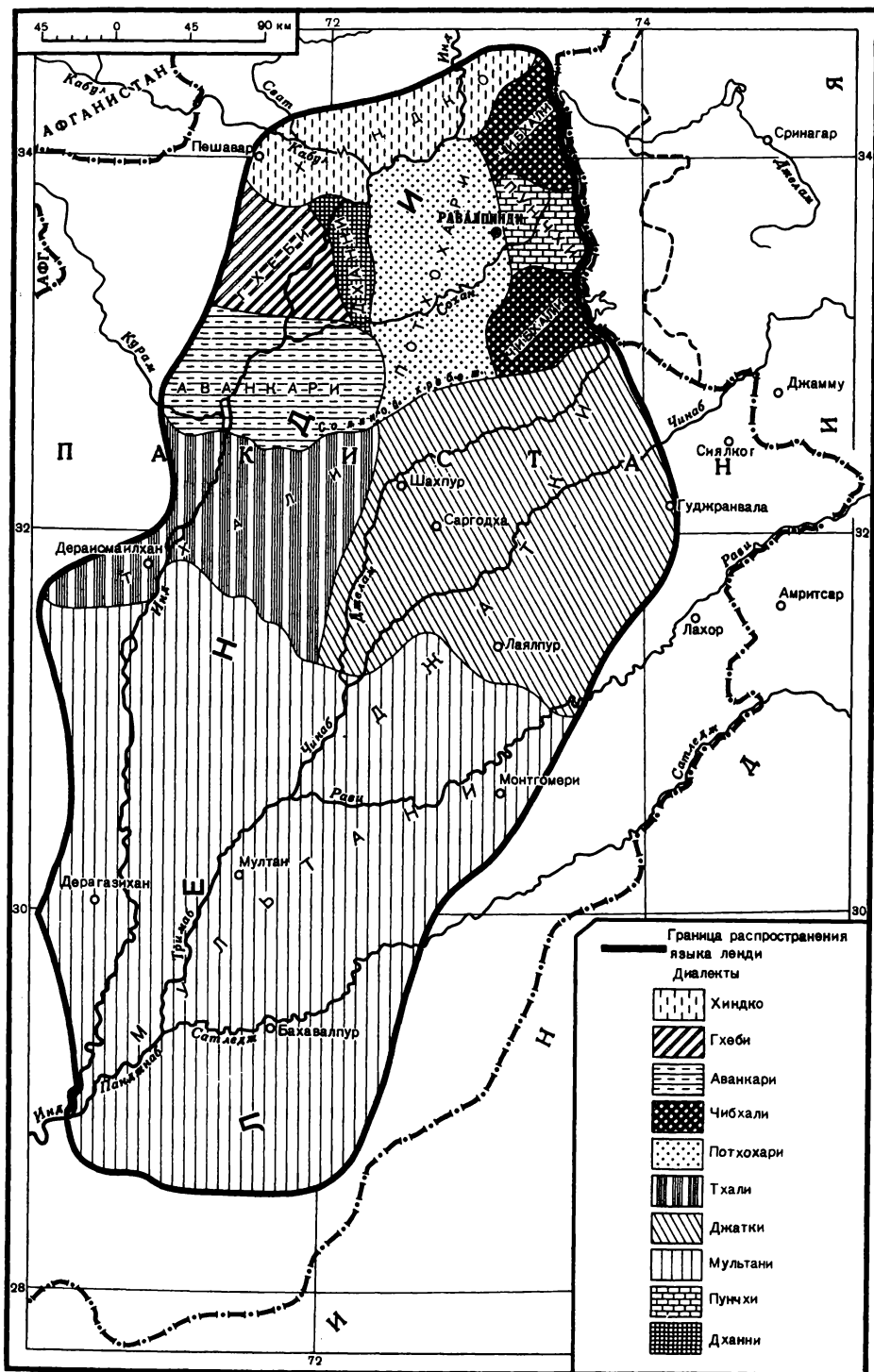
Дунаевская И.М. Язык хеттских иероглифов
Миронов С.А., Язык африкаанс.
Пахалина Т.Н., Памирские языки.

Редакция обращается к читателям с просьбой присылать свои пожелания и замечания по адресу: Москва, Центр, Армянский пер., 2, Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», редакция серии «Языки народов Азии и Африки».

ВВЕДЕНИЕ

Ленди — один из современных индоарийских языков, относящихся к индоевропейской семье. Слово «ленди»¹ означает «западный» (язык). Последний распространен на обширной территории Западного Пакистана, заключенной примерно между 70 и 74 градусами восточной долготы (по горизонтали) и приблизительно между 28 и 34 градусами северной широты (по вертикали). Западная граница распространения ленди проходит по правобережным горным районам р. Инд (несколько южнее ее слияния с р. Сатледж на юге до района чуть севернее Пешавара на севере). Восточная граница начинается южнее г. Бахавалпур, следует на север через города Монтгомери, Гуджранвала, Джелам и заканчивается чуть севернее г. Музаффарабада. Эта территория в основном покрывает большую, западную часть Западного Панджаба (приблизительно две его трети) и бывший район Бахавалпура, расположенный южнее. Разумеется, эти границы носят довольно условный характер, поскольку, например, пере-

¹ Точное произношение названия этого языка выяснено нами с его носителями, в частности с учеными-филологами. В соответствии с этим нами принято русское написание «ленди» («ленда»), наиболее правильно передающее данное название. В связи с этим следует отметить, что в нашей лингвистической литературе стало появляться ошибочное написание рассматриваемого названия как «лахнда» представляющее собой механическое перенесение в русскую графику английской транслитерации *Lahnda* (*Lahndi*). Дело в том, что знак *h*, употребляющийся вместо определенного знака в графике, используемой языком ленди, здесь не произносится, а лишь передает тональность гласной, предшествующей в данном слове звуку /n/ и приближающейся по звучанию к русскому *э*.

ход ленди к своему восточному «соседу», панджаби, совершается постепенно, и в западных диалектах последнего (взять хотя бы западный маджи) мы можем обнаружить черты, свойственные ленди. А к западу от условной восточной границы встречаются говоры с отдельными особенностями панджаби. С удалением на запад черты панджаби постепенно исчезают, и, по наблюдениям Дж. Грирсона, ленди обретает свои полные права в районах Мултана и Джанга.

Лингвистическое окружение ленди примерно такое. К западу от его зоны распространены языки пушту и белуджи, к юго-западу — синдхи, южнее — раджастхани, к востоку — панджаби, к северо-востоку — кашмири, к северу — шина, к северо-западу — кохистани. Пушту и белуджи — иранские языки; синдхи, раджастхани и панджаби — новоиндийские; кашмири, шина и кохистани — дардские.

Поскольку основная масса носителей ленди живет в Западном Панджабе, английские лингвисты называли этот язык западным панджаби, хотя и указывали на существенные отличия его от панджаби. Ввиду того что на ленди говорит основная масса джатов, его именуют иногда джатки, а благодаря тому, что центральной областью распространения этого языка является Мултан, к нему прилагают и название мультани. Фактически же наименования «джатки» и «мультани» имеют более узкое значение и в правильном употреблении означают лишь два соответствующих диалекта ленди, который иной раз называют также и «сераики».

Согласно переписи 1931 г. /Candar, 38/,² на ленди говорило 8 млн. 566 тыс. человек. До раздела Индии в сельской местности, где проживало подавляющее большинство носителей

² В нашей работе библиографические ссылки даны в тексте в косых скобках (цифры после запятой указывают страницу). Полное библиографическое описание источников см. в Списке библиографических сокращений в конце книги.

ленди, количественное отношение мусульман к индусам и сикхам было 9 : 1, а в городах — 1 : 1 /Gukes, V/. После раздела почти все индусы (не считая небольшого числа представителей низших каст) и все сикхи переселились в Индию, поэтому практически сейчас почти все носители ленди в Пакистане — мусульмане. Точных сведений о количестве говорящих на этом языке в данное время нет, поскольку перепись Пакистана 1961 г. специально их не выявляла и отнесла их к числу носителей языка панджаби, которое было определено цифрой 26 млн. 196 тыс. Эта цифра явно завышена, поскольку мусульмане — беженцы из Индии, стремясь поселиться в Панджабе, экономически более развитом районе, объявляли себя панджабцами, хотя таковыми и не являлись.

По оценочным данным, число носителей ленди в Пакистане к 1960 г. составляло 10 млн. человек /Chatterji, 145/. Если учесть прирост населения, то в этой стране в настоящее время проживает не менее 11 млн. человек, чьим родным языком является ленди. Кроме того, в Индии ленди знают по меньшей мере несколько десятков (если не сотен) тысяч человек. К сожалению, в этой стране не проводилась работа по выявлению носителей ленди на всей территории, а там, где это делалось, охватывалось не все население. Так, явно занижены данные, приводимые в справочнике Амаля Саркера /Sarker, 48, 58 и др./, (например, 1971 человек для Хайдарабада и штата Уттар Прадеш). Автор не учитывает как раз те районы (как например Панджаб, Дели и др.), где проживает большинство говорящих на этом языке.

Специфике языка ленди посвящены труды таких известных ученых, как Дж. Грирсон /Grierson¹, Grierson²/, Г. Бейли /Bailey/, А. Джукс /Jukes/ и др. Интересно, что Г. Бейли, сравнивая ленди с панджаби, указывает на «очень большую разницу» даже между переходными к ленди диалектами панджаби (района Вазирабада) и ленди (последний он называет западным панджаби /Bailey, I /.

Большое внимание ленди уделяет крупнейший современный индийский языковед С.К. Чаттерджи. Ставя ленди в один ряд с другими новоиндийскими языками, он в то же время указывает на специфику этого языка и на этом основании противопоставляет его вместе с синдхи другим языкам данной группы /Chatterji, 66, 83, 116, 117, 129/. Особенности и вопросы самостоятельности ленди как отдельного языка подчеркнуты в работах индийского и панджабского языковеда В.Б. Аруна /Arun¹, X; Arun², 38- 65/ и панджабского лингвиста Дуни Чандра /Sadar, 39/.

Индийские и пакистанские ученые говорят в своих трудах о значительном влиянии ленди на ряд новоиндийских языков, в том числе на панджаби и урду. Так, языковед из Панджаба Прем Пракаш Сингх отмечает, что «специфические особенности языка панджаби прежде всего проистекают как раз от ленди» /Prakāś, 320/. Он также говорит о влиянии ленди на урду, в частности о проникновении из первого во второй послелогов, начинающихся звуком /k/.

Пакистанский лингвист Шейх Икрам Уль-Хак пишет о влиянии центрального диалекта ленди мультани на урду, панджаби и некоторые другие новоиндийские языки /Naq, 47/.

Следует отметить, что некоторые авторы иногда смешивают ленди с панджаби. Это объясняется либо их недостаточной осведомленностью, либо их стремлением преувеличивать значение языка панджаби. Такой взгляд напоминает ошибочную позицию тех ученых, которые в свою очередь рассматривают панджаби и некоторые другие индийские языки только как диалекты хинди.

Ленди, несмотря на свою специфику, имеет родственную близость к панджаби и синдхи. Эту близость проф. Коли образно определил так: «Ленди и синдхи — языки-братья, которые находятся в близком родстве к... панджаби» /Kohli, 62/.

По мнению Грирсона, субстратом панджаби является язык, который имел черты, схожие с особенностями современного ленди, и включал в свой ареал территорию, занимаемую сейчас ин-

дийским и пакистанским Панджабом. Однако в процессе своего развития этот язык в восточных районах подвергся такому влиянию одного из диалектов западного хинди, что наслоения последнего стерли и скрыли многие важные его особенности. Это отражает современный панджаби. В западных районах (в основном большая часть Западного Панджаба) рассматриваемый язык, не подвергшийся или мало подвергшийся влиянию западного хинди, сохранил свой облик, что и видно на примере современного ленди /Grierson², 615/.

Несмотря на влияние хинди на панджаби, последний все же сохранил ряд грамматических и лексических особенностей. Так, например, в нем, как и в более архаичном ленди, удержалось много слов с удвоенными согласными.

Хотя ленди и находится в родстве с панджаби, он имеет следующие основные отличия:

1) если панджаби – язык преимущественно аналитического типа, то в ленди, как мы постараемся показать далее, значительное место занимают синтетические формы;

2) ленди обладает многими специфическими, отличающими его от панджаби, фонетическими особенностями, такими, как наличие совсем особых звуков и своеобразие тонов (см. ниже, раздел «Фонетика» и др.);

3) для ленди, как и для синдхи, в отличие от панджаби типично частое использование системы местоименных суффиксов, присоединяющихся путем агглютинации. В панджаби они лишь изредка встречаются в переходных от ленди к панджаби формах речи и в письменном литературном языке писателей – носителей ленди, пишущих на панджаби;

4) для ленди типично образование формы будущего времени с использованием суффикса *-s-*, а для панджаби – с использованием суффикса *-g-*, не говоря о ряде других различий;

5) в ленди отсутствует дуративная форма сказуемого, типичная для панджаби и хинди, и наличествует своя модель, выражающая эквивалентный глагольный вид;

6) в ленди имеется специальная система личных отрицательных глаголов бытия, что нехарактерно для панджаби;

7) ощутимо отличаются системы глагола «быть», «иметься» в обоих языках, причем в ленди наличествуют два глагола бытия, а их системы широко разветвлены и многовариантны;

8) наличие своеобразных глагольных форм, например, деепричастных и причастных;

9) в ленди широко распространены синтетические формы пассива, что нетипично для панджаби, где лишь изредка встречается синтетическая форма пассива (с суффиксом *-ī-*), проникшая в него из ленди. Для панджаби, как и для хинди, типичен аналитический пассив;

10) для эргативного залога основных диалектов ленди типично употребление слова, обозначающего субъект действия, без особого послелога. К тому же вместо эргативной конструкции часто выступает односоставное предложение со сказуемым, содержащим местоименный суффикс, выражающий субъект действия. Для панджаби же типично использование особого эргативного послелога.

11) наличие своеобразной, отличной от панджаби системы склонения имен;

12) наличие внутренней флексии, служащей для образования некоторых грамматических категорий;

13) наличие своеобразных особенностей у других частей речи (местоимений, наречий, послелогов и др.);

14) ряд особенностей синтаксиса, таких, как например полуэргативная конструкция, специфические черты эргативной конструкции, наличие особых слов-предложений, бессвязочных предложений и др.;

15) специфика значительной части лексики ленди. Вот что говорит по этому поводу автор самого крупного словаря ленди А. Джукс: «Западный панджаби, или джатки, совершенно отличен от языка, на котором говорят в Восточном Панджабе». Он констатирует, что при сопоставлении его словаря с панджаб-

ским словарем Бхаи Мая Сингха лингвист Х. Мартин Кларк обнаружил на каждой странице данного словаря ленди, где помещается в среднем 36 слов, примерно лишь по два слова, совпадающих с панджаби /Jukes, V/.

Разумеется, специфическая лексика характерна прежде всего для языка сельской местности, где ленди свободнее от влияния панджаби и урду, тем более что там основная масса населения неграмотна или малограмотна и не читает изданий на урду и панджаби, выпускаемых в некотором количестве в Лахоре на арабском шрифте. Что касается городского населения, то часть его говорит на ленди, подвергшемся некоторому влиянию урду, а иногда и панджаби;

16) все указанные выше особенности ленди сильно затрудняют его понимание носителями панджаби, не знающими ленди, что проверено нами и на практике.

Помимо родственных связей с панджаби и синдхи ленди испытывает в области грамматики и лексики влияние и дардских языков.

Ленди — язык, уходящий глубокими корнями в историю и связанный с древней культурой. Особенно характерен в этом отношении его самый значительный диалект — мультани, который, по свидетельству современного пакистанского лингвиста Шейх Икрам Уль-Хака, является самой распространенной формой речи в Западном Пакистане. Пять миллионов носителей мультани живут на обширной территории в 75 тыс. кв. миль /Наг, 44/. Мултан — древний культурный и экономический центр богатой долины р. Инд. Четыре тысячи лет назад пришедшие с севера арии, обнаружив этот цветущий город, называли его «Муль-астхан», или «Муль-таран», что значит «основной город». Богатства долины Инда на протяжении тысячелетий не раз привлекали завоевателей. Здесь побывали египтяне, вавилоняне, арии, персы, греки, арабы, турки, монголы, афганцы и англичане /Наг, 44/.

Ленди имеет некоторые литературные традиции. Известный памятник «Ади Грантх» (сикхское священное писание) включает в себя не только собственные сочинения сикхских гуру, но и гимны и стихи различных индуcских и мусульманских святых и поэтов. В нем имеются разделы и на фарси, и на хинди, и на панджаби, и на ленди. Стихи поэта Шейха Фарида Шакар-Ганджа зафиксировали древнюю основу ленди. Поэт родился в 1173 г. в одной из деревень близ Мултана и умер в 1266 г. В его стихах встречаются также заимствованные персидские и арабские слова.

До распространения ислама (714 г. н.э.) язык — предшественник ленди — подвергался сильной санскритизации. Об этом свидетельствуют семейные гимны даттов — одной из древнейших ветвей браминов. В них сохраняются древние глаголы ленди, но наличествует много санскритских существительных.

С распространением ислама наступила эпоха, когда в ленди проникло значительное количество заимствований из персидского и арабского языков.

В середине XV в. многочисленные войска, состоявшие из носителей ленди (главным образом мультани), вторглись в Дели и остались там на службе у моголов-завоевателей. По утверждению ряда ученых, с этого времени ленди стал влиять на урду.

Из ранних произведений на ленди следует отметить правила мусульманского похоронного обряда *Masail-i Ghusal-o-Kafan o Dafan*, написанные в стихотворной форме в 1137 г.н.э. Нур Мухаммадом из Шергарха, и еще более известное сочинение Хазрата Миана Абдул Хакима «Юсуф и Зулейха», созданное в 1218 г. /Наq, 51/.

В 1819 г. на мультани была переведена Библия, а позже и Коран. На нем же написаны такие книги, как *Pakki Roti* — о религиозных обрядах, *Bagh o Bahar* — перевод рассказа о четырех дервишах, *Shahnamah-i Hind* — история событий от арабско-

го завоевания Мултана до времени царствования императора Аурангзеба, *Lok Geet* — сборник популярных мултанских песен, составленный доктором Мехаром Абдул Хаком.

На ленди опубликованы и другие сборники песен, а также рассказов и сказок. Так, в 1954 г. в Дели были изданы сказки на потхохари, одном из диалектов ленди, собранные профессором Ванджара Беди /Bedi/. Очень богат и разнообразен фольклор на ленди.

Следует также упомянуть следующие поэтические книги на этом языке: *Khyaban-i Khurram* (Бахавалпур), *Dewan-i Farid*, литературоведческая работа филолога Шейха Икрам Уль-Хака «Фарид — лирик», в которой дается научный разбор оригинала дивана Фарид, *Nijat ul-M ominee* Абдул Карима, *Noor Namah* Нур Мода, *Kartala Namah* Акбар Шаха, *Bazar Be Khizan* Джала, *Saiful Maluk* Лутф Али Саяда, переложенные на стихи истории из *Sassi Punu*, *Mirza Sahban*, *Shah Bahram*. В 1967 г. была сдана в печать антология мултанских поэтов, составленная Кайфи.

На ленди со многими элементами панджаби написана известная книга «Джанам Сакхи» из жизни сикхских гуру /Jan/.

Изучению языка ленди посвящен ряд лингвистических монографий и статей, составлены словари (более подробно см. библиографию). Среди них следует выделить персидско-мултанский словарь *Nisab Zaroori*, грамматику и словарь Дж.Вильсона /Wilson/, крупную работу Дж.Грирсона /Grierson¹/, монографии Х.Бахри по фонетике и фонологии ленди /Bahri¹, Bahri²/, словарь А.Джукса /Jukes/, словарь диалекта потхохари /Poth/, составленный в индийском Панджабе.

В настоящее время в Пакистане некоторые местные ученые — носители ленди — пытаются создать труды по родному языку. Рано умерший Ахтар Вахид написал и опубликовал небольшую работу по грамматике мультани /Haq, 53/. К сожалению, затеряна рукопись грамматики мультани Садулла Хана Маллезай /Haq, 53/. Совсем недавно Башир Ахмад Зами из Бахавалпура составил словарь сераики.

Над различными проблемами языка и литературы мультани работает филолог Шейх Икрам Уль-Хак, имя которого неоднократно упоминалось выше.

На языке ленди имеется ряд периодических изданий. Так, в Мултани выходит еженедельная газета «Akhtar», а в Бахавалпуре — ежемесячный журнал «Seraiki Adab». До недавнего времени публиковались газеты «Al-Aziz» и «Panjnad», но сейчас они прекратили свое существование.

В районах, населенных носителями ленди, имеется несколько местных культурных и исследовательских центров (например, Multan Academy, Bahawalpur Academy), в которых также уделяется внимание изучению литературы на данном языке, его грамматике, публикуются научные труды.

В силу ряда неблагоприятных исторических условий народ, говорящий на ленди, не смог пока создать своей обширной литературы. Немалую роль здесь играет и то обстоятельство, что единственным официальным государственным языком Западного Пакистана объявлен язык урду, занимающий значительное место и в школах.

Представители интеллигенции, носители языка ленди, требуют более интенсивного развития родной письменной речи, создания своей широкой литературной базы. Вот что по этому поводу заявил в 1962 г. на Первой лингвистической конференции Пакистана языковед Шейх Икрам Уль-Хак: «Лишь иронией судьбы можно объяснить то, что политические перегруппировки вывели на первый план региональные языки, подобные панджаби, синдхи и белуджи, а языку-первооснове отведено сравнительно второстепенное место. О значении мультани можно судить по тому, что он самый распространенный язык Западного Пакистана... Проблемы этого языка возникают из-за отсутствия внимания к нему. Не предпринято попытки собрать, напечатать и издать различные работы, рассеянные повсюду, не сделано попытки создать авторитетный словарь» /Наq, 44, 52/.

Следует признать, что в последнее время наметился некоторый сдвиг в данной области. Об этом говорит, например, создание нового словаря мультани Б.А.Зами, выход в свет антологии мультанской поэзии, составленной Кайфи. В декабре 1966 г. официальные круги Пакистана решили открыть специальное отделение литературы на мультани (сераики) в Центральной библиотеке Бахавалпура, поскольку, как писала пресса, на данном диалекте имеются «ценная литература и исторические труды»/«Pakistan Times», 11.XII. 1966/.

Центральным диалектом ленди является мультани. Он имеет большую, чем остальные диалекты, территорию распространения и наибольшее число носителей, служит средством общения в наиболее культурном и экономически развитом районе лендиязычной территории. Мультани оказывает влияние на все остальные диалекты, превращаясь постепенно в опорный диалект. Несомненно, что с созданием широкой литературной базы централизирующая роль мультани еще больше повысится.

Ленди представлен двумя группами диалектов: 1) обширной южной (равнинной) и 2) относительно менее значительной северной (горной). Примерная условная граница между ними проходит по южным отрогам Соляного хребта, хотя в районе Гуджранвалы и Гуджарата в зону распространения южных диалектов входит часть горного плато.

Основными диалектами южной группы являются:

а) мультани. Как уже сказано, это центральный, самый значительный и наиболее влиятельный диалект ленди, имеющий 5 млн. носителей. На нем говорят в районах Мултана, Дерагазихана, Музаффаргарха, Бахавалпура. В его сферу входят также части территории Джанга, Монтгомери, Хайрпура и Белуджистана;

б) джатки, распространенный в районе Шахпура (между реками Джелам и Чинаб), Джанга, Лаялпура, Монтгомери, Гуджранвалы и Гуджарата. Этот диалект почему-то назван Дж.Грирсоном «собственно образцовым» /Grierson¹, 239/, хотя он иг-

рает менее важную роль, чем мультани. Видимо, здесь сказались то, что он относительно неплохо для тех времен был описан Вильсоном, и это оказало влияние на Грирсона, который поэтому упустил из внимания другие факторы, определяющие важность диалекта;

в) тхали, носители которого проживают в пустыне Тхал и на части территории Мианвалы, Джелама, Шахпура, Джанга, Дераисмаилхана и Банну.

Горные северные диалекты распространены в районе Соляного хребта и севернее его. К ним относятся потхохари, чибхали, пунчхи, аванкари, шахпурский диалект Соляного хребта, гхеби, дханни, хиндко Пешавара, тинаули, дхунди-кайрали. Дж. Грирсон делит северные диалекты на две группы: 1) северо-западную и 2) северо-восточную. Но такое разграничение представляется нецелесообразным, поскольку между ними трудно провести четкую грань.

Основные отличия северных диалектов от южных состоят в следующем:

1. В северных диалектах многие существительные в аналитических падежах принимают аффикс *-e* или *-ṛ*;

2. Более типичным на севере является использование согласующе-реляционного послелога (термин наш) *nā̃* или *nā* вместо *dā̃* (хотя в диалектах дханни, тинаули и хиндко Пешавара используется *dā̃*);

3. Более типично на севере окончание причастия I на *-nā̃* (*-nā*), а не на *-dā̃* (исключение составляют те же три диалекта);

4. В некоторых диалектах севера развита тенденция замены церебрального *ṛ* на *r*, например, вместо *koṛ* 'кто?' *kor*, вместо *itrā̃* 'столь многочисленный' *itrā*;

5. Тоны в северных диалектах имеют свою специфику. Если для южных диалектов ленди типичен восходящий тон одного варианта (начинающийся с довольно низкого регистра, значительно восходящий и завершающийся небольшим падением), которому противопоставлен ровный тон, то, например,

в северном диалекте аванкари помимо такого восходящего тона распространен и второй вариант, для которого характерны начало в среднем регистре, относительно небольшой подъем, а затем падение ниже среднего регистра. Оба эти варианта фонологически сочетаются с ровным тоном. Небольшая группа слов в аванкари имеет и нисходящий тон.

Подобно панджаби, северный диалект потхохари не имеет звонких придыхательных в начале слова или слога, но в конце слова или же во втором, третьем и т.д. слоге могут появляться либо соответствующие звонкие непридыхательные, сопровождаемые нисходящим или чаще восходящим тоном, либо же звонкие придыхательные без тона. Поэтому говорят, что в потхохари относительно реже используется восходящий тон.

6. Есть различия между северными и южными диалектами и в лексике. Если для южных диалектов более типичным является употребление глаголов *vañjuṇ* 'идти' и *āvunṇ* 'приходить', то на севере довольно распространены *gachṇā* (*juḷaṇ*) и *achṇā* соответственно (хотя в аванкари и гхеби чаще встречаются *vañjuṇ* и *āvunṇ*); на севере чаще можно встретить *hagaṇ* 'мочь', на юге — *sakkuṇ*. На юге также чаще используются заимствованные из панджаби притяжательные местоимения *meṭā* 'мой' и *teṭā* 'твой', но они имеют употребление наряду с исконными словами ленди *māṇḍā* и *tāṇḍā*.

Следует, однако, учитывать, что резко разграничить диалекты обеих групп нельзя, поскольку они являются вариантами одного и того же языка. Нередко формы, в целом более типичные для одной группы диалектов, используются и в другой. Так, например, в северных диалектах дханни, тинаули и хиндко Пешавара встречаются послелог *ḍā* и причастие I на *-ḍā*, что вообще более характерно для южной группы. Однако в одной из пьес, написанной на южном диалекте джатки (района Лаалпура) Сантом Сингхом Секхоном, мы встретили и причастие на *-ḍā* (*ka-reṇḍā*, *dasenḍī*) и причастие на *-nā* (*puchnī*, *āhnī*). Иллюстративным материалом для данной работы послужили: пьеса Сан-

та Сингха Секхона «Siñā dī nadhī» /Sekhon/ , написанная на джатки (говор Лаялпура), современная газета «Ахтар» на мультани, тексты на ленди, собранные Дж.Грирсоном /Griegson¹/, Дж.Вильсоном /Wilson/, Л.Деймзом /Dames/, Г.Розом /Rose/, Т.Бомфордом /Bomford/, Х.Бахри /Bahri¹/, небольшие тексты, встреченные в разных источниках, и т.д., а также словари ленди А.Джукса /Jukes/, Дж.Вильсона /Wilson/, О'Брайэна /O'Brien/ и словарь диалекта потхохари, изданный в 1960 г. в г.Патиале (Панджаб) /Poth/.

Поскольку очень трудно проиллюстрировать исключительно все положения нашей работы лишь материалом диалекта мультани, автор иногда прибегает к примерам из других диалектов. Этот материал обогащает наше представление о языке, так как наряду с мультани другие диалекты ленди имеют значительное распространение. В ряде мест приводится сопоставление форм некоторых диалектов. Это имеет не только практическое значение, но и дает полезный материал для дальнейшего исследования. При изложении тех теоретических положений, где не было необходимости в сопоставлении и где общее ощутимо преобладало над частным, особенно в разделе, посвященном синтаксису, автор приводит иллюстрации из разных диалектов без разграничительных помет.

Будучи неудовлетворенным рядом традиционных неудачных способов описания материала, а также столкнувшись с неописанными специфическими случаями, автор предлагает свое решение нескольких вопросов, некоторые дополнения, исправления и связанные со всем этим новые термины. Сюда в первую очередь относятся новая система времен и видов, взаимоподчиняющий принцип связи членов предложения, обозначенный термином «взаимодействие», понятия и термины «квалитивно-предикативный член», «полуэргативная конструкция», «полукорреляционная конструкция», новая система залогов (в том числе эргативный, побудительный, эргативно-побудительный, пассивно-побудительный), новое понятие залога, связан-

ное с развитием более правильной точки зрения на данную категорию как синтактико-морфологическую (ср. Панфилов), ряд соображений по системе падежей. Новые термины введены там, где речь идет о неописанных ранее явлениях, либо там, где описанные явления обозначены явно неточными терминами или вообще не имеют обозначений. В разделе «Род» материал анализируется статистическим методом.

Автор выражает свою благодарность: доктору литературы, профессору Аллахабадского университета Хардеву Бахри за ряд ценных консультаций и предоставленные материалы; филологу из Мултана Шейху Икрам Уль-Хаку за любезно присланные ценные сведения о языке ленди и некоторые материалы; инженеру гидропроекта «Бхакра» Автару Сингху Наги и его уважаемому отцу за помощь, оказанную в изучении ленди (все перечисленные лица – носители ленди). Автор также весьма признателен за полезные замечания и советы ответственному редактору А.Е. Бертельсу, своим коллегам Ю.Н. Завадовскому, М.С. Андронову, Н.И. Королеву и др.

ПИСЬМЕННОСТЬ

Язык ленди не имеет своей оригинальной графики. Поскольку подавляющее большинство его носителей — мусульмане, для письма используется вариант арабского алфавита. Этот вид письменности — самый распространенный. Так, диалект мультани имеет следующую систему знаков (табл. 1).

Таблица 1

Алфавит ленди

Звук, обозначаемый знаком	Начертание знака	Звук, обозначаемый знаком	Начертание знака	Звук, обозначаемый знаком	Начертание знака
a, i, u	ا	dd	ط	k	ك
b	ب	z	ز	g	گ
bb	بب	r	ر	gg	گگ
p	پ	r	ر	l	ل
t	ت	z	ز		
t	ط	s	س	m	م
s	ث	s ^v s	ش		
j	ج	s	ص	n	ن
ij	جج			n	ن
c	چ	z	ض	nr	نر

Звук, обозначаемый знаком	Начертание знака	Звук, обозначаемый знаком	Начертание знака	Звук, обозначаемый знаком	Начертание знака
h	ح	z	ط	w, v, o, u	و
x	خ	z	ظ	h	ه
ṇ	ڇ	ʿ	ع	y, ī	ي
d	ڌ	g	غ		
ḍ	ڙ	f	ف		
		q	ق		

ط, ڇ, ڌ, ڙ и ڄ передают звуки, имеющиеся также в синдхи. Гласные обозначаются при помощи знаков ا, ٓ, ٓ и иногда через огласовки َ ٓ и ِ.

В некоторых текстах, особенно старых, и в упомянутом словаре Джукса вместо ڇ используется ڄ, а вместо ڄ — ڄر.

Четыре из приведенных графем передают долгие согласные: ب bb, ڄ jj, ڌ dd, ڄ gg, обычно встречающиеся в начале слова, а ڄ или ڄ — звук ṇ, средний между nj и ny, знак же ڄ или ڄ обозначает церебральный ṇ, который в мультани имеет призвук церебрального r. Это звук, средний между ṇ и r, иногда даже напоминает назализованный r. Графема ٓ (без точки) обычно используется в конце слова, а варианты ٓ (с точкой) — в середине (ٓ) и в начале слова (ٓ). Как в графике синдхи, урду и некоторых других языков, несколько арабских знаков могут представлять один и тот же звук. Так, ڄ, ڄ, ڄ, ڄ изображают согласный z, а ڄ и ڄ — h, знак

же ʃ, наоборот, может обозначать сразу два звука: альвеолярный l и церебральный ʃ; знак ʒ может передавать и фарингальный звук (особенно в начале слова) и тон (особенно в конце слова и слога).

Индусы – носители ленди, которых сейчас немного в Пакистане (представители низших каст), используют свою разновидность алфавита ланда (*laṇḍā*), родственную письменности махаджани Марвара и кашмирскому письму шарада. Эта графика довольно несовершенна, поскольку в большинстве случаев гласные на письме не передаются, а если они обозначаются, то один и тот же знак может соответствовать сразу нескольким гласным. Одинаково, например, передаются гласные /a/ и /e/, /u/ и /o/. Аналогичное явление и с согласными, ибо один и тот же знак служит, например, для передачи звука /s/ и /š/, а одна буква изображает и /b/ и /bh/, другая же – и /r/ и /ṛ/ и т.д.

Вот разновидность ланды, используемая в Мултани, в сравнении с общей письменностью ланды (табл. 2).

Таблица 2

Алфавит ланды *

Звук, обозначаемый знаком	Знак ланды Мултана	Знак ланды	Звук, обозначаемый знаком	Знак ланды Мултана	Знак ланды
a	ṁ	ṁ	ɖ	ṣ	ʒ
i	ṡ	ṡ	ɖh	ṣ	ʒ
u	ṣ	ṣ	ṇ	ṣ	ʒ
e	ṁ	ṁ	t	ʒ	ʒ
o	ṡ	ṡ	th	ṣ	ʒ
			d	ṣ	ʒ

* Grierson¹³¹¹.

Продолжение табл. 2

Звук, обо- значае́мый знаком	Знак ланды Мултана	Знак ланды	Звук, обо- значае́мый знаком	Знак ланды Мултана	Знак ланды
s	ṣ	ṣ	dh	ḍ	ḍ
h	ṣ	ṣ	n	ṇ	ṇ
k	ṣ	ṣ	p	ṇ	ṇ
kh	ṣ	ṣ	ph	ṇ	ṇ
g	ṇ	ṇ	b	ṇ	ṇ
gh	ṇ	ṇ	bh	ṇ	ṇ
ṭ	...	ṭ	m	ṇ	ṇ
c	ṇ	ṇ	y	...	ṇ
ch	ṇ	ṇ	r	ṇ	ṇ
j	ṇ	ṇ	l	ṇ	ṇ
jh	ṇ	ṇ	v	ṇ	ṇ
n̄	ṇ	ṇ	r	ṇ	ṇ
t̄	ṇ	ṇ	ṇ	ṇ	ṇ
th̄	ṇ	ṇ	ṇ	ṇ	ṇ

Сикхи—носители лэнди — для написания текстов на этом языке используют нередко алфавит гурмукхи.

ФОНЕТИКА³ Гласные

Как и в большинстве индоевропейских языков, здесь наличествуют краткие и долгие гласные, отличающиеся друг от друга по степени подъема и ряду. К кратким принадлежат четыре звука: *i, ə, a, u*, а к долгим – *ī, ē, ā, ū, o, ai* и *ā* (табл. 3).

Таблица 3

Гласные ленди

Степень подъема	Ряд			
	передний	средний	задний	
Верхний	<i>ī</i> <i>i</i>		<i>u</i>	<i>ū</i>
Средний	<i>e</i>	<i>ə</i> <i>a</i>	<i>o</i>	
Нижний	<i>ā</i>		<i>ā</i>	<i>ai</i> *

*Данное обозначение заимствовано из работы Х. Бахри /Bahri¹/.

i – краткий гласный переднего ряда верхнего подъема. Обычно встречается в неударной позиции в начале слова, например: *imān* ‘судьба’, *bhirā* ‘брат’.

³ Описание звуков языка ленди дается преимущественно на основе мультани при некотором сравнении с другими диалектами.

ī — долгий гласный переднего ряда верхнего подъема. Более напряженный, чем *i*, ибо занимает в инвентаре гласных крайнее верхнее и переднее положение. Его можно обнаружить во всех позициях слова: *bīṭā* ‘пуговица’, *māhīnā* ‘месяц’, *phūhī* ‘циновка’.

e — долгий гласный переднего ряда среднего подъема. Встречается во всех позициях слова: *dere* ‘места отдыха’ (начало и конец), *paḍhaheṭā* ‘гриб’ (середина).

ä — долгий гласный переднего ряда низкого подъема. Схож с гласным звуком в английском *glad*. Чаще всего встречается в односложных словах и начальных слогах двусложных: *trā* ‘три’, *māṇḍhe* ‘мои’.

a — краткий гласный среднего ряда среднего подъема. Как и *ä*, чаще всего встречается в односложных словах и первых слогах двусложных с двумя краткими гласными: *paṭ* ‘выкорчевывай’, *caṭṭuṇ* ‘лизать’.

ə — краткий слабый гласный среднего ряда среднего подъема, нейтральный звук, более передний и высокий, чем *a*. В основном это аллофон *a*, а иногда и *u* в неударных позициях, когда происходит редукция этих гласных *əgās* ‘небо’, *oḍar* ‘печальный’.

u — краткий гласный заднего ряда высокого подъема. Чаще всего используется в односложных словах и двусложных с двумя краткими гласными: *udhul* ‘насилие’, *bud* ‘утопленный’.

ū — долгий гласный заднего ряда верхнего подъема, более высокий и задний, чем *u*. Встречается в разных позициях в словах: *lūḍā* ‘дорогой’, *barūṭi* ‘прыщ’, *māu* ‘мать’.

o — долгий гласный заднего ряда среднего подъема. Чаще всего употребляется в середине и конце слова: *bəroṭā* ‘небольшое дерево’, *pāṭo* ‘разрывайте’.

āu — долгий гласный заднего ряда нижнего подъема, более задненебный, чем *o*. На слух это нечто среднее между *o* и *a* с небольшим глайдом *u* в конце. Этот звук очень близок к дифтонгу. Встречается во всех позициях: *maḥhāuṭā* ‘кузнечик’, *lahāur* ‘Лахор’, *bāuhnā* ‘сидящий’.

$\bar{a}$ — долгий гласный заднего ряда нижнего подъема. Его можно обнаружить во всех позициях в словах: $\bar{a}ṇ$ ‘принеся’, $maḥhāṇe$ ‘сладости’, $vi\bar{a}$ ‘ушедший’.

Все перечисленные гласные могут быть назализованными, т.е. $\bar{ṛ}$, $\bar{ṛ̃}$, $\bar{ḥ}$, $\bar{ā}$, $\bar{ā̃}$, $\bar{ḥ}$, $\bar{ū}$, $\bar{ū̃}$, $\bar{o}$, $\bar{āu}$, $\bar{ā̃}$. Назализация занимает в ленди значительное место. Она может быть факультативной, например $s\bar{t}$ и $s\bar{t̃}$ ‘холод’, обязательно независимой, как например $des\bar{ā}$ ‘я дам’, и аккомодационной, т.е. обусловленной носовыми консонантными звуками в том же или соседнем слове, например: $māḥm\bar{ū} nah\bar{t̃} vān\bar{ā}$ ‘Махмун не идет’. Назализация может иметь фонологическое значение, например: $s\bar{ā}$ ‘сто’ — $s\bar{ā̃}$ ‘заснувший’, $ghine$ ‘взял бы он’, $ghin\bar{ē}$ ‘взял бы ты’.

Ряд диалектов или поддиалектов имеет большую склонность к назализации гласных, даже за счет утраты в слове носового согласного. Так, например, если в центральном мультани причастие I оканчивается на $nd\bar{a}$ или $end\bar{a}$, то в поддиалекте Дергазихана (называемом хиндки), часто выступает форма $\bar{ā}d\bar{ā}$, $\bar{ē}d\bar{ā}$: $\bar{ā}d\bar{ā}$ ‘приходящий’, $phulr\bar{ē}d\bar{ā}$ ‘ищущий’. Среди северных диалектов большое тяготение к назализации имеют шахпурский диалект Соляного хребта, потхохари, дханни. Практически каждый долгий гласный в конце слова в них назализируется, хотя параллельно встречаются и неназализованные варианты, например послелог $n\bar{ā}$ и $n\bar{ā̃}$, числительное $bah\bar{ū}$ и $bah\bar{ū̃}$ ‘много’.

Все гласные, исключая, пожалуй, нейтральный $\bar{ə}$, могут сопровождаться восходящим, а иногда и нисходящим (в ряде слов) тоном и, таким образом, фонологически противопоставляться тем же гласным с ровным тоном, например: $v\bar{ā}$ ‘ветер’ — $vāh$ ‘паши’ (с тоном).

Дж. Вильсон и Дж. Грирсон выделяют в южном диалекте джатки (поддиалект Шахпура) e и $\bar{e}$, o и $\bar{o}$, $\bar{ā}$ и $\bar{ā̃}$, т.е. долгие и краткие e , o и $\bar{ā}$. В действительности все эти звуки всегда остаются долгими, если сохраняют свое основное качество. Когда же они сильно редуцируются (например, в неударном положении), то фактически меняют свое качество на нейтраль-

ный *ə* или краткий *i*. Поэтому нам представляется нецелесообразным проводить такое разделение.

Следует отметить, что существительные мужского рода, а иногда и местоимения, оканчивающиеся на согласный, в некоторых южных говорах мультани, называемых сераики хинди (например, в бывшем штате Хайрпур) и находящихся под более сильным влиянием синдхи, присоединяют в конце значительно редуцированные краткие *a* или *u*, приближающиеся к нейтральному *ə*, но носящие тот или иной оттенок соответственно. Эти краткие звуки произносятся быстро и отрывисто и трудно различимы на слух. Довольно часто на письме их не обозначают. Нередко звук с оттенком *u* служит показателем номинативного падежа, а с оттенком *a* — признаком флексии аналитического падежа единственного числа или номинативного падежа множественного числа, например: *lāḍū* 'любовь', *ḍḍū pūṭa āhin* 'было (букв. были) двое сыновей'.

Поскольку в отличие от всех других диалектов ленди потхохари чаще всего имеет ударение на последнем слоге, звук *ṛ*, попадая в неударное положение, теряет напряжение и трансформируется в звук, похожий на *a*: *bīmār - bamār* 'больной'.

Согласные

Ленди не составляет исключения среди ряда языков Индии и Пакистана в том отношении, что звуки *p, b, f, m, n, t, d, k, g, s, z* и *ṛ* в общем и целом схожи с подобными русскими согласными.

Звуки *p, b, t, d, k* и *g* имеют аспирированные корреляты *ph, bh, th, dh, kh* и *gh*. При произнесении последних наблюдается большее напряжение соответствующих органов речи (губ, языка, глотки и т.д.) и более энергичное размыкание — взрыв. За последним неразрывно следует соответствующая аспирация, глухая или звонкая.

v — фрикативный шумный губно-зубной согласный. Его консонантность особенно проявляется в начальной позиции: *vā-lā* ‘идуший’, *vat* ‘тогда’. В интервокальной позиции он часто сопровождается бóльшим участием голоса и уже оправдывает свое название «полугласный»: *dāvur* ‘паук’.

l — латеральный фрикативный сонант. Дорсальная часть языка поднимается выше, чем при произнесении русского *л*, что обуславливает бóльшую мягкость. Чаше всего встречается в начальной позиции: *laggā vā-lā* ‘уходит’, *lissā* ‘слабый’.

s — палатально-альвеолярная средняяязычная аффриката, причем больше палатальная, чем альвеолярная, ибо альвеолы ощущают лишь легкое прикосновение. Звук близок к русскому *ч*.

sh — придыхательный вариант *s*.

j — звонкий коррелят *s*, а *jh* — аспирированный коррелят *j*.

ṣ — средняяязычный фрикативный согласный, образуемый прикосновением передней части языка к зубам и поднятием его средней области к твердому небу. Поскольку передняя часть языка значительно приподнята, этот звук несколько напоминает русское *щ*. Встречается во всех позициях: *ṣak* ‘подозрение’, *raṣit* ‘волосы’, *āṣ* ‘удовольствие’.

y — средняяязычный фрикативный сонант. Встречается только в начале и середине слова: *yār* ‘друг’, *mīlye* ‘лица’ (автосем. мор. ʔa).

x — увулярный фрикативный согласный, попавший в язык вместе с персидскими и арабскими заимствованиями, но более передний, чем персидское *x*. Встречается во всех позициях: *ḫgā* ‘расход’, *nīḫī* ‘появилась’, *yaḫ* ‘замерзший’.

G — звонкий коррелят *x*. Также заимствованный звук. Число слов, содержащих этот согласный, ограничено, так как чаще всего вместо *G* выступает *g*.

h — звонкий гортанный согласный. Он имеет сильное гортанное звучание. Встречается в начале слова, либо же в начале ударного слога, например: *havāz* ‘голос’, *lahāūr* ‘Лахор’.

Церебральные звуки *l*, *n*, *ɖ*, *ɖh*, *ɬ*, *ɬh* артикулируются путем загибания передней части языка вверх и назад до смыкания с местом, где сходятся твердое и мягкое небо. После энергичной смычки язык разгибается, причем в большей степени для *ɾ*, *l* и *n* и в меньшей для *ɖ*, *ɖh*; *ɬ* и *ɬh*. Церебральные звуки особенно распространены в диалекте тхали. Из четырех негубных носовых сонантов наиболее часто используется *n*. Он встречается во всех позициях. Церебральный *n* можно обнаружить лишь в середине и конце слова: *ghin kaŋi* 'взяв', *ghinuŋ* 'брат'. Согласные *ñ* и *ɲ* чаще всего предшествуют соответственно среднеязычным *s*, *ch*, *j*, *jh* и заднеязычным *k*, *kh*, *g*, *gh*, например: *mañji* 'кровать', *traŋgur* 'сеть'.

Говоря о среднеязычном *ñ*, Джукс /Jukes, VI / отмечает, что его произношение колеблется между *nj* и *ny*, временами склоняясь то в одну, то в другую сторону. В инфинитиве *vañjuŋ* 'идти' сонант звучит больше как *nj*, а в причастии I *vañjendā* преимущественно как *ny*. Это и понятно, поскольку звуки *j* и *y* оба являются среднеязычными и призвук *y* появляется в *ñ* тогда, когда бывает больше голосового элемента, а призвук *j* — когда его меньше.

Следует упомянуть и другие особые звуки мультани, в основном заимствованные из синдхи. Это долгие, или двойные, согласные, встречающиеся чаще всего в начале слова, например:

ب *bb*, *bbahūŋ* 'много', ج *jj*, *jjīŋveŋ* 'также', ڄ *ɖɖ* (звук средний между *z* и *ɖ*), *ɖɖā* 'способ', 'метод', گ *gg* (звук с некоторым носовым призвуком), *ggārhā* 'толстый'.

По мнению Икрам Уль-Хака /Наг, 52/, в мультани существует еще одно *g* с гортанным оттенком: گ, گگ 'оскорбление'. А. Джукс, однако, звук *g* в этом слове относит к типу *gg* /Jukes, V/.

В мультани Дерагазихана церебральное *l* почти не встречается. Зато оно имеет хождение в центральных говорах мультани.

В некоторых диалектах ленди есть тенденция заменять фрикативный *s* на смычный *ɬ*, особенно в конце слова. Так, в

мультани Музаффаргарха вместо *vāras* 'промеж собой' мы встречаем *ārat*, вместо *šakhs* 'человек' *šakht*, а в говоре тхалочри Джанга (диалект джатки) — *šakhat*. В потхохари района Желума можно слышать *kāgat* 'бумага' вместо *kāgaz*.

В мультани Музаффаргарха, потхохари Желума и Равальпинди носители ленди предпочитают заменять заимствованный звук *z* или сочетание звуков *zd*, вошедшие в панджаби вместе с персидскими словами, согласным *j*. Нам встретились в соответствующих текстах следующие слова: *najīk* 'близкий' (ср. *nazdīk*), *bajār* 'базар' (ср. *bāzār*), *najir* 'взгляд' (ср. *nazir*), *darvājā* 'дверь' (ср. *darvazā*), *janānī* 'жена' (ср. *zanānī*).

В некоторых северных диалектах ленди наблюдается пермутация звуков и слогов. Так, в одном из текстов аванкари мы обнаружили *iškār* 'охота' вместо *šikār*. Дж. Грирсон приводит также примеры метатезы из потхохари: *jākat* 'мальчик' вместо *jātak*, *mahešā* 'всегда' вместо *hamešā*, *sabāb* 'вещи' вместо *asbāb* и др. На севере нередко наблюдается и взаимозаменяемость звуков *r* и *l*.

Для фонетики ленди, особенно для его северных диалектов, характерно, что очень часто слова начинаются не с гласного, а с гортанного *h*. Так, в потхохари встречаем неноминативный падеж местоимения *hus*, *his* 'он', 'тот', числительные *hik* 'один' и *hitnā* 'столь многий', в аванкари *hik* и *hikaṭṭhe* 'вместе', *havāz* 'голос', *hamsos* 'сожаление', *hinṇā* 'они'. Нередко такие слова встречаются и в джатки Лаялпура. В пьесе Секхона мы зафиксировали следующие слова: *hasā* 'мы', *hāt* 'был', *his* 'это', *hitthe* 'здесь', *ho* 'тот', *hīv* 'так' и др.

Одним из существенных фонетических различий между ленди и панджаби является то, что если в панджаби отсутствуют звонкие придыхательные звуки (и вместо них выступают глухие, а иногда и звонкие непридыхательные согласные с последующей тональной гласной), то в подавляющем большинстве диалектов ленди (исключая, пожалуй, потхохари) эти звуки наличествуют.

Согласные ленди

По месту образова- ния По спо- собу об- разования	Губные	Губно- зубные	Переднеязычные				Средне- язычные	Задне- языч- ные	Уву- ляр- ные	Гор- тан- ные
			зуб- ные	зубно- альвео- лярные	альвео- лярные	переб- раль- ные				
Шумные	смычные	p, ph b, bb, bh	t, th d, dh			t, th d, dd, dh		k, kh g, gg, gh	q	
	аффрикаты						c, ch j, ji, jh			
	фрикативные			z, s			ʃ		ʧ*, X*	h
Сонанты	смычные									
	носовые	m			n	n̥	ɲ	ŋ		
	фрикативные				l	i	ɣ			
	дрожашие				r	ɾ				

* Данные обозначения заимствованы из работы Х. Бахри /Bahri¹/.

Тоны

Для ленди типичны два тона: ровный и восходящий. Показателем тона в графике служит наличие буквы *h*, например: *koh* (*ко*) 'гора', *ḍiḍḍh* (*ḍiḍḍ*) 'полтора'. Некоторые северные диалекты имеют, однако, по два распространенных тона и одному малоупотребительному. Так, в аванкари есть ровный тон, два варианта восходящего и в небольшой группе слов нисходящий, в принципе близкий к подобному тону в панджаби: *m'amḍā* 'О Мухаммед', *p'ivā* 'мы можем молоть'.

Для потхохари типичны ровный тон и нисходящий (как в панджаби). Кроме того, относительно реже в нем используется и восходящий тон. Вот два примера на нисходящий тон в этом диалекте: *k'āṛ* 'нехватка', *ṭ'eḍī* 'опухоль'.

Тоны оказывают определенное влияние на звуки речи /Bahri¹ 192/. В тонированных слогах (при восходящем тоне. — *Д. С.*) гласный несколько укорачивается, закрытые гласные становятся более закрытыми, открытые более открытыми. Согласные, предшествующие тоновой гласной, становятся более контрастными, у смычных усиливается энергия взрыва, а у придыхательных аспирация бывает более ощутимой. Церебральность церебральных возрастает, степень дрожания у дрожащих и фрикативности у фрикативных тоже растет. Ударение становится более четким.

В плане различения ленди и панджаби следует отметить, что для первого из них типично наличие двух тонов (исключая, пожалуй, потхохари), а для второго — четырех (четвертый тон установлен нами в панджаби и назван чистонисходящим; возможно, что этот тон существует и в ленди, что требует, однако, дополнительного исследования).

Слогоделение

Лексика ленди представлена главным образом односложными и двусложными словами. Трех-, четырех- и более сложные слова встречаются редко.

Слог в ленди может конструироваться из:

1) одного гласного звука, в том числе тонального или на-
зализированного, например: *e* или *t̃* 'этот', *o* или *ũ* 'тот', *ĩ* 'он',
'тот' (в эргативе);

2) гласного и согласного, например: *in* 'они есть', *ach*
'иди сюда', *am* в *amĩ* 'мать';

3) согласного и гласного, например: *nā*, *nã* или *nũ* (послед-
лог), *dā* 'десять';

4) удвоенного согласного и гласного, например: *dḏũ* 'два',
bbābbā 'племя факиров' (два слога).

В 3-м и 4-м пунктах слоги открытые;

5) согласного, гласного и согласного, например: *sĩs* 'ки-
вок', *tiĩh* 'так много';

6) двух согласных, гласного и согласного, например: *bbĩ*
'жажда', *jjaĩ* 'шерсть'.

Ударение

В ленди ударение может распределяться равномерно меж-
ду двумя слогами, либо же один слог бывает более акцентиро-
ванным, чем какой-либо другой. В некоторых же словах выделяется лишь один слог. В потхохари, как правило, ударение па-
дает на последний слог.

В целом ударение в ленди носит аспираторно-тональный
характер. Ударение на тонированном слоге бывает более силь-
ным и четким, чем на нетонированном ударном, например: *guṛh*
(*guṛ*) 'опытный' и *guṛ* 'сок сахарного тростника'.

В двусложных словах ударение следующее:

1) если первый слог краткий, а второй долгий, то на по-
следнем ощущается довольно четкое ударение, например: *ghid-*
ḏā 'взятый', *kaṇũ* 'от', *caĩ* 'канавка';

2) при долгом первом и кратком втором слоге ударение
сдвигается на первом слоге, хотя и не такое акцентированное,
как в приведенных выше примерах, например: *'ihĩvũ* 'быть',
'*āraṅg* 'хмурая погода', *'jikuṇ* 'как', *'cĩkuṇ* 'кричать';

3) при обоих долгих или кратких звуках ударение распределяется поровну, например: *'jārā* 'двойник', *'cālā* 'обычай', *'ālū* 'картофель', *'udhul* 'насилование', *'baitar* 'хуже'.

В трехсложных основах в аванкари ударение, как правило, падает на предпоследний слог /Bahri¹, 204/. В таких словах непосредственно предударный слог значительно укорачивается: *udhālā* 'насилие', *kuhārī* 'топор', *bdroṭā* 'деревцо'.

В четырехсложных словах ударение также ощущается на предпоследнем слоге, а значительную редукцию испытывает на себе уже первый слог, если он долгий: *belihāzā* 'независимо', *harām'ziddkī* 'предательство'

Изменения звуков в речевом потоке (сандхи)

Звуки в ленди могут меняться при изменении грамматической категории слова – на стыке слова и морфемы, при эмфазе – на стыке слова и эмфатической частицы, при словообразовании – на стыке слова и форманта, на стыке слов вообще. Это присуще и гласным и согласным.

С гласными могут происходить следующие изменения:

1) если к слову, оканчивающемуся на долгий гласный, присоединяется формант, начинающийся с гласного отличной артикуляции, то первый гласный подвергается той или иной редукции, например: *naḥhī* 'девушка' + *ā* = *naḥhiā* (редукция конечного *ī*).

То же происходит и в потоке речи на стыке слова и форманта, даже если последний не присоединяется к первому, например:

e > i: *rehne ālā* /*rehniālā*/ 'житель',

ī > i: *javātrī ā* /*javātriā*/ 'мужу дочери',

ū > u: *piū ī kū* /*piūkū*/ 'лишь отцу';

2) если одно слово оканчивается на долгий *ā*, а следующее за ним начинается с *ā*, то на стыке слышится звук, близкий к *ā*, например: *habbhā āhā* /*habbhā'ā*/ 'был весь';

3) если за словом, оканчивающимся на определенный гласный, следует слово, начинающееся с того же гласного или состоящее из него, то в результате получается более долгий звук того же качества, например: *puttrā ā / puttrā /* 'сыновьям *dhī ī / dhī /* 'лишь дочь';

4) если первый компонент сложного слова оканчивается на долгий гласный (особенно числительное), то в скороговорке этот гласный редуцируется и часто с изменением качества: *doakk (duakk)* 'имеющий два зуба', *dotahī (dutahī)* 'двойная шаль', *killī-phiā / killiphiā /* 'игра', *thāṇedār / thāṇidār /* 'полицейский';

5) если первый слог ударный, а второй, содержащий носовой согласный, — неударный, то гласный последнего назализируется, например: *sonā* 'золото', *kūnī* 'глиняная посуда';

6) если в скороговорке краткое слово, оканчивающееся на носовой гласный, стоит перед словом, первый слог которого находится под ударением и лишен назальности, то назальность этого гласного исчезает: *mā* в *mā hitthe rāhsā* 'я останусь здесь'.

Изменения согласных в потоке речи ленди сводятся главным образом к регрессивной ассимиляции. Здесь могут быть такие случаи:

1) звонкий перед глухим оглушается: *barbād kū (barbātkū)* 'разрушение';

2) зубной смычный перед средняязычным полностью ассимилируется: *vat cā ghin / vaccā /* 'затем возьми';

3) придыхательный перед смычным, *s* и *li* ʃ теряет придыхание: *tākh tāī / tāktāī /* 'для хищника'; *rakh ʃā / rakṣā /* 'положи вещь';

4) глухой перед звонким озвончается: *as zarūr (azzarūr)* 'мы обязательно';

5) придыхание теряется у согласного перед другим придыхательным: *vekh khā (vekkhā)* 'посмотри'.

ЛЕКСИКА

По происхождению лексика ленди состоит из следующих групп:

1) *дешья*, или *дешджа* (слова, которые не восходят к санскритскому или пракритскому корню и происхождение которых не установлено /Гуру, 47/).

2) индоарийские санскритские слова *татсама* и *полутатсама* (*татсама* – слова, вошедшие в данный язык непосредственно из санскрита, *полутатсама* – санскритские слова, несколько видоизмененные говорившими на пракрите);

3) индоарийские слова *тадбхава*, т.е. среднеарийская, пракритская лексика, в том числе санскритские слова, претерпевшие изменения в пракритах. Ш.И. Хак /Наг, 44/ называет этот источник просто буддистским пракритом;

4) заимствования из арабского, персидского, английского, кашмири и других языков.

Примечание. Х.Бахри /Bahri¹, 31/ в начале 30-х годов XX в. произвел статистическим путем на основе четырех текстов интересный этимологический анализ лексики аванкари, одного из диалектов ленди. Результаты его подсчета показывают, что абсолютное большинство лексики аванкари представлено словами тадбхава; на втором месте идут относительно поздние заимствования:

индоарийские слова тадбхава	– 60%
заимствования	– 20%
лексика дешья	– 15%;
слова неизвестного происхождения	– 4%;
санскритские слова татсама и полутатсама	– 1%.

В общем плане лексика ленди не отличается от лексики аванкари. После создания Пакистана в его лендиязычных районах стал усиленно распространяться урду (особенно литература на нем), что способствует, как показывает периодика на ленди, усиленному проникновению в последний персидско-арабской лексики.

Указанные лексические группы можно проиллюстрировать на примерах из мультани /Haq, 45-46/:

скр. *manda* 'медленный' > *mandā*,
скр. *ninānda* 'сестра мужа' > *ninān*,
пкр. *masanā* 'место кремации' > *smasanā* (*šamšan*),
пкр. *nehā* 'любовь' > *snehā* 'любовное послание',
ар. *baṣal* 'лук' > *vaṣal*,
ар. *miqrāz* 'ножницы' > *miqrāz*,
ар. *fajar* 'утро' > *fajar*,
п. *hāvan dastah* 'пестик и ступка' > *hamām dastah*,
п. *zāl* 'женщина' > *zāl* 'жена',
п. *ḍol* 'глиняный сосуд' > *ḍol*,
ассирийск. *sangu* 'уважаемый' > *saṅgī* 'друг'.

Кашмири и другие дардские языки влияют на северные диалекты ленди не только в области фонетики и грамматики, но и лексики:

кашм. *gatṣun* 'идти' > *gachṇā* (потхохари, чибхали и др.),
кашм. *bozun* 'слышать' > *bujjṇā* (там же),
кашм. *daw* 'беги' > *daw* (чибхали),
кашм. *hyonu* 'брат' > *ghinnā* (*hinṇā*) (чибхали).

Английские заимствования:

англ. *report* 'доклад' > *rapaṭ*,
англ. *appeal* 'апелляция' > *apīl*.
англ. *rail* 'поезд' > *rel*,
англ. *chief-court* 'главный суд' > *cip-korṭ*.

Словообразование

Словосложение

Словосложение является довольно распространенным способом образования слов в ленди.

По способу связи и функциональному отношению компонентов сложные слова делятся на две основные группы: сочинительноспаянные и подчинительноспаянные.

Сочинительноспаянные сложные слова слагаются из равноправных, параллельных компонентов, соединенных друг с другом чаще всего в своей неизменной форме. Такая модель наиболее распространена. Спайка частей слова в ней менее тесная, чем, например, в подчинительносвязанных словах. Это подтверждается не только сохранением прежней формы слов-компонентов, но и частым присоединением одного к другому через дефис. Примеры:

mār-kuṭ 'избиение' (букв. 'удар-удар'),
mār-kuttāī 'избиение' (букв. 'удар-избиение'),
dārū-dirmal 'лечение' (букв. 'лечение-лекарство'),
māl-sabāb 'вещи', 'товар' (букв. 'вещи-вещи').

Подчинительноспаянные сложные слова выражают такую связь, которая основана на способе синтаксически-функционального подчинения одного компонента другому, что выясняется при анализе интегральной лексической единицы.

Чаще всего подчиненный элемент выступает в качестве определения к другому элементу.

Способы создания данных слов более разнообразны, а их спайка более прочна, так как их компоненты при соединении нередко деформируются, а написание слова, как правило, бывает слитным. Вот примеры синкопической модели, для которой характерно выпадение звуков какого-либо компонента:

jidēh 'какой день', 'когда' (*jis* 'какой' + *dēh* 'день'),
hudēh 'тот день', 'тогда' (*hus* 'тот' + *dēh* 'день'),
guṛākū 'табак, перемешанный с сахаром' (*guṛ* 'сахар' +
 + *ākū* < *tamākū* 'табак').

Иногда деформация выражается не только синкопой, но и изменением еще одного звука, либо же добавлением звука, например:

liḍḍakā 'испорченный мальчик' (*liḍḍ* 'испражнения животного' + *akkā* < *kākā* 'мальчик' – редукция гласного и удлинение согласного);

zumerāt 'пятница' (*zume* < *zumtā* 'пятница' + *rāt* 'ночь' — *mt* > *m*, *ā* > *e*).

Словосложение может сопровождаться и добавлением служебных морфем, например:

sirmunnī 'девушка с бритой головой' (*sir* 'голова' + *mun* 'бритье' + морфема *-nī*);

dolattī 'удар двумя ногами' (*do* 'два' + *latt* 'нога' + флексия *-ī*).

Компоненты могут связываться и при помощи соединительной гласной, например:

aḥovārī 'неделя' (*aḥ* < *aḥḥ* 'восемь' + соединительная морфема *-o-* + *vārī* 'день недели').

Словопроизводство

1. Суффиксация:

lohā 'железо' — *lohār* 'кузнец' (*loh* + *-ār*),

soṇā 'золото' — *soniārā* 'ювелир' (*soṇ* + *iārā*),

zamīn (джатки Шахпура) 'земля' — *zamīndār* 'заминдар' (*zamīn* + *dār*),

zim (аванкари, сокр. от *zamīn*) 'земля' — *zimdār* (*zimidār*) 'заминдар' (*zim* + *-dār*),

mūṇjh 'печаль' — *mūṇjhā* 'печальный' (*mūṇjh* + *-ā*),

bbāl 'мальчик' — *bbālī* 'девочка' (*bbal* + *-ī*),

ḍḍom (мультиани Дерагазихана) 'музыкант' — *ḍḍomī* 'музыкантша' (*ḍḍom* + *-ī*),

ḍūm (джатки Шахпура) 'музыкант' — *ḍūmī* 'музыкантша' (*ḍum* + *-ī*),

jaṭṭ 'джат' — *jaṭṭī* 'джатка' (*jaṭṭ* + *-ī*),

maṅgan 'просить' — *maṅgaṇhār* 'нищий' (*maṅgaṇ* + *-hār*),

Maḥmūd 'Махмуд' — *maḥmūdānī* 'сын Махмуда' (*maḥmūd* + *-anī*).

При помощи суффиксации можно образовать имена со значением увеличительности и уменьшительности, например:

jins 'собственность' — *jinsār* 'крупная собственность'

(*jins* + *-ār*),

carpā 'весло' — *carpī* 'маленькое весло' (*ā* > *ī*),

bannh 'пруд' — *bannohī* 'маленький пруд' (*-o-*, *-ī*)

Суффиксация может быть и вторичной, например:

lohā - *lohār* - *lohārī* 'жена кузнеца' (*loh* +, *-ār* + *-ī*),

zamīn - *zamīndār* - *zamīndārī* 'жена заминдара' (*zamīn* + *-dār* + *-ī*).

2. Префиксация:

jhakk 'бойся' — *nijhak* 'бесстрашный' (*ni-* + *-jhak*),

pīteō 'выпивший' — *vaṇpīteō* 'не выпивший' (*vaṇ-* + *-pīteō*),

khādeō 'поевший' — *vaṇkhādeō* 'не поевший' (*vaṇ-* + *-khādeō*),

puttur 'сын' — *kuruttur* 'плохой сын' (*ku-* + *puttur*), *suputtur* 'хороший сын' (*su-* + *puttur*).

3. Чередование звуков и внутренняя флексия:

sāi 'хозяин' — *sāṇ* 'хозяйка',

dhaṇḍāi 'пастух' — *dhaṇḍāṇ* 'жена пастуха',

oṛukk 'конец' — *oṛikk* 'наконец',

kukkar 'птица' — *kukkuṛ* 'петух'.

Чередование звуков может сопровождаться суффиксацией, например:

māchī 'пекарь' — *macheāṇī* 'жена пекаря',

kāzī 'судья' — *kazeāṇī* 'жена судьи',

karan 'делать' — *kandar* (или *kanda l*) 'исполнитель'.

4. Конверсия. Примером конверсии в ленди служат следующие пары:

mār 'бей' — *mār* 'битье',

kuṭ 'бей' — *kuṭ* 'битье',

rākhī 'поставившая', 'поставленная' — *rākhī* 'охрана',

diṭṭhā 'увидевший' — *diṭṭhā* 'обозрение',

ākḥā 'сказавший' — *ākḥā* 'речь', 'сказанное',

giddhā 'взятый', 'взявший' — *giddhā* 'взял',

vilhatā 'разделивший', 'разделенный' — *vilhatā* 'разделил'.

5. Речепроизводное образование слов при помощи субъектного и адъективно-уподобляющего форманта *ālā* (*vālā*). В ленди широко принято создание речевых единиц при помощи форманта *ālā* (в отдельных поддиалектах встречается форма *vālā*, как в хиндустани и панджаби). Такие образования в словарях почти не фиксируются и являются невоспроизводимыми единицами. Формант *ālā*, придающий указанным образованиям значения «производящий такое-то действие» или «имеющий отношение к тому-то», может писаться слитно (чаще) и раздельно от слова, к которому он относится. Этот формант изменяется по родам, числам и падежам. Поскольку присоединяясь к инфинитиву и к существительному, он придает им либо значение деятеля, обладателя, либо же уподобляет их прилагательному, мы предлагаем именовать такой формант субъектным и адъективно-уподобляющим формантом. Примеры: *karaṇālā* 'деятель', *devaṇālā* 'дающий', *haṭṭālā* 'владелец лавки'; *jjāl vālī* 'место, где растет сальвадорское дерево'.

Образование с *ālā* (*vālā*) может использоваться и как предикатив, например: *lacchaṇ tussaḍe corā vāle hin?* 'Разве твои действия не воровские?'.

МОРФОЛОГИЯ

Ленди преимущественно синтетический язык с элементами агглютинации. Однако он не лишен аналитичности и имеет довольно развитую систему послелогов и других соответствующих элементов.

Части речи как лексико-грамматические разряды слов целесообразно, как и в других языках, выделять по сумме признаков, к которым следует относить лексико-семантические, морфологические и функционально-синтаксические особенности. Помимо того, что каждая часть речи характеризуется общим значением, она также может обладать своей специфической как по характеру, так и по количеству суммой черт, рез-

ко отличной от таковой другой части речи. Поэтому иногда бывает трудно сопоставлять некоторые части речи, так как их отдельные черты могут располагаться в разных плоскостях.

В ленди наличествуют следующие части речи:

- а) самостоятельные: существительное, прилагательное, наречие, числительное и глагол;
- б) полусамостоятельная часть речи с ее заместительной функцией – местоимение;
- в) особая часть речи, выражающая чувства и волевые побуждения – междометие.

Имя существительное

Род

Род в ленди носит лексико-грамматический характер, так как эту категорию выражают не только грамматические формы и синтаксическая сочетаемость, но и лексико-семантические признаки. В данном языке наличествуют два рода: мужской и женский.

Поскольку в ленди, как и в ряде других языков Индии и Пакистана, трудно установить строгие правила определения категории рода, мы решили воспользоваться методом статистического анализа. Нами был исследован словарь Дж. Вильсона /Wilson/, содержащий немногим более четырех тысяч слов. Среди них зафиксировано 2642 имени существительных (2127 неодушевленных и 515 одушевленных), из которых 1561 относится к мужскому роду, а 1081 – к женскому.

Целесообразно начать рассмотрение категории рода с имен, обозначающих неодушевленные предметы. В словаре Вильсона таковых обнаружено 2127, из которых 1210 мужского рода, а 917 – женского (1210 м.р.: 917 ж.р.).

Инвентарь флексий слов данного класса в мужском роде (слово берется в исходной форме номинативного падежа единственного числа) более богат, чем в женском (20 м.р.: 16 ж.р.; см. табл. 5).

Таблица 5

**Инвентарь флексий неодушевленных существительных
по убывающей частотности**

Мужской род			Женский род		
№	Частотность		№	Частотность	
1	550	-C(C) (C)*	1	440	-C(C) (C)*
2	424	-ā	2	415	-ī
3	116	-a	3	16	-ā
4	31	-ā̃	4	12	-i
5	24	-ū	5	8	-ā̃
6	16	-u	6	6	-o
7	12	-ī	7	4	-e
8	7	-ū̃	8	3	-ā̃
9	6	-o	9	3	-a
10	5	-ē	10	3	-ō̃
11	3	-i	11	2	-ū̃
12	3	-ō̃	12	1	-ā̃
13	3	-e	13	1	-ā̃
14	2	-ī̃	14	1	-ā̃
15	2	-ā̃	15	1	-ā̃
16	2	-ū̃	16	1	-ē̃
17	1	-ā̃			
18	1	-ā̃			
19	1	-ī̃			
20	1	-ā̃			

*Согласный или сочетание согласных в конце слова.

Доминантными для мужского рода оказались флексии -ā (424 м.р.: 16 ж.р.), -a (116 м.р.: 3 ж.р.), -ū (24 м.р.: 0 ж.р.), -u (16 м.р.: 0 ж.р.). Как видно, две последние из них (-ū и -u) являются исключительно спецификой мужского рода. Примеры:

мужской род: *bādhā* 'дамба', *cāhā* 'мера объема', *daskārā* 'частое дыхание', *charcha* 'дерево чхачхра', *bidāna* 'сладкое мясо', *āṇūdārū* 'персик', *gokū* 'расстояние от большого до указательного пальца', *ḍittu* 'припадок', *unni* 'круг для переноса грузов на голове';

женский род: *mālā* 'нитка бус', *chā* 'осадок масла', *lakva* 'паралич лица'.

Доминантной для женского рода является лишь флексия -ī (415 ж.р.: 12 м.р.) Примеры:

женский род: *chimbī* 'веточка', *dehṛī* 'куполообразный надгробный памятник', *gaddī* 'сноп';

мужской род: *cattī* 'сковородка для обжаривания зерна', *lembī* 'обмазывание грязью'.

Чаще всего и в мужском (550 единиц) и в женском (440 единиц) роде встречаются существительные, имеющие в исходе согласный или сочетание согласных. Следовательно, такое окончание, несмотря на свою высокую частотность, не может быть специфичным ни для одного из обоих родов, и подобные случаи практически уравнивают друг друга. Правда, слова арабского происхождения на -at — женского рода, но они встречаются не так часто (два слова на 990, оканчивающихся на согласный или сочетание согласных). Примеры:

мужской род: *bhāṇ* 'временное жилье в поле', *cattur* 'печь для обжаривания зерна', *garmand* 'веревка для крепления седла', *jāhl* 'джаль' (дерево);

женский род: *ciṇj* 'клюв', *dākh* 'виноград', *furṣat* 'средства', *ṣāmat* 'проклятие'.

Относительно распространено в мужском роде по сравнению с женским окончание -ā (31 м.р.: 8 ж.р.), а в женском чаще встречается флексия -ī (12 ж.р.: 3 м.р.). Примеры:

мужской род: *aṭhṛūā* 'сидение на корточках', *kuṣṭā* 'вечернее время', *bāūli* 'молоко отелившейся коровы';

женский род: *kacāuri* 'качори' (сладкое блюдо), *bitti* 'русская золотая монета', *parehā* 'встреча'.

Кроме того, в мужском роде зафиксированы семь существительных на *-ũ*, шесть на *-o*, пять на *-ẽ*, по три на *-õ* и *-e*, по два на *-ũ*, *-ĩ* и *-ãũ*, по одному на *-ã*, *-ä*, *-ãũ* и *-ĩ*, а в женском шесть на *-o*, четыре на *-e*, по три на *-õ* и *-ã*, два на *-ũ* и по одному на *-ẽ*, *-ä*, *-ãũ*, *-ãũ* и *-ĩ*. Примеры:

мужской род: *kiliũ* 'карликовая пальма', *lo* 'горячий ветер', *dehẽ* 'солнце', *killehõ* 'карликовая пальма', *parse* 'пот', *dãrũ* 'порох', *pirhãĩ* 'каста барабанщиков', *sãũ* 'сотня', *jawãh* /*jawãĩ*/ 'джаван' (растение), *bã* 'покупка', *nãũh* /*nãũĩ*/ 'ноготь', *mĩh* /*mĩĩ*/ 'дождь';

женский род: *hiblo* 'спортивное обливание водой', *reh/reĩ* 'место', *arheõ* 'горчица', *lawã* 'холера', *lũ* 'волос животного', *bhoẽ* 'земля', *jã* 'непересыхающий ручей', *chãũ* 'наволочка', *sãũ* 'клятва', *kũ* *kã* 'кряканье уток'.

Среди имен существительных, обозначающих одушевленные предметы, картина несколько меняется. Во-первых, данный класс имен встречается реже (515 против 2127); во-вторых, в обоих родах сокращается инвентарь классов имен по типу флексий (в мужском 14 против 20, в женском 10 против 16); в-третьих, снижается коэффициент доминантности флексии *-ĩ* для женского рода (96 ж.р.: 39 м.р. против 415 ж.р.: 12 м.р.); в-четвертых, нарушается почти равная пропорциональность имен, оканчивающихся на согласный или сочетания согласных, со сдвигом в пользу мужского рода (139 м.р.: 58 ж.р. против 550 м.р.: 440 ж.р.), и слова данного класса перестают в женском роде быть самыми частотными (табл.6).

Доминантными для мужского рода остаются окончания *-ã* (112 м.р.: 1 ж.р.), *-a* (27 м.р.: 0 ж.р.), *-ũ* (15 м.р.: 0 ж.р.) и *-u* (6 м.р.: 0 ж.р.), причем сугубо специфическими для данного рода становятся не только *-ũ*, *-u*, но и *-a*. Примеры (в том числе на флексию *-ĩ* и консонантные окончания):

мужской род: *botã* 'молодой осел', *ãgã* 'лицо, делающее прививку', *sãhoã* 'мужчина-прачка', *mehtũ* 'буйволы' (собира-

тельное существительное), *leṣu* 'хозяин украденного скота',
dhādhī 'поэт', *dāwar* 'паук', *dānd* 'пахотный буйвол';
женский род: *dācī* 'верблюдица', *bālī* 'девушка', *bhuṇḍ*
'свинья', *hīl* 'коршун', *kaḥā* 'крик'.

Таблица 6

Инвентарь флексий одушевленных существительных
по убывающей частотности

№	Мужской род		№	Женский род	
	Частотность			Частотность	
1	139	-C(C) (C)	1	96	-ī
2	112	-ā	2	58	-C (C) (C)
3	39	-ī	3	2	-e
4	27	-a	4	2	-o
5	15	-ū	5	1	-ā
6	6	-u	6	1	-ā
7	3	-ā	7	1	-ū
8	3	-ū	8	1	-āū
9	2	-ō	9	1	-ō
10	1	-i	10	1	-ē
11	1	-ī			
12	1	-o			
13	1	-ū			
14	1	-e			

Кроме того, в мужском роде зафиксировано по три одушевленных существительных на -ā и -ū, два на -ō и по одному на -o, -ū, -i, -ī, -e, а в женском по два на -o и -e и по одному на -ā, -ō, -ū, -ē и -āū. Примеры:

мужской род: *dakkhñā* 'погонщик верблюдов', *dehmī* 'оса',
mirhō 'олень', *peo* 'отец', *dihmī* (вариант) 'оса', *khattri* 'член
варны кшатриев', *arāī* 'араин', *peke* 'семья отца' (собирает.);

женский род: *goh /go/* 'большая ящерица', *seh /se/* 'ди-
кобраз', *gā* 'корова', *dhaneō* 'корова, дающая молоко', *nūh*

/nũ-/ 'падчерица', *gaddē* 'ослица', *nāũh* /*nāũ*/ 'падчерица' (фонетический вариант).

Одушевленные имена существительные женского рода в ленди образуются от существительных мужского рода по нескольким моделям:

1) изменение конечной гласной:

-ā(-a) → *i*: *bagroṭā* 'козленок' > *bagroṭi* 'козочка', *triḍḍā* 'кузнечик-самец' > *triḍḍi* 'кузнечик-самка', *ḍhagga* 'слабый буйвол' > *ḍhaggī* 'слабая буйволица';

-ō → *ē*: *gaddō* 'осел' > *gaddē* 'ослица', *mirhō* 'олень-самец' > *mirhē* 'олень-самка';

-a → *aṇ* (модель потхохари): *chītā* 'стиральщик', *chītaṇ* 'женщина из касты стиральщиков';

-ī → *iṇ*, *eāṇi* (плюс редукция гласного в предыдущем слове, если он долгий): *kureṣī* 'мужчина из племени куреш' > *kureṣiṇ* 'женщина из племени куреш', *māchī* 'пекарь' > *macheāṇi* 'жена пекаря';

-i → *iṇ*, *āṇi*: *sansi* 'племя цыган санси' > *sansiṇ* 'женщина из племени цыган санси', *khattri* 'член варны кшатриев' > *khatttrāṇi* 'женщина из варны кшатриев'.

-āi → *āṇ*, *eāṇi*: *pirhāi* 'барабанщик' > *pirhāṇ* 'жена барабанщика', *nāi* 'парикмахер' > *neāṇi* 'жена парикмахера';

-āi, *āi*, *āi* → *āṇ*:

dhaṇāi 'молочник' > *dhaṇāṇ* 'молочница', *aṛāi* 'араин' > *aṛāṇ* 'жена араина'. *sāi* 'хозяин' > *sāṇ* 'хозяйка';

2) сочетание флективной вокалической мутации и синкопы (мульти Дерагазихана):

ṭattū 'пони-жеребец' > *ṭatvāṇi* 'пони-кобыла';

3) вокалически-консонантная мутация (джатки):

ṭattū 'пони-жеребец' > *ṭār* 'пони-кобыла';

4) синкопа:

gohirā (*guhīrā*) 'большая ящерица-самец' > *goh* /*go*/ 'большая ящерица-самка', *jhoṭā* 'буйвол до двух с половиной лет' > *jhoṭ* 'буйволица до двух с половиной лет';

5) внутренняя флексия: в словах, насчитывающих два и более слогов, *u* последнего слога переходит в *i*. Внутренняя флексия становится двойной, если предпоследний слог содержит гласный *āu*, так как он переходит в *ā*:

-*u* → *i* (*taū* → *ā*): *kukkuṛ* 'петух' > *kukkiṛ* 'курица', *vāūhuṛ* 'телок' > *vāhiṛ* 'телка', *niḡḡur* 'мальчик' > *niḡḡir* 'девочка';

6) сочетание внутренней флексии и консонантной мутации: *kāūṛk* 'полевой воробей-самец' > *kakk* 'полевой воробей-самка' (*āu* → *a* + *ṛ* → *k*);

7) добавление аффикса к имени, оканчивающемуся на согласный или сочетание согласных:

-*ṭ*: *jaṭṭ* 'джат' > *jaṭṭī* 'жена джата', *dhirkāṇ* 'член касты плотников' > *dhirkāṇī* 'женщина из касты плотников';

-*ṛ*: *bāl* 'мальчик' > *bālṛī* 'девочка';

-*nī*: *naṭṭ* 'акробат' > *naṭṭnī* 'жена акробата', *pīṛ* 'святой' > *pīṛnī* 'жена святого';

-*aṇī*: *malik* 'вождь' > *malikaṇī* 'жена вождя';

-*nī*: *jaṭṭ* 'погонщик верблюдов' > *jaṭṭnī* 'жена погонщика верблюдов';

8) сочетание аффикса и синкопы:

kaṇṇul 'воробей-самец' > *kaṇṇlī* 'воробей-самка', *lūmbuṛ* 'лис' > *lūmbṛī* 'лисица', *tittur* 'воробей-самец' > *tittṛī* 'воробей-самка';

9) супплетивный способ:

peo 'отец' > *mā* 'мать', *puttur* 'сын' > *dhī* 'дочь', *sāhṇ* 'бык' > *ḡā* 'корова'.

Неодушевленные имена существительные женского рода, образованные от своих коррелятов мужского рода, чаще всего передают идеи уменьшительности или снижения степени качества. Количество моделей образования данного класса имен невелико:

1) добавление аффикса к консонантной финали слова:

-*ī*: *khiṭṭ* 'комок' > *khiṭṭī* 'маленький комок', *gaḍḍhaṛ* 'тюк' > *gaḍḍhaṛī* 'маленький тюк';

-oṭī: *vaṇ* 'дерево ван' > *vaṇoṭī* 'маленькое дерево ван';

2) сочетание аффикса и синкопы:

lāṭ 'курдюк жирного барана' > *laṭūnī* 'курдюк барана средней жирности' (-ā- + -ūnī → -a- + -ūnī)

3) изменение конечной гласной:

-ā → ī: *hullā* 'печь' > *hullī* 'маленькая печь', *gaḍvā* 'медная чашка' > *gaḍvī* 'маленькая медная чашка', *kavhāṭ* 'топор' > *kavhāṭī* 'топорик'.

Следует иметь в виду, что иногда имена, образованные аффиксацией от имен мужского рода, приобретают идею уменьшительности, не превращаясь в существительные женского рода, например:

vaṇ 'дерево ван' (м.р.) > *vaṇoṭā* 'маленькое дерево ван' (м.р.), а не только *vaṇoṭī* (ж.р.).

Некоторые существительные в ленди испытывают колебание рода, выступая и в мужском и в женском роде, например:

haṭar 'бродячее животное', *mazāṭ* 'верблюд до двух лет', *khulāk* 'теленка, сосущий молоко', *ghaṭ* 'нехватка'.

Число

В ленди существуют два числа: единственное и множественное. Основные способы образования множественного числа следующие.

1. Существительные мужского рода, оканчивающиеся на -ā, в номинативном падеже изменяют его на -e:

ḍālā 'блюдо из пшеницы' — *ḍāle*,

kuṇgrā 'щенок' — *kuṇgre*,

gīgā 'малыш' — *gīge*.

Исключение составляет такое существительное, как *bhirā* (*bhṛā*) 'брат', которое во множественном числе остается в той же форме.

Специфически изменяется по числам существительное джати *tanḥā* 'племя белуджей' > *tanēḍ*.

Некоторые слова могут оканчиваться на назализованный долгий $\tilde{a}$ в единственном числе и $\tilde{e}$ во множественном. Так, в мультани Дерагазихана *jjaṇṭā* 'человек' — *jjaṇṭē* 'люди'; кроме того, есть неправильная форма множественного числа *jjaṇṭā̃*. В потхохари *p'aluvā* 'ошибка' > *p'aluvē*, *pichāuvā* 'тень' > *pichāuvē*.

2. Существительные мужского рода, оканчивающиеся на другие гласные в номинативном падеже множественного числа, чаще всего остаются неизменными:

peo 'отец' — *peo* (джатки),
piū 'отец' — *piū* (мультани и аванкари),
ghoblū 'множество' — *ghoblū* (потхохари),
nirālī красильщик, оперирующий индиго, — *nirālī*.

Однако в северном диалекте чибхали и говорах гор Мурри существительное *peo* принимает во множественном числе соответственно формы *pere* и *pevre*, а слово *ādmī* 'человек' в мультани Дерагазихана — форму *ādmī̃* 'люди'.

В тхали существительное мужского рода *dhohē* 'большой навес' изменяет во множественном числе $\tilde{e}$ на $\tilde{i}$ при вокалической мутации: *dhūhī̃*.

3. Существительные мужского рода (район Хайрпура), оканчивающиеся на краткий *-u*, принимают во множественном числе краткий *-a*:

puṭu 'сын' — *puṭa*,
mālu 'богатство' — *māla*.

В некоторых же говорах юго-западной части Западного Панджаба и других районов можно встретить у подобных существительных краткий *-a* в единственном числе номинативного падежа и два варианта во множественном числе того же падежа на *-a* и $\tilde{a}$: *putra* 'сын' — *putra* (*putrā̃*).

4. В основных диалектах двух- и более сложные существительные мужского рода, оканчивающиеся на согласный с предшествующим гласным, образуют форму множественного числа внутренней флексией. Данный *u* изменяется на *a*, а если предпоследний слог содержит *āu*, то *āu* переходит в *ā*, например:

munḍar 'пень' — *munḍar*, *ṣāuḥur* 'деревня' — *ṣaḥar*. В мультани Музаффаргарха подобные существительные, оканчивающиеся на *a* + согласный, остаются без изменений во множественном числе, например: *kukkaṛ* 'петух' — *kukkaṛ*.

В тхали внутренняя флексия при образовании множественного числа может наблюдаться в первом слоге, например: *potar* 'сын' — *puttar* (плюс удвоение согласного *t*).

5. Другие существительные мужского рода в номинативном падеже множественного числа не изменяются:

bubbbhaṛ 'пузырь' — *bubbbhaṛ*,

tog 'крупная дрофа' — *tog*,

mun 'стойка' — *mun*.

6. Существительные женского рода часто образуют форму номинативного падежа множественного числа добавлением суффикса *-ā* (*vā*):

pirt 'обычай' — *pirtā*,

khujjat 'довод' — *khujjatā*,

khaṭṭī 'кровать' — *khaṭṭīā*,

dhī 'дочь' — *dhīā* (южные диалекты), *dhīṛī* (пунчи),

mā 'мать' — *māwā*.

7. Ряд существительных женского рода во множественном числе присоединяет суффикс *-ī* (иногда при синкопе гласного последнего слога):

chohīr 'девушка' — *chohīṛī*,

zāl 'женщина' — *zālīṛī*.

8. Некоторые существительные женского рода образуют форму номинативного падежа множественного числа присоединением суффикса *-ū*, например:

pīlh 'фрукт пилх' — *pīlhū*,

khumbh 'гриб' — *khumbhū*.

9. Существительные женского рода джатки могут присоединять во множественном числе окончания, представляющие собой краткие носовые гласные *ĩ*, *ā* и *ū*. Примеры: *paṭṭ* 'бревно' *paṭṭĩ*, *goh* 'большая ящерица' > *gohĩ*, *sāṇḡ* 'копье' > *sāṇḡā*, *reh* 'место' > *rehū*, *tand* 'пряжа' > *tandū*.

Таблица 7

**Типы образования множественного числа
с их вариантами**

/где S- – сегментная часть существительного, за вычетом его остатка, обозначенного знаком или знаками (V, C, * и др.)
V – гласный, C – согласный/

№	род	Тип		Вариант типа	
		единственное число	множественное число	единственное число	множественное число
1	мужской	S- <i>a</i> : <i>ḍālā</i>	S- <i>e</i> : <i>ḍālē</i>	a) S- <i>ā</i> : <i>jjanā</i> b) <i>bhirā</i> (<i>bhrā</i>)	S- <i>ē</i> : <i>jjanē</i> <i>bhirā</i> (<i>bhrā</i>)
2		S-V: <i>peo</i> , <i>piū</i> , <i>ghoblū</i> , <i>nirālī</i>	S-V: <i>peo</i> , <i>piū</i> , <i>ghoblū</i> , <i>nirālī</i>	a) S- <i>u</i> : <i>puṭu</i> b) S- <i>a</i> : <i>putra</i> c) <i>peo</i> d) <i>ādmī</i>	S- <i>a</i> : <i>puta</i> S- <i>a</i> (<i>ā</i>): <i>putra</i> (<i>putrā</i>) <i>pere</i> (<i>pevre</i>) <i>ādmī</i> (<i>ādmī</i>)
3	женский	S- <i>u</i> C: <i>mundur</i>	S- <i>a</i> C: <i>munḍar</i>	a) S- <i>ā</i> SC: <i>ṣāḍhur</i> b) S- <i>a</i> C: <i>kukkaṛ</i>	S- <i>ā</i> C <i>a</i> C: <i>ṣāḍhar</i> S- <i>a</i> C: <i>kukkaṛ</i>
4		S-C: <i>mun</i>	S-C: <i>mun</i>		
5		S-C: <i>pirt</i>	S-C <i>ā</i> : <i>pirtā</i>	a) S-C: <i>zāl</i> b) S-C: <i>pīlh</i> c) S-C: <i>paṭṭ</i> d) S-C: <i>sāṅg</i> f) S-C: <i>tand</i>	S-C <i>ī</i> : <i>zālī</i> S-C <i>ā</i> : <i>pīlhū</i> S-C <i>ī</i> : <i>paṭṭī</i> S-C <i>ā</i> : <i>sāṅgā</i> S-C <i>ū</i> : <i>tandū</i>
6	мужской	S-V: <i>khaṭīṛ</i>	S-V <i>ā</i> : <i>khaṭīṛā</i>	a) <i>dhī</i> b) S-V: <i>goh/goṭ</i> c) S-V: <i>reh</i> (<i>re</i>)	<i>dhīṛā</i> (<i>dhīṛ</i>) S-V <i>ī</i> : <i>gohī</i> (<i>gōṭī</i>) S-V <i>ā</i> : <i>rehā</i> (<i>rēā</i>)

Присоединение флексии *ī* у некоторых существительных сопровождается синкопой: *sāḍikin* 'вторая жена' > *sāḍikṇī*.

Существительное *seh* 'дикообраз' имеет две формы множественного числа: *sehā* и *sehī*.

От диалекта к диалекту могут быть и другие колебания в образовании форм множественного числа некоторых слов.

Так, если в мультани слово *bheп* 'сестра' приобретает во множественном числе суффикс $\tilde{r}$ - *bheпi*, то в джатки — суффикс $\tilde{d}$: *bhān* - *bhānā*.

Падеж и склонение

Эволюция падежной системы ленди тесно связана с послеложными образованиями, послеложными комплексами, которые, как и предложные сочетания в некоторых языках, описанные В.М. Жирмунским /АКЯРТ, 5 — 57/ и рядом других исследователей, конкурируют с синтетическими падежами и частично или полностью заменяют их на эквивалентной основе, причем послеложные комплексы более гибко и многосторонне выражают падежные отношения, чему способствует значительный инвентарь послелогов.

Превращаясь в послелог, слово ослабляет, а то и утрачивает совсем свое основное лексическое, в том числе и предметное (если оно им обладает) содержание, генерализует его и перекодирует в значительной (а то и полной) степени на выражение абстрактной грамматической (падежной) связи. Так возникают послелогии — «постфиксы». Когда это происходит, то сочетания, в которые входят такие послелогии, морфологизуются и начинают представлять собой аналитическую форму слова. О такого рода морфологизации в общем плане справедливо замечает О.П. Суник: «Флективная морфология (точнее, морфология аффиксов) есть средство образования синтетических форм слова. Нефлективная морфология (точнее, морфология служебных слов) есть средство образования аналитических форм слова» /АКЯРТ, 77/.

В ленди можно вести речь об аналитической послелогизованной форме слова и послеложном склонении. Если прибегать к удачному термину В.С. Храковского, то в более общем плане такую форму можно назвать и «аналитической словоформой» /АКЯРТ, 214/.

Послелог несет в принципе такую же грамматическую функцию, как и флексия синтетического падежа. В этой связи уместно привести высказывание Е. Куриловича: «Решающую роль играет функция, а не происхождение. Никто не будет отрицать падежный характер древнеиндийского датива только потому, что форма содержит постпозитивный элемент -а, который отличает ее от датива местоимений и датива других индоевропейских языков» /Курилович, 192/.

Довольно общее, генерализованное значение послелогов позволяет некоторым из них быть многозначными, а следовательно, более широко передавать падежные отношения.

Эти соображения и исследованный материал позволяют сделать вывод, что в ленди помимо синтетических падежей существуют и аналитические. Если учесть, что падеж – грамматическая категория, то он представляет собой не просто форму, а форму, наделенную грамматическим значением (или значениями).

В ленди помимо синтетических вариантов падежей в большинстве случаев существуют и аналитические. Они отличаются либо стилистическим характером, либо категориально-грамматическим.

Таким образом, в ленди наблюдается явление падежной синонимии, или падежной вариантности.

Здесь следует выделить четыре группы падежей: 1) субъектно-подлежащие, 2) объектно-приглагольные, 3) применные (в том числе инфинитивный), 4) конкретно-обстоятельственные.

Особняком стоит звательный падеж, который в отличие от символически-репрезентативной роли указанных падежей обладает экспрессивно-апеллятивной функцией.

Субъектно-подлежащие падежи представлены номинативным и эргативным, объектно-приглагольные – винительным, дательным, косвенно-объектным, инструментальным и вторичным аблативом, применные – согласующе-реляционным, конкретно-обстоятель-

ственные — основным обстоятельством, вторичным инструментальным и аблативом.

Следует иметь в виду, что помимо согласующе-реляционного падежа существуют и другие разновидности применных падежей, как например, применный аблатив, применный косвенно-объектный падеж, но из-за их малой употребительности мы их не приводим.

Номинативный падеж выражается основной, исходной формой существительного, могущей изменяться во множественном числе в зависимости от типа имени. Это синтетический падеж, представляющий наиболее распространенную разновидность подлежащего. См. примеры в разделе «Число».

Эргативный падеж — это падеж имени, обозначающего подлежащее—субъект действия в эргативной конструкции. Часто он имеет падежное окончание, омонимически сходное с таковым аналитических падежей, но в отличие от последних форма эргативного падежа или сам эргативный падеж полностью определяется этим окончанием, в то время как у аналитического падежа падежное окончание — лишь часть его формы, а другой частью служит послелог или сочетание послелогов (см. ниже).

Однако в некоторых северных диалектах могут быть разные флексии в сопоставляемых падежах: в аналитическом одна, а в эргативном — другая. Так, в пунчи суффикс *-ā* — показатель окончания первого, а суффикс *-e* — второго: *тиңдi* 'голова', *тиңдiā* + послелог (аналитический падеж), *тиңдiе* (эргативный падеж).

Следует иметь в виду, что по сравнению с другими индийскими языками употребление эргатива в лэнди относительно ограничено, поскольку вместо него часто используется односоставная конструкция со сказуемым в местоименно-суффиксальном оформлении, о чем речь пойдет ниже.

Более подробно примеры на данный падеж см. в разделе «Эргативный залог и эргативная конструкция».

Винительный падеж представлен двумя вариантами: 1) синтетической словоформой, омонимично совпадающей с таковой номинативного падежа (как, например: *lāle orā am ānden* 'Отец принес манго'; *mā vī ruc̣h ghisā* 'Я также приму меры'; *cā khā mā rī nī sāuh* 'Поклянись родителями'); 2) аналитической словоформой. Следует подробнее рассмотреть последнюю.

Если критически использовать дихотомию Е.К. Куриловича, примененную им к предложным образованиям, и заменить при этом термин «морфема», который следует лучше использовать для синтетических форм, термином «морфа», то дихотомия аналитического винительного падежа (как, впрочем, и всякого другого аналитического падежа) будет представлена автосемантической (самостоятельной) морфой, равной корню или основе (иногда еще сопровождаемой родовой флексией), и синсемантической (несамостоятельной) морфой, равной послелогу (в других аналитических падежах – также сочетанию послелогов) и имплицуруемой им флексии (в том числе внутренней, как это имеет место в ленди), иногда равной нулю. Синсемантическая морфа строится из основной субморфы (послелога, а в других аналитических падежах возможны и сочетания послелогов) и дополнительной субморфы (падежной флексии).

В качестве основной субморфы в ленди используются послелоги типа *kū* (*ā, āh, hā, ko, tāt, kī* и др.), являющиеся чистыми формантами, сигнализирующими о синтаксической (приглагольной) функции винительного падежа имени. Примеры: *buškā* 'связка одежды' – *buške kū* 'связку одежды', *muṇḍar* 'пень' – *muṇḍar āh* 'пень' (внутренняя флексия).

В первом примере автосемантическая морфа *bušk* дихотомически противопоставлена сложной синсемантической морфе *e + kū*, т.е. *bušk* – (*e + kū*). А для второго примера дихотомию можно изобразить так: *muṇḍ...r* – (*a + āh*).

Аналитический вариант винительного падежа отличается от синтетического двумя моментами: 1) категорией определенности, ибо послелог оттеняет имя и, подобно определенному

артиклю в других языках, придает ему категорию определенности; 2) категорией одушевленности, поскольку послелог чаще используется с именами, обозначающими живые существа.

Винительный падеж имеет синтаксическую функцию, вызванную управлением, поэтому он относится к типу объектно-приглагольных падежей.

Прежде чем перейти к другим падежам, следует перечислить варианты образования автосемантической морфы с дополнительной субморфой (флексией) в аналитических падежах, исходя из формы номинативного падежа.

В единственном числе типы существительных, перечисленные в разделе «Число», изменяют форму номинативного падежа на автосемантическую морфу с дополнительной субморфой (флексией) аналитических падежей следующим образом.

1. Как правило, имена, оканчивающиеся на *-ā*, меняют его на *-e*: *buṣkā* 'связка одежды' – *buṣke* + послелог.

Исключение составляет ряд неизменяемых слов, главным образом арабско-персидского происхождения, как, например: *ḍāpā* 'мудрец', *maulā* 'господин', *khudā* 'бог', *mīrzā* 'князь', *rājā* 'раджа', *kabitā* 'стихи', *lālā* 'господин'. Слово *bhirā* (*bhrā*) 'брат' изменяется на *bhirāū* (*bhrāū*). В северном диалекте дхунди-кайрали многие существительные на *-ā* в аналитических падежах эту флексию не меняют, например: *velā* 'время' – *velā* + послелог, в чибхали же в данном слове *ā* переходит в *ä*: *velā* – *velä* + послелог.

2. У существительных мужского рода, оканчивающихся на другие гласные, автосемантическая морфа с дополнительной субморфой омонимична словоформе номинативного падежа, например: *prābhū* 'господин' – *prābhū* + послелог. Однако в таких северных диалектах, как потхохари, с одной стороны, и дхунди-кайрали, чибхали и пунчи – с другой, добавляются суффиксы *-e* и *-ā* соответственно, например: *desī* 'местный табак' – *desīe kī* 'местный табак' (вин.пад., потхохари), *ādmī* 'человек' – *ādmīā kī* 'человека' (дхунди-кайрали и чибхали).

В диалектах, имеющих форму номинативного падежа *reo* 'отец', автосемантическая морфа с флексией представлена *rīū* (+ послелог).

3. Существительные мужского рода в мультани района Хайрпура меняют *-u* номинативного падежа на *-a*: *ruṭu* 'сын' — *ruṭa* (+ послелог).

4. Существительные мужского рода, оканчивающиеся на *u* + согласный, в джатки Шахпура и ряде других диалектов меняют *u* на *a*: *muṇḍuṭ* 'пень' — *muṇḍaṭ* (+ послелог).

В мультани Музаффаргарха, имеющем вариант подобных существительных на *-a* + согласный, изменений не происходит: *kukkaṭ* 'петух' — *kukkaṭ* (+ послелог).

5. Существительные мужского рода, оканчивающиеся на согласный, в большинстве южных диалектов не изменяются, например: *muṇ* 'стойка' — *muṇ* (+ послелог). Однако в северных диалектах автосемантическая морфа ед. числа образуется добавлением *-e*, *-ā* или *-ā*, например: *bubbhaṭ* 'пузырь' — *bubbhaṭe* (+ послелог) (потхохари), *girāṇ* 'деревня' — *girāṇā* (+ послелог) (дханны), *ṣakhs* 'человек' — *ṣakhsā* (+ послелог) (чибхали), *paukaṭ* 'служаший' — *paukaṭā* (+ послелог) (пунчи).

6. Большинство существительных женского рода, оканчивающихся на гласный и на согласный, в единственном числе не изменяются: *pirt* 'обычай' — *pirt* (+ послелог), *khaṭṭī* 'кровать' — *khaṭṭī* (+ послелог). Однако в северных диалектах существительные женского рода, оканчивающиеся на согласный (а иногда и на гласный), часто принимают окончание *-ī* или *-ū*, например: *akkh* 'глаз' — *akkhī* (+ послелог), *bhān* 'сестра' — *bhānī* (+ послелог), *dhī* 'дочь' — *dhīū* (+ послелог).

Во множественном числе автосемантическая морфа с флексией образуется следующим образом:

1) у существительных 1-го типа *-ā* чаще всего переходит в *-eā*, например: *buṣkā* 'связка одежды' — *buṣkeā* (+ послелог). Однако в мультани Музаффаргарха и Дерагазихана *-ā* меняется на *-ē*, например: *ghoṭā* 'лошадь' — *ghoṭē* (+ послелог).

лог), а в тхали района Мианвали на $-\tilde{a}$, например: *varhā* 'год' – *varhā* (+ послелог); существительные типа *dānā* 'мудрец', неизменяемые в единственном числе, во множественном числе чаще всего меняют $-\tilde{a}$ на $-\tilde{vā}$ – *dānāvā* (+ послелог). Также изменяется существительное *bhirā* (*bhrā*) 'брат': *bhirāvā* (*bhravā*);

2) чаще всего существительные 2-го типа образуют исковую форму множественного числа добавлением $-\tilde{ā}$. Иногда конечные гласные $-\tilde{u}$ и $-\tilde{i}$ могут выпадать, например: *prābhū* 'господин' – *prābhūā* (*prābhā*) (+ послелог), *kavī* 'поэт' – *kavīā* (*kavā*) (+ послелог), *peo*, *piū* 'отец' превращается в *pevā* (+ послелог). Однако в потхохари существует еще форма *peorīā* (+ послелог), а в чибхали наличествует *pereā* (+ послелог). В диалекте пунчи вместо $-\tilde{ā}$ используется суффикс $-\tilde{e}$, например: *ādmī* 'человек' – *ādmīē* (+ послелог), а в мультани Дерагазихана для этого же слсва имеем *ādmē* (+ послелог);

3) существительные мультани района Хайрпура в аналитических падежах множественного числа меняют окончание $-u$ единственного числа прямого падежа на $-\tilde{ā}$: *puṭi* – *puṭīā* (+ послелог);

4) существительные 4-го типа утрачивают u исходной формы и добавляют $-\tilde{ā}$: *mundur* 'пень' – *mundrā* (+ послелог). В подобном варианте мультани Музаффаргарха выпадает гласный $-a$ -и добавляется $-\tilde{e}$: *kukkar* 'петух' – *kukkrē* (+ послелог);

5) в большинстве случаев имена, оканчивающиеся на согласный, в рассматриваемой форме присоединяют $-\tilde{ā}$, например: *purb* 'праздник' – *purbā* (+ послелог). Однако в мультани Музаффаргарха и пунчи присоединяется $-\tilde{e}$: *ghar* 'дом' – *gharē* (+ послелог), *naukar* 'служащий' – *naukarē* (+ послелог);

6) в большинстве диалектов существительные женского рода, имеющие в номинативном падеже множественного числа окончание $-\tilde{ā}$, $-\tilde{i}$ или $-\tilde{ū}$, их не изменяют: *khaṭṭīā* 'кровати', *pīlḥū* 'фрукты', *zālī* 'женщины', *māvā* 'матери'.

Форма *dhīṭī* 'дочери' в пунчи также не меняется.

Однако в мультани (хинди) Дерагазихана существительные женского рода, имеющие во множественном числе номинативного падеже суффикс *-ā*, заменяют его в аналитических падежах того же числа на *-ē*, например: *ghoṛīā* 'кобылы' – *ghoṛīē* (+ послелог).

Дательный падеж представлен только аналитической словоформой и полностью омонимичен аналитическому варианту винительного падежа. Это также объектно-приглагольный падеж, но в предложении он занимает менее центральное положение, чем винительный падеж. Он выражает косвенное дополнение-адресат. Примеры: *putr kṛ ākhiā* 'Сказал сыну', *Murād tāi* 'Мураду'.

Косвенно-объектный падеж выражает косвенное дополнение за исключением дополнения-адресата, относящегося к дательному падежу, и дополнений, представленных инструментальным падежом и вторичным аблативом. По объему синтаксических связей он более обширен, чем каждый из сопоставляемых падежей, и богаче по оттенкам, так как в качестве основной субморфы в его словоформах может выступать довольно солидный инвентарь послелогов. Чаще всего этот падеж выражает объект, на который направлено действие или с которым оно связано. Поскольку данный падеж самый представительный и обширный по связям из всех падежей, могущих представлять косвенное дополнение, мы сочли целесообразным назвать его просто косвенно-объектным.

С точки зрения структуры нами выявлены две разновидности падежа: синтетическая (при помощи суффикса *-ē(e)* и аналитическая. Примеры: *ū de hathē hik mundrī, attē pārē hik juttī rawāo* 'На его руку (букв. руки) наденьте кольцо, а на ноги пару туфель'; *āsmān dde mūh kar murkiā* 'Обратил лицо к небу'; *apṇe piū dhir iurīā* 'Отправился к своему отцу'; *hik raīs kannē vañ pōhiā* 'Прибыл к одному богачу'; *pārā i juttī luāo* 'На ноги наденьте обувь'; *raīs de kol hū* 'у богача'; *raīs nāl* 'с бо-

гачем'; *hikk kuttī janānī tāī e* 'Одна собака для жены'; *mā. ḍāk-dar kol vānā* 'Я иду к врачу'.

Согласующе-реляционный падеж имеет синтаксическую функцию, основанную на таком типе связи слов, как согласование. Этот падеж позволяет согласовывать член предложения, выраженный существительным (а также другими частями речи), с другим членом предложения, чаще всего выраженным существительным (а иногда местоимением-существительным или инфинитивом). Поэтому данный падеж целесообразно отнести к типу приименных. Он аналитический и включает в свою словоформу согласующе-реляционный послелог *nā* (*nā*) или *dā*. Последний назван нами так (откуда и происходит наименование падежа) потому, что, следуя за автосемантической морфой с флексией какого-то слова, он отсылает нас к другому слову-члену предложения и при этом, изменяясь по родам и числам (а иногда и по падежам), согласует первое слово со вторым.

Чаще всего согласующе-реляционный падеж выражает согласованное определение, согласованный предикатив или качественно-предикативный член (о последнем см. ниже). Примеры: *vaḍḍeā nā velā* 'эпоха предков'; *caī mahīniā nā jātuk os trimī nā e* 'У той женщины четырехмесячный ребенок' (букв. '...ребенок той женщины есть'); *adal ādmī dā magde hin* 'Справедливости просят у человека'.

Следует иметь в виду, что помимо главной функции — быть основной субморфой синсемантической морфы согласующе-реляционного падежа — послелог *nā* (*dā*) имеет и вторичную функцию, состоящую в том, что он, нередко сочетаясь с каким-либо послелогом, тавтологически сигнализирует вообще (помимо другого послелога) о наличии аналитического падежа, как правило, основного обстоятельственного. Об этом послелоге см. также раздел «Послелоги».

Основной обстоятельственный падеж. В ленди существует особый падеж, который выражает общее грам-

матическое значение обстоятельства (чаще всего места, направления, времени, цели). Он более распространен (и широк по своему диапазону), чем другие обстоятельственные падежи (вторичный инструментальный, аблатив), поэтому мы назвали этот падеж основным обстоятельным.

Надо указать на неправильное, слишком узкое по значению, наименование этого падежа некоторыми лингвистами /Wilson, II/ как «локатив», что передает лишь идею обстоятельства места.

Этот падеж представлен двумя основными разновидностями: 1) синтетической и 2) аналитической.

Формы синтетического падежа имеют варианты, иногда зависящие от рода, числа (имени) или диалекта.

1. Существительное мужского рода, оканчивающееся на согласный, может иметь в единственном числе такие варианты:

а) обладать нулевым аффиксом: *ghar roṭī khā karāhī* 'поев дома';

б) обладать суффиксом *-e*: *ghare* 'дома';

в) обладать суффиксом *-ī*: *haṭī* 'в лавке';

г) если существительное оканчивается на *u* + согласный, то данный падеж образуется заменой *u* на *i*, а в случае наличия в предпоследнем слоге *āu* — его заменой на *ā*: *chekuṛ* 'конец' — *chekiṛ* 'наконец'; *sāukhur* 'рогатый скот', *cākhir* 'у рогатого скота'; *setur* 'месяц четур', *setir* 'в месяц четур';

2) существительные мужского рода на *-ā* заменяют его в единственном числе на *-e*: *hikk dihāṛe* 'однажды', *boṛgā* (наименование населенного пункта) — *boṛge vaṇ latthase* 'Прибыв в Бонгу, мы сошли';

3) существительные женского рода в единственном числе образуют основной обстоятельный падеж следующими способами:

а) добавлением суффикса *-ī*: *jā* 'место' — *falāṇī jāī* 'в определенном месте', *dā* 'направление' — *dāī* 'в направлении', *akkh* 'глаз' — *akkhī* 'в глазу';

б) иногда существительные женского рода остаются неизменными, например: *kure sadāgaṭī gach* 'Поезжай куда-либо торговать' (букв. 'куда-нибудь торговля поезжай'). Здесь слово *sadāgaṭī* является обстоятельством цели.

Во множественном числе существительные мужского рода чаще всего присоединяют носовые *-ē* или *-ī̃*: *dū rāhē* 'в полдень' (букв. 'в два пахара') и *do rāhī̃* 'в полдень', *gharē* и *gharī̃* 'в домах'. Существительные, оканчивающиеся на *u* + согласный, утрачивают гласный в последнем слоге и присоединяют *-ī̃*, например: *jaḡḡī̃* 'в лесах', *oṛkī̃* 'на концах'.

В современном тексте на джатки Лаялпура нам встретился суффикс *-ī̃* без назализации: *rāṭī rāune ā̃*, *pāthā* 'падаю тебе в ноги, йог', а в мультани Музаффаргарха во множественном числе данного падежа может выступать и суффикс *-e*: *rāṭe reā* 'упал в ноги'.

Существительные женского рода во множественном числе данного падежа обычно имеют суффикс *ī̃*, так что формы обоих чисел у них поэтому могут совпадать: *akkhī̃* 'в глазах' и 'в глазу', *rāṭī̃* 'ночами' и 'ночью'.

Аналитическая разновидность основного обстоятельного падежа используется чаще всего для стилистического варьирования: *raṭh do vaṇjūṇ* (вместо *raṭh vaṇjūṇ* 'идти в поле').

Как и ее синтетический коррелят, эта разновидность падежа варьируется и в плане содержания (оттенки) и в плане выражения, но благодаря относительно широкому инвентарю послелогов и полифункционализму (многозначности) некоторых из них она выражает больше оттенков, однако в пределах общего обстоятельного значения.

В качестве основной субморфы синсемантической морфы широко используются послелого типа *kū̃*, которые также входят в состав винительного и дательного падежей. Это свидетельствует о полифункционализме (многозначности) этих послелогов-формантов, совершенно лишенных конкретного содержания. По-

этому один и тот же послелог может входить не только в состав разных падежей, но и в состав одного и того же падежа, придавая разные оттенки. Вот два примера на основной обстоятельственный падеж, где послелог *kī* выражает сначала обстоятельство времени, а затем — цели: *thoṛeā dīhāreā kī* ‘через несколько дней’; *oh bāhar sādāgī kī nahī sī jānā* ‘Он не уезжал торговать’ (букв. ‘для торговли’).

Приведем также и другие примеры, в которых послелоги типа *kū* служат основной субморфой синсемантической морфы: *dīgīr kū* ‘во время вечерней молитвы’; *himatī ā āṇ latthum* ‘Прибыв в Химати, я сошел’; *cuḡāṇe tāī* ‘для кормления’, *paṛbhat kū* ‘утром’.

Примеры и на синтетическую и на аналитическую разновидность данного падежа показывают, что тип обстоятельства зависит не только (пожалуй, не столько) от полифункционализма послелогов-формантов типа *kū*, но и от значения имени. Если оно имеет семантический оттенок времени, то определенная флексия или сложная синсемантическая морфа (флексия плюс послелог) оформляет обстоятельство времени, если же оно обозначает место, то те же самые оформители будут обозначать обстоятельство места и ит.д. Иначе, в данном случае имеет значение конкретное содержание, семантика имени, в то время как для номинативного, эргативного, винительного, дательного и согласующе-реляционного падежей семантика имени никакого или почти никакого значения не имеет, и поэтому значимость и оформление падежей определяется грамматическими связями слова и его функциями (управлением, согласованием и т.д.), т.е. синтаксическим фактором.

В силу этого падежи, подобные последним, некоторые лингвисты называют грамматическими, или синтаксическими, а падежи, подобные обстоятельному лэнди, — семантическими, или конкретными. Поэтому основной обстоятельный падеж, а также вторичный инструментальный и аблатив мы выделили в особую группу, назвав ее конкретно-обстоятельной. Выше уже приводились примеры, свидетель-

ствующие о значимости конкретного содержания имени. Так, слова *ḍihāḡā* 'день', *ḍīḡīr* 'вечерняя молитва' передают идею времени, поэтому присоединение к ним синсемантической морфы наделяет их функцией обстоятельства времени: $\dot{\dot{d}}ihāḡ + (e\ddot{a} + k\ddot{i}) = \dot{\dot{d}}ihāḡe\ddot{a} k\ddot{i}$ 'через несколько дней', $\dot{\dot{d}}īḡīr + (0 + k\ddot{u}) = \dot{\dot{d}}īḡīr k\ddot{u}$ 'во время вечерней молитвы'. То же самое *rāt* 'ночь' обретает ту же функцию присоединением флексии или морфы: $rāt + \ddot{i} = rā\ddot{i}\ddot{i}$ 'ночью' или $rāt + (0 + k\ddot{u}) = rāt k\ddot{u}$ 'ночью'.

Слова *boṅḡā*, *ghar*, *himatī*, *akkh* означают место или местонахождение, поэтому присоединение тех же формальных показателей с соответствующими изменениями наделяет их функцией обстоятельства места: *boṅḡā* 'Бонга' – $boṅḡ + e = boṅḡe$ 'в Бонгу', *ghar* 'дом' – $ghar + 0 = ghar$ 'дома', 'домой' или $ghar + e \ne ghare$, *himatī* 'Химати' – $himatī + (0 + \ddot{a}) = himat\ddot{i}\ddot{a}$ 'в Химати', *akkh* 'глаз' – $akkh + -\ddot{i} = akkh\ddot{i}$ 'в глазу', 'в глазах'.

Слова *sādāḡrī* 'торговля', *cuḡāṇā* 'кормление' означают процесс деятельности, поэтому присоединение к ним тех же формальных показателей наделяет их функцией обстоятельств цели: *sādāḡrī kī* 'для торговли', *cuḡāṇe tāḡī* 'для кормления'.

В состав аналитического основного обстоятельственного падежа могут входить и другие послелогии – служебные слова, придающие обстоятельствам те или иные оттенки, как, например: *tē* 'в', *ich*, *vich* 'в', *appar* 'возле' и др.: $\ddot{u} h\ddot{i} \dot{\dot{d}}\ddot{i}h te$ 'в тот же день', *darvāje appar* 'возле двери'. Послелог *ich(vich)* 'в' имеет тенденцию к сильной редукции и к слиянию с именем. Словоформа с таким преобразованным послелогом напоминает английский «саксонский падеж», обладая даже апострофом, но отличается от него значением, например: *jholī's* 'на коленях' (вариант *ich*, *vich*).

Как уже говорилось выше, послелог *nā(dā)* может иметь вторичную функцию, вступая в сочетание с другими послелогии, как тавтологический сигнал аналитического падежа, например: *trappar de tale* 'под половицей', *ṣarmī nā ghiddīā* 'из-за

стыда', *kolhũ tauqa* de 'около /того/ места' и т.д. А вот примеры на основную субморфу, состоящую из другого сочетания послелогов: *bandobast kanũ picchẽ* 'после поселения', *dũ di-kũgeã kanũ bād* 'через два дня', *pitĩ kanũ 'sivāĩ* 'кроме печени'.

Инструментальный падеж имеет общее значение орудийности. Нами установлены две разновидности этого падежа: объектно-приглагольный инструменталь (функция косвенного дополнения), который мы называли просто «инструментальный» (инструменталь), и обстоятельственный (функция обстоятельства образа действия), который именуется нами «вторичным инструментальным».

С точки зрения структуры существуют также две разновидности инструментального падежа: синтетическая (образующаяся при помощи суффиксов *-ĩ* и *-ũ*) и аналитическая (при помощи основной субморфы *nāl(nāl)*).

Инструментальный падеж (объектно-приглагольный). Примеры: *kuĩã dāhmũ nāl kuĩen* 'Девушки бьют их палкой'; *khabbe hatthe nāl dāhĩĩ nap rakhĩus* 'Он схватил бороду левой рукой'.

Вторичный инструменталь (обстоятельственный). Примеры: *zorĩ* или *zore nāl* 'насильно', 'с силой'; *vat vag paĩ nã vã iã pũre zore nāl* 'Затем ветер подул во всю силу' (букв. 'с полной силой'); *tũ iã bhukhã nāl moĩ vaĩ e* 'Тебя изморил голод' (букв. 'ты мертвый голодом'); *zabānĩ* или *gallũ* 'словом', 'устно'.

Аблатив (отделительный или отложительный падеж) имеет общее значение отделительности. Для него также установлены две разновидности: аблатив обстоятельственный (функция обстоятельства места), который мы называем просто «аблатив», и косвенно-объектный аблатив (функция косвенного дополнения), который именуется нами «вторичным аблативом».

С точки зрения структуры существуют также две разновидности аблатива: синтетическая (чаще всего для единствен-

ного числа), образуемая при помощи суффиксов $-ō$ и $-ū$; и аналитическая, в словоформах которой чаще всего встречаются основные субморфы $kaññū$, $kañū$, $thāō$, $thū$, $thū$, $uttiū$ 'с', 'от'.

Аблатив (обстоятельственный). Примеры: $dākō$ 'с участка земли'; $gharō$ 'из дому'; $māl uttiū$ 'с ярмарки'.

Вторичный аблатив (косвенно-объектный). Примеры: $rabbū$ 'от бога'; $khirsō$ 'от медведя'; $ghorēāō$ 'с лошадей'; $piū thū$ 'от отца'; $ghorē thāō$ 'с лошади'; $ghorēā thū$ 'с лошадей'; $bbal piū kaññū mañṇā$ букв. 'Мальчик избивается отцом'.

Нами зафиксирован случай, когда в качестве дополнительной субморфы используются не обычные флексии аналитических падежей, а флексия аблатива $-ō$: $bin ranneō$ 'без разрешения'.

Необходимо указать, что в функции послелога может использоваться одна из словоформ самостоятельной части речи (например, существительного, прилагательного). Примеры:

$velā$ 'время' — $iṣā vele$ 'во время утренней молитвы',
 $tarf$ 'сторона' — $putr nē tarfō$ 'от имени сына',
 $jogā$ 'достойный' — $saḍḍvāvaṇ jogā$ 'достойный называться' и др.

Звательный падеж. Существительные мужского рода могут иметь в единственном числе следующие варианты вокатива, определяемые нередко диалектными различиями (иногда помимо аффикса добавляется междометие, как, например: $ū$ или $vā$):

1) с добавлением суффикса $-ā$, например: $rārī rañne ā$, $nāthā$ 'Падаю тебе в ноги, о йог', $bhane lokā$ 'о хороший человек', $bandiā$ 'о человек', $ā puttrā$ 'о сын'. В джатки Шахпура встречаются формы звательного падежа: $pūā$ и $bābū$ 'о отец';

2) в текстах на хиндко Пешавара нами зафиксирована форма на $-e$: $bāve$ 'о отец', $mīrze$ 'о господин';

3) нередко наличествует и форма с нулевым аффиксом, например: $ā piū$ 'о отец' (мультани Музаффаргарха), $putr$ 'о

сын' (мультиани Дерагазихана), *vīṭraṇ, māḍā ākheā manṇē* 'брат, будь внимателен к моим словам'.

Существительные женского рода в единственном числе чаще всего принимают суффикс *-e*. Слово в vokative может предшествовать междометие *nī*, но не всегда. Примеры: *sahitē, paḍhīe, ke paṭ ākhnī e he iñh?* 'Сэти, девушка, что ты это говоришь?'; *nī bhāṭīe* 'о бедняжка', *akkhīe* 'о глаз'.

В текстах на джатки Лаялпура для слова *bhāṇ* 'сестра' мы встретили форму vokativa на *-ā*: *bhāṇā, tāṇḍhe kolū ke lukāṭ?* 'О сестра, что я скрыла от тебя?'. А в северном диалекте Соляного хребта (района Шахпура) это же слово употребляется в форме *bhāṇue* 'о сестра'.

Во множественном числе существительные обоих родов присоединяют суффиксы *-o* или *-ho*, сопровождаясь иногда соответствующими междометиями (*ā, vā, nī* и т.д.), например: *choro* 'о ребята', *vā pitreṭāo* 'о племянники', *nī saḷṭāho* 'о сестры жены', *akkhīho* 'о глаза'.

Падежную систему ленди можно представить в виде следующей схемы (см. ниже).

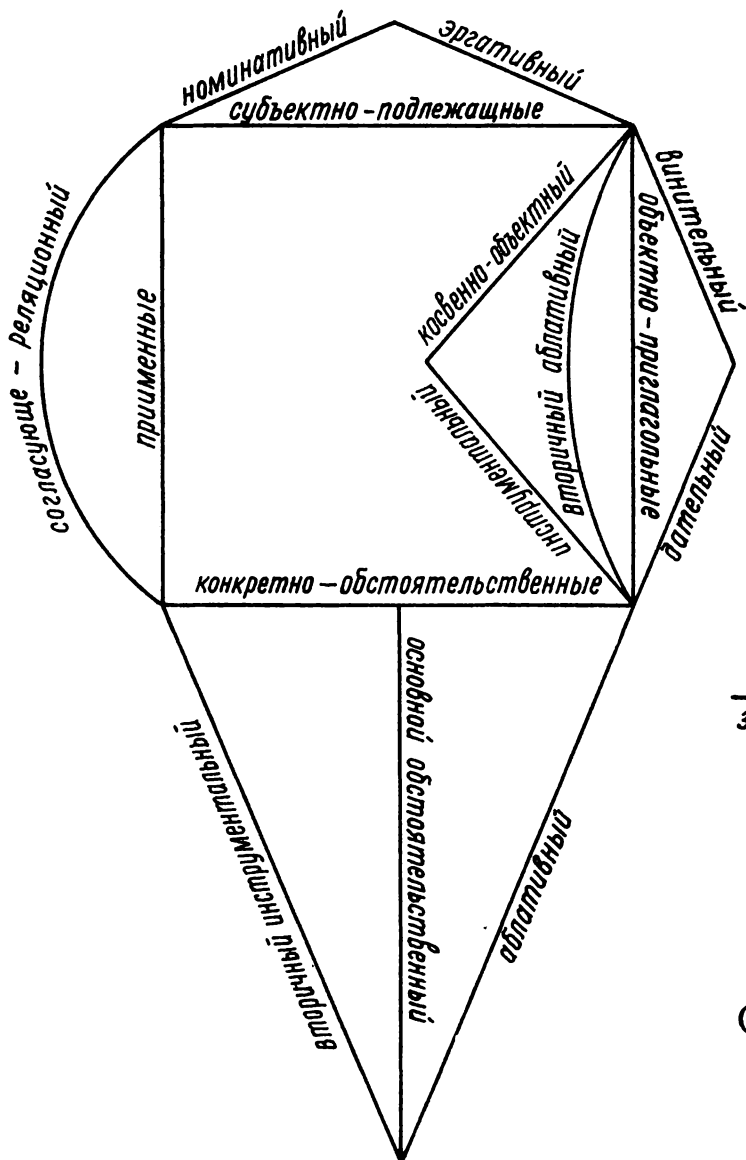
Каждый падеж имеет свой набор формальных показателей (флексий, в том числе внутренних, синсемантических морф, либо тех и других), отличный от набора любого другого падежа. Ниже приводятся наборы показателей всех репрезентативных падежей в единственном числе /где S- — сегментная часть существительного, за вычетом его остатка, обозначенного знаком или знаками (V, C, ā и др.), V — гласный, C — согласный, P — послелог/:

	Мужской род	Женский род
Поминативный	S-ā	S-C
	S-V	S-V
	S-u C	
	S-C	

Эргативный

S-e
S-ā
S-V
S-Ve(ā)
S-aC
S-C

S-C
S-V

Винительный

S-ā

S-V

S-uC

S-C

S-C

S-V

S-e+kũ (или типа kũ)

S-ä+kũ (» » »)

S-V+kũ (» » »)

S-Ve(ā)+kũ (» » »)

S-aC+kũ (» » »)

S-C+kũ (» » »)

S-C+kũ (или типа kũ)

S-C+kũ (» » »)

Дательный

S-e+kũ (или типа kũ)

S-ä+kũ (» » »)

S-V+kũ (» » »)

S-Ve(ā)+kũ (» » »)

S-aC+kũ (» » »)

S-C+kũ (» » »)

S-C+kũ (или типа kũ)

S-V+kũ (» » »)

Косвенно-

объектный

S-e d̥e, dhir,

S-ä kannẽ, ĩ,

S-V kol, kolhũ,

S-Ve(ā) nāl, iāĩ и

S-aC др.

S-C

S-Cẽ(e)

S-C d̥e, dhir,

S-V kannẽ, ĩ,

kol, kolhũ,

nāl, iāĩ и

др.

S-e(e)

Согласующе- S-e+nā(dā)

реляционный S-ä+nā(dā)

S-V+nā(dā)

S-Ve(ā)+nā(dā)

S-aC+nā(dā)

S-C+nā(dā)

S-C+nā(dā)

S-V+nā(dā)

Основной об-	S-C	S-V $\tilde{t}$
стоятельст-	S-e	S-C $\tilde{t}$
венный	S- $\tilde{t}$	S-C
	S-iC(S $\ddot{a}$ -iC)	S $\wedge$ V
	S-e+P	S-C+P
	S- $\ddot{a}$ +P	S-V+P
	S-V+P	
	S-Ve($\bar{a}$)+P	
	S-aC+P	
	S-C+P	
Инструмен-	S- $\tilde{t}$	S- $\tilde{t}$
тальный	S- $\tilde{u}$	S- $\tilde{u}$
	S-V+n $\bar{a}l$ (или его типа)	S-V+n $\bar{a}l$ (или его типа)
	S-C+n $\bar{a}l$ (» » »)	S-C+n $\bar{a}l$ (» » »)
Аблатив	S-C $\tilde{o}$	S-C $\tilde{o}$
	S-C $\tilde{u}$	S-C $\tilde{u}$
	S-V $\tilde{o}$	S-V $\tilde{o}$
	S-V $\tilde{u}$	S-V $\tilde{u}$
	S-e+kann $\tilde{u}$ (или его типа)	S-C+kann $\tilde{u}$ (или его типа)
	S- $\ddot{a}$ +kann $\tilde{u}$ (» » »)	S- $\tilde{t}$ +kann $\tilde{u}$ (» » »)
	S-Ve($\bar{a}$)+kann $\tilde{u}$ (» » »)	S-V+kann $\tilde{u}$ (» » »)
	S-aC+kann $\tilde{u}$ (» » »)	
	S-C+kann $\tilde{u}$ (» » »)	
	S-V+kann $\tilde{u}$ (» » »)	

Ниже приводятся таблицы падежей. Слева даются основные типы существительных в номинативном падеже единственного числа или их менее распространенные варианты, а справа ряд неноминативных падежей. Поскольку формы автосемантической морфы вместе с флексией (в том числе нулевой), т.е. с дополнительной субморфой синсемантической морфы, совпа-

дают у всех аналитических разновидностей падежей и у датива, мы, отвлекаясь от конкретных послелогов и обозначая их общим символом Р, приводим справа в несколько обобщенном виде примеры аналитических падежей. Если поставить вместе Р соответствующий послелог, то можно получить более конкретный пример той или иной аналитической разновидности падежа или датив.

Поскольку количество типов неноминативных падежей не совпадает, количество типов существительных в номинативном падеже, приводимых слева, также не совпадает в разных таблицах (табл. 8-12).

Таблица 8

Типы и варианты аналитических падежей
в единственном числе

/где S- — сегментная часть существительного за вычетом его остатка, обозначенного знаком или знаками (V, C, e и др.), V — гласный, C — согласный, P — послелог/

№	Род	Тип		Варианты типа	
		номинативный падеж	аналитический падеж	номинативный падеж	аналитический падеж
1	мужской	S-ā: buḥkā	S-e + P: buḥke + P	a) S-ā: lālā, velā b) S-ā: velā	S-ā+P: lālā+P S-ā+P: velā+P
2		S-V: prābhū	S-V+P: prābhū + P	a) S-V: desrī b) S-V: ādmī c) S-u: puḥu	S-Ve+P: desrīe+P S-Vā+P: ādmīā+P S-a+P: puḥa+P
3		S-uC: munḍur	S-aC+ P: munḍar+P	S-aC: kukkar	S-aC+P: kukkar+P
4		S+C: mun	S-C+P: mun+P	a) S-C: bubbhar b) S-C: ṣakhs c) S-C: naukhar d) S-C: girāv	S-Ce+P: bubbhara+P S-Cā+P: ṣakhsā+P S-Cā+P: naukrā+P S-Cā+P: girāvā+P
5	женский	S-C: pirt	S-C+P: pirt + P	a) S-C: akkh	S-Cī+P: akkhī+P
6		S-V: kharīr	S-V+P: kharīr+P	b) S+C: bhān c) S-V: dhī	S-Cū+P: bhānū+P S-Vū+P: dhīū+P

Таблица 9

Типы и варианты аналитических падежей
во множественном числе

№	Род	Тип		Варианты типа	
		номинативный падеж единственного числа	аналитический падеж множественного числа	номинативный падеж единст- венного числа	аналитический падеж множест- венного числа
1	мужской	S-ā: buṣkā	S-eā+P: buṣkeā+P	a) S-ā: ghoṛā b) S-ā: varhā c) S-ā: lālā	S-ē+P: ghoṛē+P S-ā+P: varhā+P S-āvā+P: lālāvā+P
2		S-V: prābhū, kavī	S-Vā(S-ā)+P: prābhūā(prābhā), kavīā(kavā)	a) S-V: ādmī b) S-u: puṭu	S-Vē+P: ādmīē+P S-ā+P: puṭā+P
3	женский	S-uC: mundaṛ	S-Cā+P mundaṛā+P	Ṣ-aC: kukkaṭ	S-Cē+P: kukkiē+P
4		S-C: mun	S+Cā+P: munā+P	Ṣ-C: naukar	S+Cē+P: naukkiē+P
5		S-C: piri	S-Cā+P: piriā+P	a) S-C: pīlh b) S-C: zāl	S-Cū+P: pīlhū+P S-Cī+P: zālī
6		S-V: khaṭṭī	S-Vā+P: khaṭṭīā+P	a) S-V: ghoṛī b) S-V: mā	S-Vē+P: ghoṛīē+P S-Vvā+P: māvā+P

Таблица 10

**Типы и варианты основного обстоятельственного
падежа в единственном числе**

№	Род	Тип		Вариант типа	
		номинативный падеж	основной обстоятельственный падеж	номинативный падеж	основной обстоятельственный падеж
1	мужской	S-C:ghar	S-Ce:ghare	a)S-C:haff b)S-C:ghar	S-Cṛ:haffṛ S-C:ghar
2		S-uC:cetur	S-iC:cetir	S-āḥCuC:cāḥkḥur	S-āCiC:cākhir
3		S-ā:Boṅgā	S-e:Boṅge		
4	женский	S-V:jā	S-Cṛ:jāṛ	S-C:sadāgarī	S-C:sadāgarī

Таблица 11

**Типы и варианты основного обстоятельственного
падежа во множественном числе**

№	Род	Тип		Вариант типа	
		номинативный падеж единственного числа	основной обстоятельственный падеж множественного числа	номинативный падеж единственного числа	основной обстоятельственный падеж множественного числа
1	мужской	S-C :ghar	S-Cē:gharē	a)S-C:pār b)S-C:pāhr c)S-C:pār	S-Ce:pāre S-Cṛ:pāhrṛ S-Cṛ:pāri
	женский	S-C:akkh	S-Cṛ:akkhṛ		

Таблица 12

**Типы звательного падежа в единственном
и множественном числе**

	Род	Типы			
		единственное число		множественное число	
		номинативный падеж	звательный падеж	номинативный падеж	звательный падеж
1	мужской	S-C(V): <i>nath</i>	S-C(V) <i>ā:nathā</i>		
2		S- <i>ā:mirzā</i>	S- <i>e:mirze</i>	S-C(V): <i>chor</i>	S-C(V) <i>o(ho):</i>
3		S-C: <i>putr</i>	S-C: <i>putr</i>		<i>choro, chorho</i>
4	женский	S-C(V): <i>naḡhī</i>	S-C(V) <i>e: naḡhīe</i>	S-C(V): <i>akkhī</i>	S-C(V) <i>o(ho):</i> <i>akkhīo, akkhīha</i>

Отглагольное имя

К классу существительных принадлежат и имена отглагольного характера, образовавшиеся, по всей видимости, за счет субстантивации некоторых глагольных форм и таким образом конверсировавшиеся в данную часть речи. В лучшем случае (и то не всегда) они называют действие, но не как процесс, а как предмет. Все они имеют парадигму существительного. Сюда в первую очередь относится субстантивированная исходная глагольная форма, как например: *māḡ* 'избиение', *raḡkaḡ* 'захват', 'хватание'. Текстовый пример: *māḡ attē rat vahaḡ kannū* 'из-за избиения и потери крови'.

Прилагательное

В ленди, как и в других новоиндийских языках, прилагательные делятся на изменяемые и неизменяемые. Те и другие могут быть качественными и относительными. Число последних в ленди ограничено, поскольку гораздо чаще относительные связи передаются в нем аналитическим согласующе-

реляционным падежом существительного (см. раздел «Согласующе-реляционный падеж. »).

Примеры: *piū nā* 'отцовский', *havāz nā* 'голосовой', *shohar dā* 'мальчиковый'. Эти сочетания в семантическом (но не морфологическом) плане стоят в одном ряду с такими относительными прилагательными, как например: *bheḍā* 'овечий', 'относящийся к овце' (от *bheḍ* 'овца'), *parokā* 'прошлогодний' (от *par* 'прошлый год').

В целом прилагательному в ленди присущи такие категории, как число, род, падеж, степени сравнения. В большинстве случаев это находит формальное выражение у изменяемых прилагательных. Чаше всего прилагательное выступает в ленди как определение, причем нередко в постпозиции. Используется оно также как предикатив и выполняет особую функцию.

Самыми распространенными являются изменяемые прилагательные, оканчивающиеся на *-ā*. Согласуясь с существительным, они в зависимости от диалекта изменяются в роде, числе и падеже, например: *bhuslē ghoṛē kū* 'коричневым жеребцам', *bhuslīē ghoṛīē kū* 'коричневым кобылам', *nikṛā sadhā* 'маленький буйвол', *ḍabbī vadhrī* 'клетчатый пояс' и т.д. Особые формы словоизменения в мультани Дерагазихана имеет прилагательное *bbeā* 'другой':

bbeā (ном.пад. ед.ч. м.р.) — *bbaī* (ном.пад. ед.ч. ж.р.);
bbee (автосем. морфа с флексией ед.ч. ж.р.) — *bbaī*
(автосем.морфа с флексией ед.ч. ж.р.);
bbiḥā (ном.пад. мн.ч. ж.р.) — *bbiḥē* (автосем. морфа с флексией мн.ч. м., ж.р.).

Прилагательные, оканчивающиеся на гласный, могут назализироваться, например:

caṅgā 'хороший' — *caṅgē* 'хорошие';
sakhrā 'обильный' — *sakhrē* 'обильные';
kalobṛā 'безобразный' — *kalobṛē* 'безобразные'.

Некоторые прилагательные, оканчивающиеся в единственном числе мужского рода на *-ī*, присоединяют в женском роде суффикс *-ṇ*, например:

āhrī miṇs 'трудолюбивый мужчина' — *āhrīṇ savāṇī* 'трудолюбивая женщина';

namāzī bhīrā 'набожный брат' — *namāzīṇ bhāṇ* 'набожная сестра';

azarī reo 'больной отец' — *azarīṇ dhī* 'больная дочь'.

К неизменяемым относятся прилагательные, оканчивающиеся на согласную: *ḍarākul chohur* 'застенчивый мальчик', *ḍarākul chohar* 'застенчивые мальчики', *ḍarākul chohar kanṇū* 'от застенчивого мальчика', *ḍarākul chohir* 'застенчивая девочка', *ḍarākul chohir kū* 'застенчивой девочке' *ḍarākul chohirī* 'застенчивые девочки' и т.д.

Прилагательные образуются путем суффиксации и конверсии. Употребительны следующие адъективно-образовательные суффиксы:

1) *-ā* от существительных:

majjh 'буйволица' — *mājhā* 'имеющий отношение к буйволице' (плюс удлинение гласной и утрата одного из идентичных согласных);

tass 'жажда' — *tassā* 'жаждущий';

2) *-lā* от существительных и других частей речи:

par 'та сторона' — *parlā* 'внешний'; 'дальний';

vic 'в', 'внутри' — *viclā* 'средний';

3) *-ṇā* от существительных:

janāṇī 'женщина' — *janāṇṇā* 'женоподобный';

4) *-ī* от существительных:

xatīr 'дрожи' — *xatī* 'дрожжевой' (плюс синкопа);

5) *-saṇ* от существительных (с изменением окончания, а иногда и основы существительного):

lāmtā 'юг' — *lāmtosaṇ* 'южный';

lehndā 'запад' — *lehndosaṇ* 'западный';

6) в джатки Шахпура /Wilson, 16/ распространен суффикс *-okā*, присоединяемый чаще всего к существительным, обозначающим время: *par* 'прошлый год' – *parokā* 'прошлогодний'; *cir* 'период' – *cirokā* 'относящийся к прошлому периоду'.

Существует и конверсионный способ образования прилагательных, например: *tārū* 'пловец' – *tārū* 'достаточно глубокая для плавания' (о воде)

Степени сравнения. Сравнительная степень образуется двумя способами: 1) синтетическим и 2) аналитическим. Синтетический способ встречается среди прилагательных, оканчивающихся на *-ā*. Для него типичен суффикс *-erā*:

cirvā 'раздражительный' – *cirverā* 'более раздражительный';

māgghā 'дорогой' – *māggherā* 'дороже';

muṇḍā 'хромо́й' – *muṇḍerā* 'более хромо́й'.

Аналитический способ включает в себя образование сравнительной степени как при помощи послелогов *kannū*, *koḷū*, *thī*, *thū*, *tū*, например: *māṇḍā bhirā māṇḍī bhāṇ kannū cirvā* e 'Мой брат более раздражителен, чем сестра', так и при помощи слов типа *vadhīk* 'большой', 'чрезмерный': *cann tū vadhīk nīṅgar ve bhirā māṇḍhā* 'Мой брат прекраснее луны' (современный джатки Лаялпура).

Для выражения превосходной степени также существуют два способа:

1) при помощи местоимения «весь», например: *sabhāē* (*sabhīē*) или *sabhne kannū saṅgā* 'самый лучший' (букв. 'из всех хороший');

2) при помощи повтора прилагательного и использования послелога: *saṅgī thū saṅgī rūṣāk* 'самая лучшая одежда' (хинди Мианвали).

Как и в других языках, прилагательное лэнди может субстантивироваться, например: *paṇḍhe rītū kū ākhiā* 'младший /сын/ отец сказал'.

Числительное

В ленди имеются количественные и порядковые числительные.

Количественные числительные делятся на определенно-количественные и неопределенно-количественные. В качестве иллюстрации мы приводим определенно-количественные числительные мультани (хиндки) Дерагазихана /Grierson, 339/ (транскрипцию мы несколько видоизменяем):

<i>hik</i> , <i>hikāṛā</i> , <i>hikṛā</i> — 1	<i>satāvī</i> — 27	<i>bhavaṇhā</i> — 52
<i>ḍḍū</i> — 2	<i>aṭhāvī</i> — 28	<i>tirvaṇhā</i> — 53
<i>trāe</i> — 3	<i>unatrī</i> — 29	<i>cauvaṇhā</i> — 54
<i>cār</i> — 4	<i>trīh</i> — 30	<i>paṇvaṇhā</i> — 55
<i>paṇ</i> — 5	<i>ikattrī</i> — 31	<i>chivaṇhā</i> — 56
<i>chī</i> — 6	<i>bbatrī</i> — 32	<i>satvaṇhā</i> — 57
<i>sat</i> — 7	<i>tetrī</i> — 33	<i>aṭhvaṇhā</i> — 58
<i>aṭh</i> — 8	<i>cautrī</i> — 34	<i>unāiṭh</i> — 59
<i>nō</i> — 9	<i>pāntrī</i> — 35	<i>saṭh</i> — 60
<i>ḍḍāh</i> — 10	<i>chatrī</i> — 36	<i>ikāiṭh</i> — 61
<i>yārḥā</i> — 11	<i>satatrī</i> — 37	<i>bbāiṭh</i> — 62
<i>bbārḥā</i> — 12	<i>aṭhatrī</i> — 38	<i>trīaiṭh</i> — 63
<i>terḥā</i> — 13	<i>untali</i> — 39	<i>coaṭh</i> , <i>cavaṇṭh</i> — 64
<i>cauḍḍhā</i> — 14	<i>cāhlī</i> — 40	<i>paṇāiṭh</i> — 65
<i>pandrahā</i> — 15	<i>iktālī</i> — 41	<i>cheāiṭh</i> — 66
<i>solhā</i> — 16	<i>bbetālī</i> — 42	<i>satāiṭh</i> — 67
<i>satārḥā</i> — 17	<i>tirtālī</i> — 43	<i>aṭhāiṭh</i> — 68
<i>aṭhārā</i> — 18	<i>cāuntālī</i> — 44	<i>unhattar</i> — 69
<i>unvī</i> — 19	<i>pāntālī</i> , <i>pintālī</i> — 45	<i>sattar</i> — 70
<i>vīh</i> — 20	<i>chitālī</i> — 46	<i>ikattar</i> — 71
<i>ikvī</i> — 21	<i>sattālī</i> — 47	<i>bbahattar</i> — 72
<i>bbāvī</i> — 22	<i>aṭhālī</i> — 48	<i>tirhattar</i> — 73
<i>trevī</i> — 23	<i>unvaṇhā</i> , <i>unaṇhā</i> — 49	<i>caurattar</i> — 74
<i>cavvī</i> — 24	<i>paṇhā</i> — 50	<i>paṇhattar</i> — 75
<i>paṇvī</i> — 25	<i>ikvaṇhā</i> — 51	<i>chehattar</i> — 76
<i>cavvī</i> — 26		

<i>satattar</i> – 77	<i>pañāsī</i> – 85	<i>trīānme</i> – 93
<i>aṭhattar</i> – 78	<i>chiāsī</i> – 86	<i>caurānme</i> – 94
<i>uṇāsī</i> – 79	<i>satāsī</i> – 87	<i>pañānme</i> – 95
<i>assī</i> – 80	<i>aṭhāsī</i> – 88	<i>chiānme</i> – 96
<i>ikāsī</i> – 81	<i>unānme</i> – 89	<i>satānme</i> – 97
<i>bbeāsī</i> – 82	<i>niwwe</i> – 90	<i>aṭhānme</i> – 98
<i>trīāsī</i> – 83	<i>ikānme</i> – 91	<i>vadhānme</i> – 99
<i>caurāsī</i> – 84	<i>bbeānme</i> – 92	<i>sau</i> – 100

В разных диалектах числительные несколько отличаются друг от друга, что видно из табл. 13, где приводятся числительные первого десятка в пяти диалектах.

Таблица 13

Числительные	Джатки Шахпура	Мультани	Мультани (хинджи) Дерагазихана	Аванкари	Дханни
1	<i>hekk, hikk</i>	<i>hikk, hekk</i>	<i>hik</i>	<i>hikk</i>	<i>hikk</i>
2	<i>doē</i>	<i>ḍū</i>	<i>ḍḍū</i>	<i>dō</i>	<i>do</i>
3	<i>trā, trāe</i>	<i>trāe</i>	<i>trāe</i>	<i>trā</i>	<i>trāe, tarai</i>
4	<i>cār</i>	<i>cār</i>	<i>cār</i>	<i>cār</i>	<i>cār</i>
5	<i>pa j</i>	<i>pañj</i>	<i>pañ</i>	<i>pañj</i>	<i>pañj</i>
6	<i>chē</i>	<i>che, chī</i>	<i>chī</i>	<i>chē</i>	<i>chē</i>
7	<i>satt</i>	<i>satt</i>	<i>sat</i>	<i>satt</i>	<i>satt</i>
8	<i>aṭṭh</i>	<i>aṭṭh</i>	<i>aṭh</i>	<i>aṭṭh</i>	<i>aṭṭh</i>
9	<i>nā</i>	<i>nā</i>	<i>nō</i>	<i>naū</i>	<i>naū</i>
10	<i>dāh</i>	<i>ḍah</i>	<i>ḍḍāh</i>	<i>dāh</i>	<i>dāh</i>

Названия сотен образуются сочетанием числительного, обозначающего число сотен, со словом *sāe*: *trā sāe* – 300, *cār sāe* – 400, *pañ sāe* – 500 и т.д. Аналогично сочетаются более крупные числительные: *hazār* ‘тысяча’, *lākh* ‘сто тысяч’, *kiroṛ* ‘10 миллионов’.

Некоторые числительные, особенно простые, изменяются по падежам. Так, в аванкари, потхохари и дхунди-кайрали номинативный падеж и автосемантическая морфа с флексией числительного «один» выглядят соответственно так: *hikk* - *hikkī*, *hikk* - *hikkas*, *hikk* - *hiks*. Формы неноминативных падежей числительного согласуются с падежными формами существительного, например: *hikkī jaṇe nā* 'одного человека', *hikkas naukre kī* 'одного слугу'.

Ниже приводится сравнительная таблица форм номинативного падежа и автосемантической морфы с флексией ряда числительных в мультани и джатки Шахпура (табл. 14).

Таблица 14

Мультани		Джатки Шахпура	
номинативный падеж	морфа с флексией	номинативный падеж	морфа с флексией
<i>ḍū</i> 'два'	<i>ḍoā</i>	<i>doē</i>	<i>doā</i>
<i>trāe</i> 'три'	<i>trīā</i>	<i>trā</i>	<i>trīā</i>
<i>cār</i> 'четыре'	<i>cāū</i>	<i>cār</i>	<i>cāū</i>
<i>pañ</i> 'пять'	<i>pañe</i>	<i>pañj</i>	<i>pañjā</i>
<i>ḍāh</i> 'десять'	<i>ḍāhā</i>	<i>dāh</i>	<i>dāhā</i>

Собирательные числительные используются в ленди субстантивно. Они также изменяются по падежам, что видно из сравнительной табл. 15 этих числительных в тех же диалектах.

В мультани (хиндики) Дерагазихана собирательные числительные несколько видоизменены: *ḍḍūhē* 'оба', *trīhe* 'трое', *cārhe* 'четверо', *ḍḍehe* 'десятеро'.

В просторечии при счете обычно оперируют «двадцатками» например: *chē utte satt viḥā* — 146 (букв. 'на шестерку семь двадцаток').

Примечание. В ленди также существуют числовые существительные: *dahākhā* 'десятка', *viḥārā* 'двадцатка', *trihārā* 'тридцатка', *sākṛā* 'сотня' и др.

Мультиани		Джатки Шахпура	
номинативный падеж	морфа с флексией	номинативный падеж	морфа с флексией
<i>ḍohẽ</i>	‘оба’	<i>ḍohẽ</i>	<i>ḍohẽ</i>
<i>trāe</i>	‘трое’	<i>trāe</i>	<i>trāhẽ</i>
<i>cāre</i>	‘четверо’	<i>cāre</i>	<i>cavāhẽ</i>
<i>pañe</i>	‘пятеро’	<i>pañje</i>	<i>pañjẽ</i>
<i>dāhe</i>	‘десятеро’	<i>dāhẽ</i>	<i>dāhẽ</i>

Дробные числительные: *pā* – $\frac{1}{4}$, *addh* – $\frac{1}{2}$, *munnā* – $\frac{1}{4}$, *ḍiddh* – $1\frac{1}{2}$, *triā* – $\frac{1}{3}$, *pañjvā* – $\frac{1}{5}$, *chevā* – $\frac{1}{6}$, *savā* ‘с четвертью’, *pañne* ‘без четверти’ (джатки Шахпура).

Числительное в ленди может либо предшествовать существительному, либо следовать за ним.

В оригинальном тексте на мультиани Музаффаргарха *Kissa Chajju Bhagit* /Grierson¹, 325-327/ словосочетание *mohrā ḍũ* (*ḍũ mohrā*) ‘два золотых’ встречается восемь раз, из них в шести случаях числительное находится в постпозиции (*mohrā ḍũ*) и лишь дважды – в препозиции (*ḍũ mohrā*): *mohrā ḍũ khatt pañā* ‘Не хватило двух золотых’ (постпозиция).

К неопределенно-количественным числительным относятся: *khatt* ‘мало’, *ghaṇā* ‘много’, *bañh* (*bañhũ*) ‘много’ (следует иметь в виду, что в таких словосочетаниях, как *bañh pañẽ* ‘на большом расстоянии’, числительное *bañhũ* эквивалентно прилагательному), *tholā* ‘несколько’, *kā* ‘несколько’, *itrā* ‘столь многий’ (этот), *utrā* ‘столь многий’ (тот), *kitrā* ‘сколь многий’. Примеры: *kitrẽ glorẽ* ‘сколько кобыл’, *tholẽ ḍhā picchũ* ‘через несколько дней’ (джатки Джанга), *tholẽ ḍḍihāẽ kannũ picchẽ* ‘через несколько дней’ (мультиани Дерагазихана), *bañh jjañẽ* ‘много людей’.

По структуре количественные числительные, выражающие целые числа, можно подразделить на простые, сложные и со-

ставные. Они очень близки к числительным панджаби и восходят к тем же корням.

Выявляя структуру данных числительных, мы, наряду с использованием морфологического анализа, прибегли также к методу их сопоставления с элементами санскрита и пракрита.

Простыми являются однословные числительные с производной основой. К ним принадлежат все числа от одного до десяти включительно, *vīh* — 20, *itīh* — 30 (видимо с опрошенной основой, сложной по происхождению, поскольку ощущается ее близость с основой числительного «три» не только в санскрите, куда они обе восходят, но и даже в пракрите: скр. *trīṇi* 'три', *trinśat* 'тридцать', пракр. *tiṇṇi* 'три', *tīṇsa* или *tīsā* 'тридцать'), *cāhlī* — 40, *saṭh* — 60, *assī* — 80, *niwwe* — 90 (как показывают числительные из санскрита и пракрита, к которым восходят эти четыре числительных, они, видимо, также с опрошенной основой), *saṭ(sāu)* — 100, *hazār* 'тысяча', *lākh* 'сто тысяч', *kiroṭ* '10 миллионов' и др. Причина появления звука *ṭ* в варианте числительного *hikāṭā* и *hikṭā* 'одня' не установлена.

Сложными являются числительные от 11 до 99. Их можно подразделить на двухморфемные и трехморфемные.

К двухморфемным следует отнести числительные от 11 до 18, в которых значение «десять» несут алломорфы *rhā*, *ḍḍhā*, *drahā*, *lhā*, *ṛā* /единицы в числительных *yārḥā* — 11 и *bbārḥā* — 12 представлены соответственно лишь одним остаточным согласным звуком *y*- и удвоенным *bb*-, восходящими в конечном счете к санскритским *ek* 'один' и *dva*o 'два' (пракрит: *v > b*) /; числительные от 21 до 28, в которых значение «двадцать» несут алломорфы *vī* и *vvī*; числительные от 31 до 38, в которых значение «тридцать» несут алломорфы *itī* и *itṛī*; числительные от 41 до 48, в которых значение «сорок» несут алломорфы *iālī* и *ālī*; числительные от 61 до 68, в которых значение «шестьдесят» несет суффикс *ṭh*; числительные от 91 до 98, в которых значение «девяносто» несет морфема *ānne*; числительное *paṇhā* — 50, в котором морфема *paṇ* — 5 сращена с морфемой *-hā*, обозначающей «десять» и представляющей собой остаток санскритской морфемы *āśate* «десять» и пракритской *āsā* 'десять', что четко про-

слеживается, в отличие от слов типа *cāhlī* — 40, *assī* — 80 (и др.) с непрозрачной структурой, которые поэтому целесообразно принять за опрошенные. На подобном основании сюда же относится числительное *sattar* — 70; числительные, начинающиеся на *un-* или *uṇ-*, входящие к санскритскому *ūn* — 9, которое как алломорфный компонент сложных числительных употреблялось параллельно с *nawe* — 9. Алломорфы *un-* и *uṇ-* присоединяются к морфеме, несущей значение числа, состоящего из круглых десятков, и подразумевают число, оканчивающееся на девять и на единицу меньшее соответствующего числа из десятков. В современном ленди, как и в ряде других новоиндийских языков, значение «девять» у алломорфов *un*, *uṇ* утратилось и установилось значение «без единицы». Сюда принадлежат числительные *unvī* — 19, *unatrī* — 29, *untālī* — 39, *unāiḥ* — 59, *unāsī* — 79 *unāṇte* — 89.

К трехморфемным относятся числительные от 51 до 58, в состав которых помимо морфем, обозначающих единицы, входит еще двухморфемное образование *vañhā* со значением «пятьдесят»; числительные от 71 до 78, имеющие в своем составе двухморфемное образование *attar* (*hattar*) со значением «семьдесят»; числительные *unvañhā* (*unañhā*) — 49 и *unhattar* — 69, в которые помимо морфемы *un-* входят соответственно еще двухморфемные образования *vañhā* (*añhā*) и *hattar*.

Составные числительные состоят из двух и более лексических единиц. К ним относятся все числа от 101 и выше, исключая, разумеется, простые. Примеры: *pañ sāe* — 500 (букв. «пять сотен»), *hik sau hik* — 101, *hik hazār trā sāe ḍḍū* — 1302.

Порядковые числительные, начиная с *pañvā* «пятый», образуются присоединением суффикса *-vā* (в женском роде *-vī*) к количественным числительным:

pañ «пять» — *pañvā* «пятый»,

chī «шесть» — *chevā* «шестой»,

unāsī «семьдесят девять» — *unāsīvā* «семьдесят девятый».

Порядковые числительные, соответствующие количественным *hik* (*hikārā*, *hikrā*) «один», *ḍḍū* «два», *trāe* «три», *cār* «четыре», имеют

свою форму образования: *rāhlā* 'первый', *dūjha* 'второй', *trījā* 'третий', *caūthā* 'четвертый' (мульти).

Местоимение

Местоимения ленди представлены двумя основными группами: 1) местоимениями-существительными (указание на предметность) и 2) местоимениями-прилагательными (указание на признак). Некоторые местоимения могут выступать в обеих функциях.

В зависимости от своего значения и синтаксической функции местоимения ленди подразделяются и в другом плане: личные, указательные, притяжательные, вопросительные, неопределенные, определительные, возвратные, релятивные, коррелятивные.

Личные местоимения относятся к группе местоимений-существительных, так как они указывают на лицо (предмет), лица (предметы). В зависимости от диалекта (говора) и категории лица в формах склонения (а иногда и количестве падежей) у этих местоимений наблюдается варьирование. Ниже мы приводим сравнительные таблицы личных местоимений 1-го, 2-го и 3-го лица в диалектах мультиани Дерагазихана и потхохари. Следует учесть, что, как и в других индийских языках, вместо местоимения 3-го лица выступают указательные местоимения «этот», «тот», «эти», «те» (табл. 16-18).

Таблица 16

Падеж	Единственное число		Множественное число	
	мультиани	потхохари	мультиани	потхохари
Номинативный	<i>mā</i>	<i>mā</i>	<i>assā</i>	<i>as, asī</i>
Эргативный	<i>mā</i>	<i>mā</i>	<i>assā</i>	<i>asā</i>
Аналитические	<i>mā, mā+посл.</i>	<i>mā + посл.</i>	<i>assā + посл.</i>	<i>asā + посл.</i>
Винительный (дательный)		<i>mighī</i>	-	-

Таблица 17

Местоимения 2-го лица

Падеж	Единственное число		Множественное число	
	мультиани	потхохари	мультиани	потхохари
Номинативный	<i>tũ</i>	<i>tũ</i>	<i>tussã</i>	<i>tus, tussĩ</i>
Эргативный	<i>tã, tã</i>	<i>tuddh, tũ</i>	<i>tussã</i>	<i>tusã</i>
Аналитические	<i>tã, tã+посл.</i>	<i>tuddh, tã + посл.</i>	<i>tussã + посл.</i>	<i>tusã + посл.</i>

Таблица 18

Падеж	Местоимения 3-го лица			
	Единственное число		Множественное число	
	мультиани	потхохари	мультиани	потхохари
Номинативный				
а) ближний план	<i>e, Th 'он', 'этот'</i>	<i>eh</i>	<i>e, Th 'они', 'эти'</i>	<i>in, eh</i>
б) дальний план	<i>o, ũh 'он', 'тот'</i>	<i>oh</i>	<i>o, ũh 'они', 'те'</i>	<i>un, oh</i>
Эргативный:				
а) ближний план	<i>ĩ</i>	<i>is</i>	<i>inhẽ</i>	<i>inã, inhã</i>
б) дальний план	<i>ũ</i>	<i>us</i>	<i>unhẽ</i>	<i>unã, unhã</i>
Аналитические				
а) ближний план	<i>ĩ + посл.</i>	<i>is + посл.</i>	<i>inhẽ + посл.</i>	<i>inã, inhã + посл.</i>
б) дальний план	<i>ũ + посл.</i>	<i>us + посл.</i>	<i>unhẽ + посл.</i>	<i>unã, unhã + посл.</i>

Там, где в ряде других диалектов местоимения начинаются с гласного звука, в джатки Лаялпура они начинаются со звука *h*, например: *he* 'этот', *ho* 'тот', *hasã* 'мы', *his* (ср. с *is*) и т.д.

Указательно-личные местоимения 3-го лица могут быть и субстантивными (*ũ hikk golĩ ghinn dittĩ* 'Он оставил одну девушку служанку') и адъективными (*in gĩge* 'эти мальчики').

Примечательно, что в отличие от ряда индийских языков в нескольких диалектах ленди существует дифференциация форм указательно-личных местоимений 3-го лица в номинативном падеже по числам, например, в шахпурском диалекте Соляного хребта: *e* 'он', 'этот' — *in*, *innh* 'они', 'эти', *o* 'он' 'тот' — *un*, *unnh* 'они', 'те'; в аванкари: *eh* 'он', 'этот' — *innh* 'они', 'эти', *oh* 'он', 'тот' — *unnh* 'они', 'те'. То же самое в потхохари: *e* — *in*, *o* — *un*.

В некоторых диалектах специальные синтетические объектные падежи наблюдаются во всех лицах единственного числа, так в современном тексте на джатки Лаялпура встречаются *mãh* 'мне', 'меня', *tuhã* 'тебя', 'тебе', *husã* 'ему', 'ей', в аванкари — *mãh* 'меня', 'мне', *iãh* 'тебя', 'тебе', *isãh*, *isãh* 'ему', 'этому', *usãh*, *usãh* 'ему', 'тому', в шахпурском диалекте Соляного хребта — *mãh*, *iãh*, *asãh*, *tusãh*. В ряде же диалектов объектные падежи наличествуют лишь в одном-двух лицах.

Во всех остальных случаях объектные падежи являются аналитическими и включают в свои формы соответствующий послелог (*kũ*, *ko*, *kĩ*, *ã* и др.).

В диалектах ленди зафиксирован и аблатив, например: *mãnthã*, *menthe*, *mãnthĩ*, *meḍethõ* 'от меня', *sãnthĩ*, *ãnthõ* 'от нас', *iũnthõ* *totõ* 'от тебя', *tusãnthõ*, *tuhãthõ* 'от вас' и др.

Существуют и специальные эмфатические формы личных и лично-указательных местоимений:

а) с суффиксом *-ã*: *ihã* 'только он', *ihã te gall e* 'В том то и дело', *ũhã nakhre* 'те же жеманства', *ũhã...mã paĩ ãhnĩ* *ã* 'То же самое говорю и я';

б) с суффиксом *-e*: *ise* 'как раз ему';

в) с суффиксом *-ũ*: *ĩhũ bhirã iũḍḍã* 'именно этот твой брат';

г) с суффиксами *-ā̃* и *-ē̃* в эргативном падеже: *mēhā̃* 'как раз я', *iūhē̃* 'как раз ты', *ināhā̃* 'как раз они' (джатки Шахпура) /Wilson, 20/.

Кроме того, в ленди отмечены и лексические (при помощи частиц) способы эмфазы местоимений.

Притяжательные местоимения — это в основном местоимения-прилагательные, так как чаще всего от них исходит указание на признак. Они вместе с существительными, к которым относятся, изменяются по падежам и числам и согласуются с ним в роде.

Притяжательные местоимения подразделяются на лично-притяжательные и возвратно-притяжательные.

Лично-притяжательные местоимения более распространены, чему способствуют также диалектные варианты, например:

«мой» — *medā* (мультани), *māṇḍā* (гхеби), *māṇḍhā* (джатки Лаялпура), *mahārā*, *mahāḍā* (потхохари) и др.;

«ваш» — *tusāḍā* (джатки Шахпура), *tusiḍḍā* (шахпурский диалект Соляного хребта), *tusārā* (потхохари), *suāhṛā* (пунчхи) и др.;

«наш» — *hasāḍā* (джатки Шахпура), *assāḍā* (мультани), *sahṛā* (чибхали и дхунди-кайрали), *asārā* (потхохари) и т.д.

Притяжательные местоимения могут иногда выступать субстантивно, сочетаясь с послелогами, например: *tāṇḍhe kolū̃* 'от тебя', *tāḍhe māṇḍhe vicār* 'между нами' и др.

В разговорной речи ленди существует специфическое явление, связанное с усечением некоторых форм притяжательных местоимений. Сочетаясь с глаголом-связкой, выраженным гласным звуком, притяжательное местоимение может опускать свою конечную гласную, например: *jo māḍḍe*, *o tāḍḍe* (вместо *māḍḍā e*, *tāḍḍā e*) 'что мое, то... твое'.

Это обуславливается сильным тяготением ленди к слиянию слов, в данном случае местоимения со связкой.

Притяжательные местоимения в ленди не всегда выражают притяжательные отношения и в этом случае функционируют для передачи отношений другого плана, например: *abhā, m̃ā ... tāddā gunāh kīte* 'Отец, я совершил перед тобой ... грех'; *māh tusiddā fikar e* 'Я беспокоюсь о вас'; *kinh kũ d̃devā teddī faryād* 'Как же (букв. 'кому же') мне передать свою жалобу для тебя?'

Возвратно-притяжательное местоимение относится ко всем лицам и числам. Наиболее распространенные формы *ārṇā(ārṇā)*, *arṇā(ārṇā)* 'свой', например: *ārṇē rīū kũ* 'своему отцу', *arṇā tarkā* 'свое имущество'. Более редкая форма *aradā*.

Определительные местоимения: *ārū* 'сам' (*ārū lagā vadā e* 'сам ушел'), *habho* 'всё', *habhe* 'все'. Иногда определительное местоимение сочетается с другим местоимением: *habbā kijjh (sabho kujh)* 'всё'.

Указательные местоимения. К ним относятся *e(ih)* 'этот' 'эта, это', *in(e, ih, eh)* 'эти', *c(ūh)* 'тот, та, то', *un(o, ūh)* 'те', *ehṛā* 'такой', *ijehā* 'такой (как этот)', *ujehā* 'такой (как тот)', *ejhā* 'такой' (аванкари). Примеры:

ehṛī hālai 'такое положение', *ijehā nīṇṅar* 'такой мальчик', *ūn ghoḇlū* 'те множества'.

Коррелятивные местоимения. Практически все указательные местоимения могут участвовать в обеспечении корреляционной связи сложноподчиненного предложения (СПП), выступая как сигнализаторы корреляции /Смирнов¹, 38, 39; Смирнов¹/, поэтому применительно к СПП они являются коррелятивными местоимениями. (см. подробнее в разделе «Синтаксис сложного предложения»).

В мультани Дерагазихана часто выступает коррелятивное местоимение *iā* 'тот', 'та', не изменяющееся в единственном числе; для множественного числа номинативный падеж и автосемантическая морфа с флексией имеют соответственно формы *iinhā* и *iinhē*. В мультани Хайрпура часто в этой роли ис-

пользуется местоимение *so* 'тот', 'то', 'та': *je ko bhāṅgā māḷ dā meḍḍā thīve*, *so me kū ḍḍe* 'Какая бы часть богатства ни была моей, ту мне отдай'.

Релятивные местоимения также принадлежат лишь к сфере сложноподчиненного предложения и обеспечивают не только корреляционную, но еще и относительную связь в подобного рода конструкциях (примеры см. в разделе «Синтаксис сложного предложения»). К ним относятся, например, следующие слова, вводящие придаточную часть *jo*, *jerā* (тхали Мианвали), *je-ḡā*, *jeḡā* 'кто', 'который', 'какой'. Морфой с флексией от *jo* и *jā* является *jā* или *jis* в единственном числе и *jinhā* во множественном, а в мультани Дерагазихана номинативным падежом множественного числа от *jo* — *jinhā*, а морфой — *jinhē*.

Вопросительные местоимения испытывают также колебание форм в разных диалектах. Так, «кто» в аванкари передается местоимением *kor*, а морфа единственного числа — *kāṇḍhā*, в шахпурском диалекте Соляного хребта тоже *kor*, а морфа единственного числа *kaṭ* или *kā*, морфа множественного числа *kinhā*, в пунчи *kuṇ*, морфа *kus* или *kusā*, в потхохари *kuṇ*, морфа *kis*, в джатки Шахпура *kāṇ*, морфа *kā*, в мультани *kaun*, морфа единственного числа *ke*, а множественного *kinhā* (*kinhā*) и др. Аналитический падеж от местоимения «кто» в мультани Хайрпура — *kinh* + послелог, например: *kinh kū ḍḍe vā teḍḍī faryā d?* 'Как же (букв. кому же) мне передать жалобу для тебя?'.

«Что» в мультани передается местоимением *keā* или *cā*, а морфа — *kitt*; в мультани Дерагазихана — *keā*, *ke* или *cā*, а морфа *kit*; в потхохари *kāh*, а морфа *kis*; в пунчи *kāh*, *kā* или *kaṭ*; в джатки Лаялпура *kī*, в джатки Шахпура *ke* и др.

В тинаули и говорах района Кохата для местоимения «чей» употребляются соответственно формы *kahā* и *keṇḍā*. В ряде диалектов используется вопросительное местоимение *kehā* 'какой'.

Неопределенные местоимения. В мультани и джатки Лаялпура часто используется местоимение-прилагательное *kāṭ* 'какой-либо' с формой аналитического падежа *kāhẽ (kähĩ)* + послелог: *kāṭ rupāh* 'какое-либо избавление', *kāṭ shai* 'какая-то вещь' (мультани), *kāṭ hus iũ munikar hāsu?* букв. 'Разве она какая-либо отступница от него?' (джатки); *kāhĩ cokrẽ kũ paṭheus* 'Она послала какого-то мальчика', *kāhẽ bae afsar kolũ* 'от какого-то другого чиновника' (мультани). В потхохари вариантом этого местоимения служит слово *koṭ* с формой аналитического падежа *kussā (küsā)* + послелог.

В мультани Дерагазихана, пунчи и потхохари употребляется местоимение *kijjh* 'что-то', а в аванкари *kijh*.

Возвратное местоимение всегда бывает косвенным или прямым (реже) дополнением и в плане субъектно-объектных связей относится к подлежащему-субъекту действия, выражая отношение одного из трех лиц к самому себе.

Возвратное местоимение является омонимом возвратно-притяжательного *āpṛā(āpṛā)*, *apṇā(āpṇā)*, *apadā* и отличается от него двумя моментами: 1) морфологически, так как первое представляет собой местоимение-существительное, а второе — местоимение-прилагательное; 2) синтаксически, так как первое выступает как дополнение, а второе — как определение. Примеры: *iāḍe piũ āpṇe tāĩ vaḍḍĩ ziyāfat kītĩ* 'Твой отец устроил для себя пир'; *taĩ tḥ āpṇe kāṇ cātā* 'Ты это поднял для себя'; *māĩ āpṇe kāṇ jhotā* 'Я запряг его (быка) для себя'.

Как и в других индийских языках, в ленди не существует специальных отрицательных местоимений. Идея отсутствия предмета передается сочетанием неопределенного местоимения с отрицательной частицей при сказуемом. Возможно и употребление сразу двух подобных местоимений при одной отрицательной форме предиката, например: *koṭ šaxs iũ kũ kāṭ shai ḍḍendā na hā* 'Никто ему ничего не давал'.

Вербально-местоименные суффиксы

Местоименные суффиксы занимают особое место в грамматике ленди. Они представляют собой одну из специфических черт этого языка, которая сближает его с синдхи и кашмири и отличает от других языков Индии и Пакистана. Правда, в кашмири эти суффиксы присоединяются лишь к глаголу, а в ленди и синдхи — и к глагольным формам и к имени существительному. Помимо этого в отличие от синдхи и кашмири они, присоединяясь к усеченной отрицательной частице, образуют в ленди специальную систему отрицательных личных глаголов. Местоименные суффиксы носят агглютинативный характер и в одной и той же форме могут выражать четыре основных значения: а) субъекта действия, б) основного объекта, на синтаксическом уровне равноценного прямому дополнению, в) косвенного объекта-адресата, на синтаксическом уровне равноценного косвенному дополнению, г) притяжательности. Кроме того, они имеют в потенции еще одно параллельное значение, а именно вербальное, ибо обладают определенным зарядом предикации, которая особенно рельефно проявляется в образованиях с существительным, причастием и усеченной формой глагольной связки (или формой глагола «быть» в аналитических моделях). Именно поэтому мы предлагаем называть их вербально-местоименными.

Разумеется, при присоединении к самостоятельному глаголу в синтетической форме вербальное значение суффикса приглушается на фоне предикации глагола. Не будучи самостоятельными лексическими единицами и не употребляясь обособленно от других слов, вербально-местоименные суффиксы тем не менее обеспечивают разнообразные синтаксические связи, и именно поэтому их значение нередко устанавливается при осмыслении всего предложения, а то и более широкого контекста. Нередко с одним словом могут сочетаться и два суффикса.

Суффиксы не имеют родовых помет и оформляют имена обоих родов.

На основе разных источников можно примерно так представить их основной инвентарь (по лицам), содержащий также диалектные варианты.

1-е лицо

Единственное число

Множественное число

- m, -s

-se, -hse

Соединительными гласными для суффиксов всех лиц могут быть -a-, -e-, -i-, -o-, -u-. Для 1-го лица единственного числа чаще всего используется суффикс -u-, для множественного — -o- и -a-.

Примеры с субъектным значением: *ũ hĩ kīte mele uttũ vall reum* 'Именно поэтому я вернулся с ярмарки'; *is karāre appar nāh rayhteus* 'Как и обещал, я не вернусь'; *mele gāose* 'Мы отправились на ярмарку'.

Иногда говорящий помимо субъектного суффикса употребляет еще и личное местоимение того же лица и числа, «обрекая» таким образом первый на дублирующую роль. Иной же раз суффикс-дублер используется для эмпазы впереди стоящего имени или местоимения, или того и другого. В таком случае вполне правомерно глагол с подобным суффиксом рассматривать как личный: *mā apṛē jhugge dũ vendā piā ham* 'Я шел к своей хижине'; *assā rehose* 'Мы остались'; *bulāqī, kīrār te rakhyā te nabbu te mā rel te caṛh karāhĩ bongge vañ lat-hose* 'Булаки, Кирар, Ракхья, Наббу и я, сев на поезд, сошли по прибытии в Бонге'.

Примеры с объектными значениями: *ũ māreum* 'Он меня побил'; *kijh saṅgā na ladgā hām* 'Ничто не казалось мне благоприятным'; *hukm dītā hāse* 'Нам был отдан приказ'.

Примеры со значением принадлежности: *kassisse* 'У нас лихородка', *gharum* 'У меня есть дом'. В этих примерах суффиксы присоединяются к существительным и выражают предикацию. Не случайно существуют и такие параллельные варианты, как *kasshisse* и *gharhim*. Формы, подобные *him*, *hisse*,

образуются сочетанием усеченного глагола *he* 'есть' с соответствующим суффиксом, т.е. *him* = *he* + *m*, а *hisse* = *he* + *isse* /Grierson¹, 262/.

2-е лицо

Единственное число	Множественное число
-ī или -vī, -ī̃, -vī̃, -ū̃, -ā̃ (после ī), -su	-ne, -nihe, -ve или -vve

Примеры: *ke karī?* 'Скажи же, что мне делать?'; *trimut āī havī?* 'Приходила к тебе женщина?'; *maṅg je kiḥ maṅgṇaī* 'Требуя чего хочешь'; *tū minnat kītī hāvē* 'Ты выражал просьбу'; *sāṛū* 'Сожгу тебя'; *he vahuṭī siālī vī jāstā* 'Слышишь, эта женщина также поедет в Сялу'.

В джатки Лаялпура часто встречающийся суффикс *-su* может выражать и 2-е и 3-е лицо. Вот примеры на первый случай: *tāṇḍhā maṅ ... kidhre hor dhire lagā vāsu* 'Слышишь, твое сердце обращено куда-то в другую сторону'; *hinā badlā udā desu* 'Рассей эти облака'; в джатки Шахпура используются местоименные суффиксы *-ne*, *-nihe*, а в мультани *-vve*: *ke hālne?* 'Каково ваше состояние?'; *purinihe?* 'У вас жернов?' (джатки); *sārhiṅve?* 'У вас жгучая боль?' (мультани).

3-е лицо

Единственное число	Множественное число
-s, -su	-ne, -n, -nen, -nhē

Примеры: *kijh nā bapeus* 'У него (букв. 'ему') ничего не получалось'; *ḍū mohṇā udhātā ghiddus* 'Она взяла в долг два золотых'; *janāṇṇā jahā te hesu* 'Он, как женщина'; *O māḍḍe uttē kūṛ lendin* 'Они клеветают на меня'; *mā kū saddione* 'Они вызвали меня'; *mūḥye* с *raṇā rainen* 'Они набили рот грязью'; *zatīn kū pathionhē* 'Они разрыли землю'.

Один и тот же глагол может присоединять сразу два местоименных суффикса, один с субъектным, а другой с объектным значением: *jutamī joṛā* (-m- + -ī̃) 'Я запряг пару для тебя'; *rupāe ḍitteimīs* (-m- + -s) 'Я дал ему рупии'; *rupāe ḍittumve* (-m- +

-ve) 'Я дал вам рупии'; *gurāe dittiṇam(-n- + -m)* 'Я дал рупии им'/Bomford, 158/.

В текстах на мультани Музаффаргарха и Бахавалпура /Grierson¹, 325-327/ содержатся два предложения, которые, судя по всему, являются особой эмфатической конструкцией. Ее основу составляют акцентически выделяемое имя существительное и своеобразно дублирующий его в составе глагола местоименный суффикс. По своему характеру эта конструкция напоминает рассмотренную нами на базе панджаби модель с репрезентирующим местоимением (или с групповым членом предложения) /Смирнов², Смирнов²/, однако с той разницей, что там выступает самостоятельная лексическая единица — местоимение, а здесь аффикс. Примеры: *moḥṛā dikhāḇeṇas(-n- + -s)* 'Он показал золотые' (букв. 'золотые, он их показал'); *mā kū gālḥṛ dittiṇas(-n- + -s)* 'Он меня оскорбил' (букв. 'мне оскорбления, он их дал'). В обоих примерах в составе одного и того же глагола выступает суффикс с субъектным значением -s 'он' и суффикс с объектным значением -n 'их', который дублирует эмфатически выделяемое существительное.

Сочетаясь с усеченной отрицательной частицей, местоименные суффиксы образуют специальные личные отрицательные глаголы бытия, использующиеся главным образом в перфекте и настоящем времени. Ср. варианты этих глаголов из джатки Шахпура с таковыми в мультани:

Единственное число		Множественное число
джатки: <i>nīmḥū</i>		
1-е л.	<i>nissū</i> 'я не есть'	<i>nisse</i> 'мы не есть'
	мультани: <i>nīmḥē, nīmḥī</i>	<i>nīḥse, nisse</i>
джатки: <i>nīḥū, nūḥ</i> 'ты не есть'		<i>nīḥe</i> 'вы не есть'
2-е л.	мультани: <i>nivī, nīvḥī, nehī</i>	<i>nīḥve, nivve, nivhe, nehe</i>
джатки: <i>nissū, neṭh</i> 'он не есть'		<i>ninne, ninnhe</i> 'они

3-е л.

мультани: *nīhsī, nisī, nāh*

не есть'

*ninnhē, ninhē, nivve,
nehn*

Примеры: *nimhū laddhā* 'Я не получил'; *ninne diṭṭhā* 'Они не видели'; *hukn nīne dhea* 'Вам не было приказа'; *nisse duṭṭanā dā khatrā* 'Мы не боимся врагов'.

Следует иметь в виду, что в ленди существует и другая разновидность отрицательных личных глаголов бытия, образуемая сочетанием усеченной отрицательной частицы с формами глагола «быть» (см. раздел «Глагол»).

Глагол

Глагол в ленди — часть речи, включающая разнообразные формы, которые обладают такими категориями, как лицо, число, время, наклонение, вид, переходность, залог, род (иногда).

Неличные формы

Глагол ленди содержит личные и неличные формы.

К ним относятся исходная глагольная форма, инфинитив, герундий, герундив, причастие I, причастие II, деепричастие.

Исходная глагольная форма. В морфологической структуре глагольных форм можно выделить общую краткую форму, которая либо употребляется сама в составе различных аналитических образований, либо конверсируется в другие глагольные формы и даже части речи, либо же, присоединяя различные аффиксы, образует производные формы: инфинитив, герундив, причастия, разные синтетические личные формы.

Это явление имеет место и во многих других индийских языках. Не случайно исследователи ленди (как и многие лингвисты в области других индийских языков) дают глагол в исходном плане именно в этой форме, а не в форме инфинитива.

Поскольку эта форма используется сама как слово, передающее общую идею процесса в чистом виде (чего нельзя

сказать про инфинитив), ее лучше называть исходной глагольной формой, а не основой или корнем. Последние два термина правомерно использовать лишь для производных синтетических форм: *vañ* (*vañuñ* 'идти'), *gach* (*gachñā* 'идти'), *ach* (*achñā* 'приходить'), *samm* (*sammun* 'спать'), *dahl* (*dahluñ* 'бояться'), *kar* (*karuñ* 'делать'), *miñ* (*miñuñ* 'измерять').

Инфинитив. В ленди различают три типа инфинитива:

1) исходная форма + морфема *-uñ* (*-vuñ*): *bhiguñ* 'бороться', *iñtūuñ* 'быть', 'становиться', *pīvuñ* 'пить';

2) исходная форма + морфема *-añ*: *cambañ* 'прилипать', 'приставать', *karañ* 'отрезать', 'отделять';

3) исходная форма + морфема *-ñā*, *-nā* (менее распространенный тип): *achñā* 'приходить', *gañā* 'петь'.

Первый и третий типы инфинитива во многих диалектах изменяются по падежам и имеют автосемантическую морфу с флексией соответственно на *-añ* (*bhigañ*) и на *-ñe*, *-ne* (*achne*, *gañe*). Однако следует указать, что в аванкари инфинитив в неноминативных падежах часто не меняется, например: *iñvun añuñ lagga geā* 'Пошел принести жареных овощей'; *rañhuñ vāñā* 'Идет учиться'.

В тинаули форма инфинитива на *-nā* (*-ñā*) также иногда не подвергается падежным изменениям.

Форма инфинитива 2-го типа остается неизменной во всех падежах.

Первый тип инфинитива встречается, например, в таких диалектах, как джатки Шахпура, шахпурский диалект Соляного хребта, аванкари, (центральный) мультани и др., второй — в мультани Музаффаргарха, Дерагазихана и др., третий — в потхохари, чибхали и др. В некоторых диалектах встречаются сразу два типа инфинитива. Так, 1-й и 3-й наличествуют в северных диалектах тинаули и говорах Кохата.

Инфинитив ленди представляет собой специфическую глагольную форму, занимающую среднее положение между глаголом и существительным и обладающую чертами и того и дру-

гого, причем именные характеристики в инфинитиве ленди преобладают над вербальными. Не случайно поэтому некоторые исследователи (например, Вильсон, Гирсон) склонны рассматривать его как отглагольное имя. К именным признакам инфинитива следует отнести то, что он может:

1) изменяться по падежам, причем в аналитических используя в качестве основной субморфы разные послелогов. Примеры на 1-й тип инфинитива: *lokā nā āvun vāpūn ghaff āhā* 'Людской поток (букв. 'приход, уход') был слабым'; *ū khaḥā thī ke andar vāpān nā cāheā* 'Разозлившись, он не захотел войти внутрь'; *khāvan dāi* 'для еды'. В первом примере инфинитив *vāpūn* 'идти' стоит в прямом падеже, а во втором — в объектном (*vāpān*);

2) иметь перед собой определения (как оформленные согласующе-реляционным послелогом, так и употребляющиеся без него), например: *meddā taraṇ* 'мое убийство' (букв. 'убийство'), *ārpe piū ne ākhaṇ mūjib...* 'как сказал мой отец' (букв. 'согласно говорению... отца');

3) благодаря наличию согласующе-реляционного послелога выступать в функции согласованного определения к существительным, например: *medde kuhaṇ nā hukm* 'приказ убить меня';

4) благодаря возможности иметь формы обстоятельственных падежей использоваться как обстоятельство: *kusā siyāṇe kī lome tāi gach* 'Иди поискать какого-либо мудреца'; *samtaṇ āeus* 'Он пришел спать'.

К вербальным характеристикам инфинитива относится то, что он может:

1) видоизменяться по залоговым формам, например, в мультани: *māṇū* 'бить' — *maṇiū* 'быть избиваемым'; *karū* 'сделать' — *karvāū* 'побудить кого-то сделать' ('сделать через кого-то') и др.;

2) определяться наречием, например: *ajjā dḍekhaṇ caṅgā nahī* 'увидеть сейчас плохо';

3) быть переходным или непереходным.

Таким образом, выражая процесс, инфинитив в определенной степени опредмечивает его.

Герундий — это форма глагола, обладающая, как и инфинитив, субстантивно-глагольными чертами. Судя по всему, субстантивные признаки преобладают в нем над глагольными, на что указывают примеры, встречаемые в устной и письменной речи. Чаше герундий внешне совпадает с формой причастия II (см. ниже разд. "Причастие"), но иногда омонимия наблюдается и в женском роде. Герундий может иметь различные согласованные определения, изменяться по падежам (чаще по аналитическим, используя в качестве основной субморфы различные послелогии). Он может чаще всего функционировать в качестве подлежащего, дополнения и обстоятельства. Примеры: *māḍā ākheā* 'мое слово' (букв. 'мое сказание'); *mā kūḥ munsifā dā kītā manzūr nahī* 'Для меня неприемлемо решение третейских судей'; *oh us nē ākhe appar kudhre tur peā* 'После того как она сказала (букв. после ее говорения), он куда-то отправился'; *us janānt kī hikk kuttī ghare nī rākhī tāī ghinn ditī* 'Он оставил жене собаку для охраны дома'.

Иллюстрацией глагольных черт герундия служит, например, наличие у него прямого дополнения, если он образован от переходного глагола: *hasāḍā ghar ditthe bājh* 'не посмотрев нашего дома'.

Герундий входит в состав глагольного образования, выражающего многократный вид, о чем смотри разделы о временах и видах глагола.

Герундив является отглагольным прилагательным и не совпадает по форме с инфинитивом 1-го и 2-го типов, и лишь его формы мужского рода единственного и множественного числа (на *-nā*, *-nā* и *-ne*, *-ne*) аналогичны таковым инфинитива 3-го типа, оканчивающегося в номинативном падеже на *-nā* (*-nā*) и в неноминативных на *-ne* (*-ne*). Если учесть относительно небольшую распространенность инфинитива 3-го типа, то герун-

див ленди чаще всего отличается по форме от инфинитива. Расхождения между этими глагольными формами проявляются и в другом.

В отличие от инфинитива герундив не изменяется по падежам, не сочетается с послелогами, не может иметь определений. Но зато он согласуется с существительным, к которому относится, в роде и числе, причем, как правило, в номинативном падеже. Иногда герундив может совпадать и с формами причастия 1-го типа, оканчивающегося на *-nā*, *-ṇā*. Он часто используется в функции сказуемого и в этом случае нередко имеет модальное значение (необходимость, долженствование, желание, решимость, возможность, целесообразность и др.), например: *hus'c ke ghāt hoṇī āī, naṇḍ rāṇī?* 'Какой же недостаток может в нем быть, золовка?'; *muṛ hisā kūt snehā pagām deṇā ī te desu* 'Если хочешь передать ей какое-либо известие, то передавай';

Герундив в ленди, как и в панджаби, может употребляться в эргативной конструкции и обозначать будущее время. Данное обстоятельство опровергает точку зрения тех лингвистов, которые утверждают, что якобы эргативная конструкция в новоиндийских языках означает лишь прошедшее совершенное действие (не говоря даже о том, что сказуемое, выраженное обычным глаголом, может быть носителем в эргативной конструкции повторного, незавершенного действия), например: *tuddh ũ kūt khallī ḍḍeunī ā* 'Тебе придется отдать ему бурдюк'; *ũ māḍḍā guṇāh nahī karnā* 'Он не совершит греха передо мною'; *habbnā rāṇī rīṇā e?* 'Все будут пить воду?'.
Следовательно, герундив придает выражаемому им процессу значение признака и нередко модальности.

Причастие

Причастие I чаще всего образуется присоединением к исходной форме морфем *-nā*, *-ṇā* (иногда *-ṇā*, *-ṇā*, как в потхохари), *-dā*, *-ndā*, *-undā*, *-āndā*, *-endā*. Примеры: *kuṭṭnā* (*kuṭṭṇā*) 'бью-

щий', *khalondā* 'стоящий', *apṛāndā* 'заставляющий достичь', *karendā* 'делающий', *puṣṇēnā* 'спрашивающий', *vānā* 'идуший' и др.

В тхали причастие I часто образуется при помощи морфемы *-īndā, -āndā*: *karīndā* 'делающий', *vikāndā* 'продающий'. Глагол *dekhuṇ* 'видеть' в этом диалекте имеет причастие I *deḍhā* 'видящий'. В пунчи от глаголов *gachṇā* 'идти', *aṣṇā* 'приходить' причастиями I являются соответственно: *geṇā* 'идуший', *eṇā* 'приходящий'.

Причастие I изменяется, как и прилагательное, по родам, числам, следуя за изменениями имени, к которому оно относится. Выражая различные категории, оно может либо выступать самостоятельно, либо входить в состав синтетической сложной формы, либо быть компонентом аналитического образования (см. ниже).

В ленди также существует причастие пассивного залога, чаще всего образуемое в мужском роде единственного числа (форму которого мы принимаем за исходную для причастия) присоединением к исходной форме глагола суффиксов *-īnā, -īnā̃, -īndā, -īdā*, как например: *karīnā (karīnā̃)* или *karīdā, karīndā* 'делаемый', *marīndā* или *marīnā* 'избиваемый', *ḍhaīndā* 'находимый'.

В случае наличия долгого гласного в исходной глагольной форме он при образовании пассивного причастия укорачивается, что видно из примера с только что приведенным причастием *marīndā* или *marīnā* 'избиваемый'. О пассивном причастии см. также раздел «Страдательный залог».

Причастие II. В зависимости от переходности, лексического характера глагола, типа синтаксической модели, в которой используется причастие II, оно может иметь либо активное, либо пассивное значение. Так, причастия II всех переходных глаголов имеют лишь активный характер. Тем же значением всегда обладают причастия II переходных глаголов в эргативной конструкции, где выступает перфектная форма сказуемого. В других же случаях (см. раздел «Личные

формы) иногда может выступать пассивное значение причастия II от переходных глаголов, что указывает на неоднородность его значения.

Довольно часто причастие II образуется в разных диалектах ленди присоединением к исходной или измененной исходной форме морфем *-eā*, *-iā*, *-iyā*, *-ā*, например:

rovaṇ 'падать' — *piā*, *piyā* 'упавший',

ihīvuṇ 'стать' — *ihīā* 'ставший',

cāvuṇ 'поднимать' — *cāiā* 'поднявший', 'поднятый'.

Нередко причастие II образуется присоединением морфем *-ihā*, *-hā*, *-tā* к измененной основе, например:

vilhappaṇ 'разделиться' — *vilhatā* 'разделившийся',

vaṭhaṇ 'хватать' — *vaṭhūtā* 'схвативший', 'схваченный',

niklaṇ 'выходить' — *nikhtā* 'вышедший',

ghinnaṇ 'брать' — *ghidā*, *dhiddā* (*ghidhā*) 'взявший', 'взятый'.

Иногда встречаются супплетивизмы, например:

vañiṇ 'идти' — *geā* 'ушедший',

vassuṇ 'идти (о дожде)' — *uṭṭhā* 'шедший (о дожде)'.

Причастие II также изменяется по родам и числам.

Следует учесть, что в ленди, как, по нашему мнению, и в ряде новоиндийских языков, наличествует форма прошедшего времени глагола, омонимичная причастию II, которая выражает активное действие, обладает предикацией и употребляется самостоятельно как центральный, конституирующий член предложения, например:

o juleā 'Он ушел'; *us hikk soṭī ghiddī* 'Он взял дубинку' (эргативная конструкция).

Причастия носят аъективный характер и придают процессу, выражаемому ими, оттенок признака.

Аналитическая словоформа причастия II. Причастие II может быть знаменательным компонентом аналитической словоформы, в которую еще входит и причастие II от глагола «быть», придающее ей значение категории вида состояния (модификатор глагольного вида). По своей сути это видовая разновид-

ность причастия II. Такое образование, имеющее ярко выраженное значение состояния, часто функционирует как определение и знаменательный компонент аналитического сказуемого (будучи само аналитическим). Примеры: *vagindā huā šaks* 'играющий на музыкальном инструменте человек'; *ū velhe ū dā vadḍā putr rarḥ do ggīā hoiā hā* 'В то время к полю шел его старший сын (букв. 'был шедшим'); *sar peā oīā siā* 'Змея лежала' (букв. 'лежавшей была'); *suṇā hoyā hā* 'слышал' (букв. 'был слышавшим'; *likhiā hoyā* 'написанный', 'написавший'.

Возможен и повтор причастия, например: *xabar uddī uddī havāt pūt gāt* 'Известие распространилось' (букв. 'летающее, летающее известие распространилось').

Причастия могут входить и в состав других образований.

Деепричастие. Существует несколько разновидностей деепричастий:

1) конверсированное от исходной формы глагола: *qāzī tauqā va p dīṭṭhā* 'Судья, пойдя на место, осмотрел его'; *unhā kū ghaṇṭ duniā-daulat dḍe xuś kītus* 'Дав им много богатства, он осчастливил их';

2) образуемое добавлением аффикса *-t* к исходной форме: *bahū saṇṭ ruṣāk kadhī te ghinnī aḥo* 'Вынув самую хорошую одежду и взяв ее, принесите сюда'.

Деепричастия этих двух типов могут сочетаться в одном и том же предложении: *ivē ākh un hī niṅgar kū bhākur pāt cumā dḍitus* 'Сказав так и обняв того парня, он поцеловал его';

3) образованное сочетанием производной формы на *-t* с формантом *kā* (в чибхали и др.) или *ke* (потхохари, аванкари и др.). (Форма, оканчивающаяся на *-t*, может быть не только деепричастием, но и входить в состав интенсивных глаголов, т.е. заменять исходную форму.). Примеры: *habbā kijjh ghaṭṭhā kaṭ* *ke* 'собрав все', *kaṭ kā* 'сделав', *āt kā* 'придя', *maroṭ ke* 'скрутив';

4) образованное сочетанием исходной формы и форманта *kaṇṭ* (аванкари): *āṇ kaṇṭ* 'подойдя'.

Деепричастия 3-го и 4-го типов могут сочетаться в одном и том же предложении: *gaṇ ke ca denā te totā ghin kaṇī ghar lag-gā ānā* 'Отсчитав деньги, отдает их и, взяв попугая, идет домой';

5) образованное сочетанием исходной формы и форманта *karāhī* или *karahū*. Этот тип деепричастия встречается в мультани Дерагазихана, Бахавалпура и других районах, граничащих с зоной распространения синдхи. Примеры: *ā karāhī ū kū minnat kītus* 'Подойдя, сделал ему замечание'; *sabho gadḍ kar karahū* 'Собрав все'; *dīgir kū rel utte caṇ karahī iśā vele himātī āṇ lat-ithum* 'Сев на поезд во время вечерней молитвы, прибыл в Химати во время утренней и сошел там';

6) образованное сочетанием исходной формы с формантом *kar*: *mohṛā giṇ kar āpṛī guthlī* 'с *pāvaṇ laggā* 'Считая золотые, стал класть в свой мешок';

7) аналитическое деепричастие, состоящее из деепричастия на *-ī*, употребляющегося в качестве знаменательного компонента, и формы *hoī* от глагола «быть» *o mā kū māī hoī vale vende han* 'Избив меня, они шли обратно';

8) пассивное деепричастие, конверсированное от исходной пассивной формы глагола, например: *marīj* 'будучи избиваемым', 'будучи избитым';

9) деепричастие причастного происхождения. Это неизменяемая форма причастия I, оканчивающаяся на *-eā* и носящая явно деепричастный характер: *turneā janānī us kī ākheā ke...*

'Когда он собирался, жена ему сказала, что...' (букв. 'он собираясь, жена ему...'); *rāh vich vāndeā hikk lakṛī ālā takkeus* 'Идя по дороге, он увидел дровосека'.

Личные формы

К ним относятся все синтетические формы, имеющие личные показатели, а также аналитические образования, состоящие из причастия и вспомогательного глагола, изменяющегося по лицам.

Глаголу ленди присущи следующие категории наклонения: изъявительное, повелительное, сослагательное, условное и предположительное. В разделах о наклонениях мы рассмотрим категорию времени и другие характеристики данной части речи.

Изъявительное наклонение

Настоящее время

Сначала следует рассмотреть формы настоящего времени глагола «быть», «существовать» — *hovun* (*hovan*) или *ihivun* (*ihivan*), участвующего во многих образованиях. Данный глагол имеет развитую и разнообразную систему спряжения, представленную и полными, и краткими, и даже эфатическими формами (табл. 19).

Таблица 19

Спряжение глагола *hovun* (*hovan*) 'быть'
в мультиани*

Лицо	Единственное число		Множественное число	
	полная форма	краткая форма	полная форма	краткая форма
1-е	<i>hã</i>	<i>ã</i>	<i>hã</i>	<i>ã</i>
2-е	<i>hĩ</i>	<i>ĩ</i>	<i>ho</i>	<i>o</i>
3-е	<i>he</i>	<i>e</i>	<i>hin</i>	<i>in</i>

*Grierson¹, 342.

Несколько отличается эта система, в том числе и наличием эфатических форм, в джатки Шахпура (табл. 20).

Диалектные колебания выражаются и в том, что в ряде диалектов наблюдаются несколько вариантов спряжения глагола *hovun* (*hovan*). Более того, возможно одновременное наличие систем спряжения и глагола *hovun* (*hovan*) и глагола *ihivun* (*ihivan*). Это можно проиллюстрировать на примере диалекта пунчи. С учетом обоих глаголов он имеет четыре варианта спряжения (табл. 21, 22).

Спряжение глагола «быть» в джатки Шахпура*

Лицо	Единственное число			Множественное число		
	полная форма	эмфатическая форма	краткая форма	полная форма	эмфатическая форма	краткая форма
1-е	<i>hā</i>	<i>āhā, āhā</i>	<i>ā</i>	<i>hā, hā</i>	<i>āhā</i>	<i>āh</i>
2-е	<i>hē</i>	<i>ihē</i>	<i>ē</i>	<i>ho</i>	<i>eho</i>	<i>o</i>
3-е	<i>he</i>	<i>ihe</i>	<i>e(ve)</i>	<i>hin</i>	<i>ehin, ehinn</i>	<i>in</i>

*Wilson, 45.

Таблица 21

Спряжение глагола «быть» в пунчи*

Лицо	Единственное число			
	вариант 1	вариант 2	вариант 3	вариант 4
1-е	<i>es</i>	<i>nāes</i>	<i>dāes</i>	<i>thes</i>
2-е	<i>ī</i>	<i>nāī</i>	<i>dī</i>	<i>thī</i>
3-е	<i>ā</i>	<i>nā, nāe</i> (ж.р. <i>nī</i>)	<i>dā</i> (ж.р. <i>dī</i>)	<i>theā</i> (ж.р. <i>thī</i>)

*Grierson¹, 510.

Таблица 22

Спряжение глагола «быть» в пунчи*

Лицо	Множественное число			
	вариант 1	вариант 2	вариант 3	вариант 4
1-е	<i>ā</i>	<i>neā(neā)</i>	-	<i>theā</i>
2-е	<i>ā</i>	<i>neā</i>	-	<i>theā</i>
3-е	<i>e</i>	<i>ne</i>	<i>de</i>	<i>thae, the</i> (ж.р. <i>thīā</i>)

*Grierson¹, 510.

В диалекте дхунди-кайрали системы обоих глаголов выглядят несколько иначе (табл. 23).

Спряжение глагола «быть» в дхунди-кайрали*

Лицо	Единственное число		Множественное число	
	дхунди-кайрали	тхали	дхунди-кайрали	тхали
1-е	$\tilde{a}$, $e\tilde{a}$	$the\tilde{a}$	$\tilde{a}$, $e\tilde{a}$	$the\tilde{a}$
2-е	$\tilde{e}$, $\tilde{y}$	$tha\tilde{t}$	o , eo	$theo$
3-е	$\bar{a}$, и (ж.р. Г)	$the\bar{a}$ (ж.р. $the\bar{t}$)	e , de (ж.р. $e\bar{t}\bar{a}$)	$tha e$ (ж.р. $the\bar{t}\bar{a}$)

*Grierson, 496.

В джатки Лаялпура встречается своеобразная форма *ни*, использующаяся наряду с формой 3-го лица множественного числа глагола «быть» и не различающаяся по родам: $\tilde{a}hde$ *ни* 'говорят'; $nadh\tilde{t}\bar{a} bah\tilde{t} r\bar{u}jd\tilde{t}\bar{a}$ *ни* 'Девушки очень обожают'; $m\tilde{a}h badx\bar{a}h kh\bar{a}rx\bar{a}h habhe hik barobar$, *ни* 'Для меня недоброжелатели и доброжелатели – все одинаковы'. Это краткое слово напоминает подобную форму *не* в панджаби.

Личные отрицательные глагольные формы настоящего времени «не быть», «не есть» включают местоименные суффиксы, уже проанализированные выше на основе диалектов мультани и джатки Шахпура. Рассмотрим отрицательные словоформы, не базирующиеся или же базирующиеся отчасти на местоименных суффиксах, в диалектах дхунди-кайрали и тхали.

Таблица 24

Личные отрицательные формы настоящего времени «не есть», «не быть» в тхали и дхунди-кайрали

Лицо	Единственное число		Множественное число	
	дхунди-кайрали	тхали	дхунди-кайрали	тхали
1-е	$n\tilde{a}$	$n\tilde{a}h$, $n\bar{a}h\tilde{a}$	$n\tilde{a}$	$nise$, $n\bar{a}h\tilde{e}$
2-е	$n\tilde{e}$	$nih\tilde{a}$, $ne\tilde{t}h$	neo	$nihe$, $n\bar{t}hye$, $n\bar{t}he$
3-е	$n\bar{a}$ (ж.р. $ne\bar{t}$)	$nah\tilde{e}$, $n\bar{a}h\tilde{e}$, $nahn\tilde{e}$	ne (ж.р. $ne\bar{t}\bar{a}$)	$nah\tilde{t}$, $n\bar{t}h$

Глагольные формы настоящего времени ленди могут быть синтетическими и аналитическими и имеют разновидности в соответствии с категориями вида. Настоящее время изъявительного наклонения имеет следующие категории вида:

Обычный несовершенный вид образуется сочетанием причастия I с личными формами глагола «быть». Рассмотрим аналитические формы в мультани Дерагазихана (на примере глагола *māṛuṇ* 'бить'):

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	<i>marendā hā</i>	<i>marendē hā</i>
2-е л.	<i>marendā hī</i>	<i>marendē ho</i>
3-е л.	<i>marendā hē</i>	<i>marendē hin</i>

Личные синтетические формы в этом диалекте имеются во всех лицах, за исключением 2-го лица множественного числа:

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	<i>marendā</i>	<i>marendū</i>
2-е л.	<i>marendī</i>	<i>marendē ho</i>
3-е л.	<i>marendē</i>	<i>marendin</i>

В потхохари синтетические личные формы имеются во всех лицах единственного и в 3-м лице множественного числа (на примере глагола *kutṭnā* 'бить'):

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	<i>kutṭnā</i>	<i>kutṭne ā</i>
2-е л.	<i>kutṭnā</i>	<i>kutṭne o</i>
3-е л.	<i>kutṭnā</i>	<i>kutṭnē</i>

Параллельные синтетические и аналитические причастные формы наличествуют и в ряде других диалектов.

Обычный несовершенный вид выражает:

1) действие, связанное с неизменным процессом, затрагивающим прошлое, настоящее и будущее в широком плане, например:

mardā nē dhidhe cō jātuk jamṭen 'Из чрева человека рождаются дети' (синтетическая форма);

2) действие, связанное с каким-то периодом настоящего времени, которое может включать, а может и исключать момент речи: *tussī dhiāṛī c aḥhāhṛā ghaṇṭe kam kareneo* 'Вы работаете 18 часов в сутки' (синтетическая форма).

3) действие в момент речи: *mā āṛī puchnī ā* 'Я сама спрашиваю'; *e kuṛ mareneṇ* 'Они лгут'.

Этот вид передает общую идею наличия действия без конкретных деталей относительно процесса действия.

Конкретно-процессный вид выражает идею нахождения в процессе действия, делает акцент на конкретности последнего. Поэтому мы считаем целесообразным назвать его конкретно-процессным (не случайно компоненты этой формы в ленди *piā e* означают 'находится', 'пребывает', т.е. находится в данном действии). По своей конкретности он сближается с длительным видом в английском (*continuous*) и с дуративными формами глагола в панджаби, хинди и других новоиндийских языках. Однако подобные (дуративные) формы не получили распространения в ленди, так как для него типично образование, включающее либо причастие I, выступающее в качестве знаменательного компонента, причастие II от глагола *raṇiṇ* 'падать' плюс форма глагола «быть», в том числе отрицательная (или отрицательная частица), либо личную синтетическую форму причастия I плюс причастие II от глагола *raṇiṇ*. Данный вид часто выражает конкретное действие, протекающее в момент речи, например: *ke paī ākhnī e iṭh?* 'Что ты говоришь?' *ke paī ākhnī ā?* 'Что я говорю?', *uhā te mā paī āhnī ā* 'Я говорю то же самое'; *bādśah meḍḍā maraṇ piā ddekhdā he* 'Король наблюдает, как меня убивают'; *so taḍḍahā sīvāī allāh-sāī de kāt paṇāh nahā piā ddekhdā* 'Так что я не вижу сейчас другого избавителя (букв. избавления), кроме Аллаха'; *lok abbāse šohde nā artān pae karnen* 'Народ сочувствует бедняге Аббасу'.

Иногда формы данного вида могут передавать конкретное действие более широкого плана, захватывающее и прошлое. Примеры: *har vele hazārā ādmī pae laghnen* 'Все время проходят

тысячи людей'; *bahū muddat thī mā tonḍhī xizmat peā karenā* 'Я служу тебе уже давно'.

Необходимо учитывать, что действие, происходящее в момент речи, как уже указывалось, может передаваться формами обычного несовершенного вида, как, например: *e kuḡ māgenē* 'Они лгут'. Однако эта форма акцентирует внимание не на конкретности процесса действия, а лишь на факте наличия этого действия в общем плане.

Длительный вид передает идею продолжительности действия и меньше связан с конкретностью процесса. Формы этого вида чаще всего образуются сочетанием причастия I — знаменательного компонента либо с перфектной формой от глагола *rahiṇ* (*rāhiṇ*), либо с его местоименно-суффиксной формой, например: *is girāe's hik darzī kam kār krenā rāhā āh* 'В этом селе трудится один портной'; *itle varhē toṛī tāḍī xidmat karenā gehum* 'Я тружусь на тебя столько лет'.

Многократный вид выражает регулярно повторяющийся процесс или многократное действие. Формы данного вида образуются также аналитически, сочетанием герундия с глаголом *karuṇ* 'делать'. Примеры: *e sāl karuṇ gāe karnen* 'Они регулярно совершают прогулки'; *o āṛṇā dīthā suneā kar ḡhīndā ā* 'Он всегда делает свои выводы' (букв. 'делает всегда свое смотрение и слушание').

Инхоативный вид обозначает действие, начатое в момент речи в настоящем времени или вообще в настоящем времени. Образуется аналитически сочетанием субморфированной автосемы инфинитива (в случае изменяемого инфинитива) с перфектной (для настоящего времени!) формой глагола *lagguṇ* (*laggaṇ*) 'прикасаться', например: *ḍḍekhā, mohṛā āṛṇī guṭhī's pāvaṇ laggiā e* 'Взгляни-ка, он стал класть золотые в свой мешок'.

Вид действия на грани начинания передает идею действия на грани начинания, а иногда выражает едва начавшееся действие. Образуется аналитически сочетанием исходной глагольной формы с перфектной формой какого-либо глагола движения (чаще всего), например, в потхохари используется глагол *juḷṇā*

‘двигаться’, ‘идти’: *tũ tur te juleā e...* ‘Ты отправляешься, однако...’; *mā unā lawā juleā e* ‘Я их (листья) только-только приложил’.

Результативно-комплетивный вид выражает действие, которое завершилось к моменту речи в настоящем времени, а по существу относится к прошедшему времени. Однако своими результатами оно тесным образом связано с моментом речи и эти результаты являются своеобразным состоянием завершеного действия того или иного объекта, который может в нем пребывать и в настоящем времени.

Данный вид образуется несколькими способами:

1) перфектной формой, состоящей из причастия II, выражающего довольно часто завершенность, и формы глагола «быть», либо синтетической формой глагола; Примеры: *māḍā utth kidde geā e* ‘Куда ушел мой верблюд?’ (букв. ‘Куда ушедшим есть мой верблюд?’); *huṇ tāṇḍhā putur jamīā* ‘Сейчас родился твой сын’; *giā* ‘я ушел’; *giā* ‘ты ушел’; *giā* ‘он ушел’; *geā* ‘мы ушли’; *geo* ‘вы ушли’; *gā* ‘они ушли’ (последние шесть примеров — перфектные синтетические формы диалекта тинаули);

2) сочетанием исходной глагольной формы, причастия II от глагола *rahuṇ* ‘оставаться’, ‘пребывать’ и формы глагола «быть». Внешнее это образование совпадает или почти совпадает с дуративом панджаби и аналогично по составу подобной форме в хиндустани, которые выражают конкретно-процессный вид, но по своему значению оно резко отличается от сопоставляемых моделей, так как выражает комплетивность, например: *toṇḍhā bhirā ā ḡhā āh* ‘Твой брат прибыл’;

3) сочетанием исходной глагольной формы, причастия II комплетивного глагола *sukkuṇ* (*sukkaṇ*) ‘завершаться’ и формы глагола «быть»: *oh arḡā māḷ khā rī sukkiā e* ‘Он проел и пропил свое добро’;

4) сочетанием исходной глагольной формы, причастия II от глагола *bāṭhuṇ* (*bāṭhaṇ* ‘сидеть’, ‘садиться’) и формы глагола «быть»: *o habbhā kijjh kharc kar bāṭhāe* ‘Он все растратил’.

Вид состояния выражает идею состояния, в котором находится объект после совершения определенного действия или после того, как это действие началось. Образуется сочетанием аналитического причастия со значением состояния / причастие II в качестве знаменательного компонента + причастие II от глагола *hovuṇ* (*hovaṇ*) 'быть' / и (иногда) финитной формы глагола «быть» (не обязательной в настоящем времени). В моделях этого вида причастие II часто может иметь пассивное значение. Примеры: *jāĩ trā lāl rakkhe hoen* (= *hoe in*). 'Там помещены три рубина' (букв. 'помещенными находятся'); *huṇ makadmā piā oiā* 'Идет судебный процесс'; *māl laddeā hoeā e* 'Имущество погружено'.

Иногда вид состояния образуется лишь сочетанием причастия II и формы глагола «быть», например: *chajjū ajjaṇ tonṛi gussā bethā he* 'Ростовщик все еще сидит разгневанный'; *musalmānī nāl nasādī kadokaṇī sāk sakīṛī thīī e?* 'С каких пор мы стоим в родстве с мусульманами?'.

Прошедшее время

Спряжение глагола «быть» в прошедшем времени в мультани Дерагазихана и джатки Шахпура*

Таблица 25

Лицо	Мультани Дерагазихана		Джатки Шахпура	
	единственное число	множественное число	единственное число	множественное число
1-е	<i>hāim, ham, hāus</i> <i>hāsū</i>	<i>hāse, hāsē</i>	<i>āhus, āhis</i>	<i>āhsse</i>
2-е	<i>hāwe</i>	<i>hāve</i>	<i>āhē</i>	<i>āhe</i>
3-е	<i>hā</i> (ж.р. <i>haī</i>)	<i>hāĩ, han</i>	<i>āhā</i> (ж.р. <i>āhī</i>)	<i>āhin</i> (ж.р. <i>āhiā</i> , <i>āhin</i>)

* Grierson, 342; Wilson, 46.

В отличие от мультани и южных диалектов для системы спряжения прошедшего времени данного глагола в большинстве северных диалектов характерно наличие суффикса -s во

всех лицах. Примером может служить многовариантная система пунчи и система дхунди-кайрали (табл. 26, 27).

Таблица 26

Спряжение глагола «быть» в прошедшем времени
в пунчи*

Лицо	Единственное число		
	вариант 1	вариант 2	вариант 3
1-е	<i>ases</i>	<i>ses</i>	<i>nāases</i>
2-е	<i>asī̃</i>	<i>sī̃</i>	-
3-е	<i>asā</i> (ж.р. <i>asī̃</i>)	<i>sā</i> (ж.р. <i>sī̃</i>)	-

*Grierson, 510-511.

Таблица 27

Спряжение глагола «быть» в прошедшем времени
в пунчи

Лицо	Множественное число		
	вариант 1	вариант 2	вариант 3
1-е	<i>aseā̃, aseō̃</i>	<i>seā̃, seō̃</i>	<i>neseā̃, neseō̃</i>
2-е	<i>aseā</i>	<i>seā</i>	<i>neseā</i>
3-е	<i>ase</i>	<i>se</i>	<i>nese</i>

В дхунди-кайрали есть некоторые отличия (табл. 28)

Таблица 28

Спряжение глагола «быть» в прошедшем времени
в дхунди-кайрали*

Лицо	Единственное число	Множественное число
1-е	<i>aseā̃</i>	<i>aseā̃</i>
2-е	<i>asī̃</i>	<i>aseo</i>
3-е	<i>asā</i> (ж.р. <i>asī̃</i>)	<i>ase</i> (ж.р. <i>asī̃ā̃</i>)

*Grierson, 496.

Личные отрицательные формы глагола «быть» образуются присоединением отрицательного аффикса *н-* к соответствующим утвердительным формам (табл. 29).

Таблица 29

Спряжение личных отрицательных форм глагола «быть» в джатки Шахпура и дхунди-кайрали (сравнительный план)

Лицо	Джатки Шахпура		Дхунди-кайрали	
	единственное число	множественное число	единственное число	множественное число
1-е	<i>nāhus</i>	<i>nāhsse</i>	<i>naseā̃</i>	<i>naseā̃</i>
2-е	<i>nāhē</i>	<i>nāhe</i>	<i>nasā̃</i>	<i>naseo</i>
3-е	<i>nāhā</i> (ж.р. <i>nāhī</i>)	<i>nāhin</i> (ж.р. <i>nāhīā̃</i>)	<i>nasā</i> (ж.р. <i>nasī</i>)	<i>nase</i> (ж.р. <i>nasīā̃</i>)

Глагольные формы прошедшего времени ленди могут быть, как и в настоящем времени, синтетическими и аналитическими, хотя образование синтетических форм на базе причастия I непродуктивно.

Прошедшее время базируется на тех же видах, что и настоящее время, плюс совершенный вид, основанный на форме прошедшего времени, омонимичной причастию II. Форма прошедшего времени может присоединять и местоименные суффиксы. Правда, эта форма не всегда выражает совершенный вид, и бывают случаи, когда она представляет обычный несовершенный вид.

Обычный несовершенный вид образуется либо сочетанием причастия I с формами прошедшего времени глагола «быть», либо выражается формами прошедшего времени глагола «быть» (в том числе от глагола *thivun*). Примеры: *unnhā̃ cillū̃ ā sūr khānē āhe* 'Те отруби ели свиньи', *ho cāk nahū̃ hā nirā hasāqā̃, ho hasāqā̃ sāk āhā* 'Он был не только нашим слугой, но и /был/ нашим родственником'; *pahilū̃ hindū thīe* 'Сперва были индусами'; *hik sudāgar siā* 'Жил-был купец'.

Совершенный вид выражает преимущественно однократное действие, завершившееся в прошлом, безотносительно к какому-то моменту: *us hikk soṭī ghiddī* 'Она взяла дубинку'; *apīl cīp-korṭ iāī kītius* (с местоименным суффиксом) 'Он подал апелляцию в Главный суд'. Этот вид основывается либо на форме глагола, омонимичной причастию II, либо на местоименно-суффиксной форме глагола.

Поскольку первая форма иногда употребляется и для выражения обычного несовершенного вида, при необходимости более четкого отграничения от таких случаев и подчеркивания идеи завершенности используются интенсивные формы глагола, например: *sabho kujjh kharc thī giā* 'Все израсходовалось'; *mā ũ kũ khallī dde dḍittī* 'Я ему отдал бурдюк'; *ũ khallī saṭṭ ghattī* 'Он отбросил бурдюк'.

Конкретно-процессный вид передает идею нахождения в состоянии конкретного процесса в прошлом и внешне отличается от своего коррелята в настоящем времени тем, что здесь выступают формы прошедшего, а не настоящего времени от глагола «быть»: *mā ānā rā siaī* 'Я приближался'; *sāī aṭṭ reā ahdā āhī* 'Сегодня хозяин говорил'; *bādāh suṇeā piā āi ā* 'Король слушал'.

Длительный вид передает идею продолжительности действия в прошлом. Образуется сочетанием причастия I, выступающего в качестве знаменательного компонента, с формами прошедшего времени глагола *rahuṇ* (*rāhuṇ*) 'пребывать', в том числе и с обычной синтетической формой, схожей с причастием II: *kale kale asā ko ber jhuṇreā rehā* 'Он не спеша сбрасывал /с дерева/ юб для нас плоды'; *o kaḥī girāe c kaṭ kār krenā rāhnā āhā* 'Он работал в деревне'.

Многократный вид образуется сочетанием герундия с формами глагола *karuṇ*: *oh mighī kuṭṭeā karnā āhā* 'Он всегда меня бил'.

Иныхоативный вид передает идею начала действия в какой-то момент прошедшего времени. Может выражаться двумя пу-

тиями: 1) сочетанием субморфированной автосемы инфинитива с синтетической формой прошедшего времени от глагола *lagguṇ* (*laggaṇ*) 'прикасаться'; 2) сочетанием той же формы инфинитива с интенсивом от *lagguṇ*, включающим формы глагола *ra-vuṇ* (*pavaṇ*) 'падать'. Примеры: *o muthāj thīvaṇ lagga* 'Он стал беднеть'; *chaṇṇi kū ākhaṇ lagga* 'Заговорил с ростовщиком'; *jaṇā trīmat gahvaṇ lag pae* 'Муж с женой стали жить-поживать'.

Вид действия на грани начинания образуется сочетанием исходной глагольной формы с плюсквамперфектной формой глагола движения, например: *oh mī kī kuṭṭ juleā sā* 'Тогда он приготовился меня бить'.

Результативно-комплетивный вид передает идею действия, завершившегося к какому-то моменту или в какой-то момент прошлого. Он выражается формами плюсквамперфекта или аналитическими моделями, включающими исходную форму глагола-знаменательного компонента с формами прошедшего времени глаголов *gahuṇ* (*rāhuṇ*), *cukkuṇ* (*cukkaṇ*) и *bāthuṇ* (*bāt-haṇ*). Примеры: *huse din jinden husā lassī piā āi kujh gall thī* 'В тот самый день, когда я напоила его молоком, состоялся разговор'; *oh habbā kījh kharc kar rehā* 'Он все растратил (к тому моменту)'; *jaḍḍan aṇṇā māl vaṇṇā cukkiā...* 'Когда разматал свое добро...' и т.д.

Вид состояния передает идею состояния в прошлом и чаще всего образуется сочетанием аналитического причастия со значением состояния /причастие II, использующееся в качестве знаменательного компонента, + причастие II от глагола *ho-vuṇ* (*hovaṇ*) 'быть' / с финитной формой прошедшего времени глагола «быть». Иногда вместо аналитического причастия может выступать обычное причастие II → знаменательный компонент. Примеры: *uttīhe te sīrkā laddeā hoeā āhā* 'На верблюда был нагружен уксус'; *oh kaṭṭhe thāe beṭhe han* 'Собравшись, они сидели'; *bae log bahū bazar c khare hāe* 'Много других людей стояло на рынке' (букв. 'стоявшими были').

Будущее время

В ленди существует несколько систем будущего времени: будущее время на *s* (наиболее распространенное), непосредственно ближайшее будущее время (причастная форма), герундивная форма, особая форма будущего времени, использующаяся в условном придаточном предложении для выражения реального условия.

Будущее время на *-s*. Для подавляющего большинства диалектов характерен следующий инвентарь аффиксов, присоединяемый к исходной форме (иногда измененной) глагола в разных лицах (с учетом диалектных колебаний):

Единственное число	Множественное число
1-е л. <i>esã, sã, usã</i>	<i>esũ, esã, sã, sãh, sãhã,</i> <i>sãhĩ sãĩ</i>
2-е л. <i>esẽ, sẽ, se, sã, sĩ</i>	<i>eso, so, sau</i>
3-е л. <i>esĩ, sĩ</i>	<i>sin, san, sun</i>

В случае долготы гласного в исходной форме переходных глаголов при образовании будущего времени он переходит в краткий, при этом почти во всех лицах присоединяются аффиксы, начинающиеся с *-e*, например: *pãṭun* 'разрывать', *paṭesã* 'я разорву', *paṭesẽ* 'ты разорвешь', *paṭesĩ* 'он разорвет', *paṭesũ* (мультиани) 'мы разорвем' (джатки Шахпура *paṭsahã* 'мы разорвем'), *paṭeso* 'вы разорвете', *paṭesin* 'они разорвут'. Но в ряде диалектов, например в тинаули, хиндко Пешавара при образовании форм будущего времени сохраняется долгота гласной и присоединяется аффикс, начинающийся с *s*, например: *mãrsã* 'ударю'. В джатки Шахпура к исходной форме, оканчивающейся на гласный, присоединяется аффикс, начинающийся на *u*, например: *ãusã* 'я приду' от *ãun(ãvun)*. При двусложной исходной форме с *-o-* во втором слоге в мультиани Дерагазихана формы будущего образуются опущением *-o-* и изменением гласной в первом слоге на *u*, например: *pacõṭun* (исходная форма *pacõṭ*) 'выкручивать' > *puṭesĩ* 'выкрутит'.

У непереходных глаголов при образовании форм будущего времени последние чаще всего присоединяют аффикс *-sā*, а не *-esā*, как например *ut̃hsā* 'встану', а не *ut̃hesā*.

Очень своеобразна система будущего времени в пунчи, имеющая элемент *s* лишь в 1-м и 3-м лице единственного числа, а в остальных лицах содержащая либо элемент *n*, либо *l*, например: *mārsā* 'я ударю', *mārno* 'ты ударишь', *mārsī* 'он ударит', *mārneō* 'мы ударим', *mārleā* 'вы ударите', *mārle* 'они ударят' /Bailey, 46-48/.

В северном диалекте района Кохата помимо формы будущего времени на *-s* в значении будущего употребляется форма сослагательного наклонения, например: *ih̃vā* 'я стану' и т.д.

Нередко при образовании будущего времени значительно изменяется исходная форма, например:

gachuñ, *gachnā* 'идти' — *gāsā*, *gesā* 'я пойду',

vañuñ 'идти' — *vāsī*, *vesī* 'я пойду',

ḍheuñ 'выдаваться' — *ḍahīsī* 'будет выдаваться'.

Примеры на будущее время: *bādśāh uṭharsī* 'Король встанет'; *assī nahsā dhusāh* 'Мы искупаемся и вымоемся'. При суффиксно-местоименной форме будущего времени окончание морфемы определенного лица выпадает, например: *sāh nikul vāsus* 'Он испустит дух'.

Будущее время также может иметь категории вида. Для иллюстрации приведены формы длительного и результативно-комплетивного видов: *jīnē iāī mā jīnā rāhsā*, *iā āp khānā rāhsā* 'До тех пор, пока я буду жить (букв. живущим останусь)', буду существовать на свои доходы' (букв. 'питающимся останусь'); *mā cheā mahīneā kī falāne duhāre ā rāhsā* 'Я приеду через шесть месяцев в такой-то день' (букв. 'буду прибывшим').

Причастная форма образования будущего времени. Для выражения непосредственного будущего в ленди используется либо аналитическая форма глагола с включением причастия I, либо синтетическая на базе последнего. Примечательно, что в одном и том же (хотя и сложном) предложении могут использо-

ваться параллельно и форма будущего времени на *s*, и причастная форма. Примеры: *nīndar te ajj na pausī, akkhā mī lānī ā* ‘Теперь сон не придет, /но/ глаза закрою’; *mā vānā šār* ‘Пойду в город’. (Примеры на герундивную форму будущего времени см. в разделе «Герундив».)

В условной придаточной части, содержащей реальное условие, для выражения будущего времени может использоваться форма прошедшего совершенного времени, омонимичная причастию II. В таких случаях будущее время может выражать даже эргативная конструкция, например: *je tā unhā dī kāt gall kāhē kī dass dītī tā tū mar vāsē* ‘Если ты хоть слово скажешь о них кому-нибудь, то умрешь’. Подобные случаи выражения будущего времени отмечаются в панджаби и хиндустани.

Повелительное наклонение

В ленди наличествует несколько разновидностей императива:

1. В функции обычного императива единственного числа выступает исходная форма глагола, например: *vāñj* или *gach* ‘иди’, *jhal* ‘остановись’, *lagh jul* (интенсив) ‘поезжай’. В поттохари односложная исходная форма, оканчивающаяся на долгий гласный, имеет восходящий тон, выражающийся на письме конечной *h*, например: *sāh (sā́)* ‘спи’, *cāh (cā́)* ‘подними’.

Императив множественного числа образуется добавлением окончания *-o*, *-ho* к исходной форме, например: *kharāo (kharāho)* ‘раздражайте’, *khoḡo (khoḡho)* ‘становитесь на колени’.

2. Императив на *-e*, *-ē* (в единственном числе). В джатки Лаялпура императив единственного числа образуется добавлением окончания *-e(ē)*, а иногда еще и местоименного суффикса к исходной форме, например: *rahvesu hithe* ‘/Ты/ оставайся здесь’; *baloc de vāñe tā usā ruche* ‘Поезжай к белуджу и спроси у него’; *salām ākhē* ‘Передай привет’; *his tarhā gal na karē* ‘Не говори так’.

В аванкари форма императива также оканчивается на *-e-*, к которому иногда может присоединяться суффикс 2-го лица: *billīe, gal ſuṇāeā* 'Кошка, расскажи историю'.

3. Вежливый императив: а) в большинстве диалектов императив единственного числа образуется добавлением окончания *-ṭ* к исходной форме, оканчивающейся на согласный. Если же она оканчивается на гласный, то прибавляется окончание *-vṭ̃ (-vṛ̃)*, например: *ghinnṭ̃* 'пожалуйста, возьми'; *āvṭ̃ (āvṛ̃)* 'пожалуйста, приходи'.

Вежливый императив множественного числа образуется присоединением морфемы *-āhe (-eāhe)*, добавляемой к исходной форме, например: *raṭāhe (raṭeāhe)* 'пожалуйста, разорвите' (долгая гласная исходной формы редуцируется);

б) в шахпурском диалекте Соляного хребта вежливый императив единственного и множественного числа образуется соответственно при помощи морфем *-hṛ̃* и *-eh*, например: *tuṛhṛ̃* 'пожалуйста, отправляйся'; *tuṛeh* 'пожалуйста, отправляйтесь';

в) в мультани Дерагазихана в единственном числе зафиксирован вежливый императив на *-hā̃*, например: *ḍḍekkhā̃* 'пожалуйста, посмотри';.

г) существует и безличный вежливый императив, представленный морфемами *-ie, -iye, (-vie, -viye)*, например: *ḍḍekhiye* 'давайте посмотрим'; *raṭie* 'давайте разорвем';

4) иногда императив может выражаться и герундивом: *usāḥ saṭī oṭ roṭī nāḥ devṇā* 'Не давай ему подгоревшего хлеба'.

Форма императива может сочетаться и с местоименными суффиксами, например: *vaṇjan deos* 'пусть идет'.

Императив также может иметь некоторые видовые формы: *ghinn jāeā kar* 'регулярно приходи и бери' (многократный вид).

Предположительное наклонение

Это наклонение выражает идею предположения либо о наличии какого-либо действия или состояния в настоящем време-

ни или в данный момент, либо о свершении какого-то действия, результат которого связывают с моментом речи. Соответственно формы этого наклонения целесообразно разбить на две группы.

Предположительное наклонение несовершенного вида представлено: 1) синтетической формой любого глагола, омонимичной форме будущего времени на *-s*; 2) аналитической формой, состоящей из причастия I и формы глагола «быть», омонимичной таковой будущего времени, например: *iṇjre ṇā ṭeṣan multā-ṇō caṅge cokhe pānde te, koṭ dāh bāṭā koh tāṣ hosī* 'Станция Инджра находится на довольно приличном расстоянии от Мултана, пожалуй, за 10-12 косов'; *karende hosin* 'Они, видимо, делают'; *ṣarmāndī hosī hālī* 'Она, видимо, все еще стесняется'; *ihā bhāgo, jāndī hosē, hīre* 'Именно та Паго, ты ее, видимо, знаешь, Хир'.

Предположительное наклонение результативно-комплетивного вида представлено аналитической перфектной формой, состоящей из причастия II и формы глагола «быть», омонимичной таковой будущего времени: *tuḥā nīndr āī hosī* 'Ты, видимо, захотела спать' (букв. 'видимо, к тебе пришел сон'); *bholīe naṇde, bas ihā kijh? kāṭ gall bāt tāṣ thīṭ hosī hus nāl* 'И это все, навивная золовка? Видимо, с ним состоялась какая-либо беседа'; *hikk mahīnā theā hosī* 'Пожалуй, прошел месяц'.

Сослагательное наклонение

Сослагательное наклонение в ленди имеет две формы: простую синтетическую и результативно-комплетивную.

1. Простая синтетическая форма глагола несовершенного вида является наиболее распространенной формой сослагательного наклонения. Она изменяется по лицам и числам и обладает некоторыми диалектными колебаниями. Ниже приводится примерный инвентарь морфем большинства диалектов, присоединяемый к исходной форме (иногда изменяемой).

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	ā, ī, hī, vā	ū, ā, ūh, āhū, āhē, āhī, o, ho
2-е л.	ē, hē	o, ho
3-е л.	e, ve	en, an, in

Формы сослагательного наклонения в ленди используются в простом и сложном предложениях и могут выражать самые разные значения. Например, пожелание: *mahārajā, banarā jīve* 'Махараджа, да пусть живет твоя невеста!'; *mādī adālat thīve* 'Хоть бы со мной поступили справедливо!'; побуждение: *šarbat piyālā rīve* 'Пусть она выпьет пиалу шербета!'; *soṭī cā ghinne* 'Пусть-ка возьмет дубину!'; целесообразность: *moh-rā dū chajjū kū de āvā* 'Мне следует отдать два золотых ростовщика!'; неуверенность: *kī krā?* или *ke karāhī?* 'Что нам делать?'; *kinh kū ddevā tēdēt faryād?* 'Кому же передать жалобу для тебя?'; решимость: *mā usāh kiō nā māṛ saṭṭā* 'А почему бы мне не побить его' и т.д.

Употребляясь в придаточной части сложноподчиненного предложения, эти формы могут, например, выражать уступку: *vassīe šāhir, toṛe jhuggī hove* 'Жить в городе лучше, пусть даже в хижине!'; цель: *tusī xabardār thī vañjo je dhamuk nā lagge* 'Будьте осторожнее, чтобы не было тряски!'; *sojhā mate gā lat mare* 'Смотри, чтобы корова не лягнула тебя' и др.

Они могут также означать условие в придаточной части и следствие в главной: *tadhā chures jadhā ākhe...* 'Ее следует отпустить, когда скажет...!'; *kūr māṛē tā mar vañje* 'Если согласишься, то можешь умереть'.

Однако может быть и так, что форма сослагательного наклонения в сложноподчиненном предложении с условной придаточной частью используется лишь в последней, а в главной части содержится форма изъявительного наклонения: *his nāīṭ suhṇī hove te dūā viāh karvāsā* 'Если /девушка/ будет красивее ее, то женюсь вторично'.

2. Результативно-комплетивная форма состоит из причастия II, употребляющегося в качестве знаменательного ком-

понента и вспомогательного глагола *hoviṇ* (*hovaṇ*) 'быть' в сослагательном наклонении, например: *je mā gāḥ khaṇī hove iā aḥnā iḥivā* 'Если я взял корову, то пусть ослепну'.

Условное наклонение

Для выражения данного наклонения существует две формы:

1) образуемая в отличие от других новоиндийских языков прибавлением морфемы *-hā* к формам синтетического сослагательного наклонения глагола, например: *mā ragāhā* 'Я бы разорвал, /если /...'

Чаще данные формы используются в сложном предложении, части которого содержат нереальное условие и нереальное следствие, например: *je toṇḍhī marzī hovehā iā ā vaṇjāhā* 'Если бы ты тогда пожелал, я бы пришел'; *o val hovehā, iā mar na vaṇjehā* 'Если бы он был здоровым, то не умер бы';

2) базируемая, как в ряде других индийских языков, на причастии I, например: *je kaddī kāī cor pāṇā; tā iṇj na honā je hikk khaṇā te do pae gāhne* 'Если бы на них натолкнулся какой-либо вор, то так не могло бы быть, что один /рубин/ он взял бы, а два остались бы'.

Залог

Некоторые исследователи правильно полагают, что категория залога носит не только морфологический, но и синтаксический характер, что с изменением залога меняются и синтаксические связи в предложении. Так, например, В.З. Панфилов рассматривает категорию залога как синтактико-морфологическую категорию, определяющую структуру самого предложения. Этот лингвист отмечает, что «условием выделения того или иного залога является не только наличие специальной глагольной формы... но и некоторые другие грамматические признаки», связанные с отношениями определенных членов /Панфилов, 65, 66/.

Развивая это положение, следует сказать, что категория залога связана не только (точнее, не столько) с формой глагола-сказуемого, но и с формами, позициями и синтаксическими функциями ряда других членов предложения, выражающих субъект и объект (или субъекты или объекты) действия, а также с определенным характером отношений между ними. Поэтому можно предложить следующую формулировку категории залога.

Категория залога представляет собой сложную категорию морфслого-синтаксического характера, связанную с разновидностями отношений между членом-субъектом (субъектами) действия, членом-объектом (объектами) действия (если они наличествуют) и сказуемым, выражаемую в каждой разновидности определенным соотношением форм, позиций и синтаксических функций субъекта (субъектов) и объекта (объектов) действия (включая отсутствие субъекта или объекта), с одной стороны, с формами сказуемого и характером его действия — с другой /Смирнов⁴/.

Следовательно, важна не только форма глагола-сказуемого, но и другие факторы.

Коль скоро залог имеет отношение к синтаксическим связям в предложении и определяет его структуру, он связан с определенной синтаксической конструкцией и основывается на ней. Поэтому, говоря о залоге, мы подразумеваем какого-то рода конструкцию предикативного характера.

Разница же между синтаксической конструкцией предикативного характера и залогом состоит в том, что под первой понимают синтаксическое целое, составленное из объединенных в речи языковых единиц, без того чтобы специально рассматривать отношения между субъектом, объектом действия и самим действием, способы их выражения, позиции, залог же предполагает специальное рассмотрение всего круга вопросов.

Все эти моменты, связанные со сходством, с одной стороны, и с различиями — с другой, следует иметь в виду, когда

мы сопоставляем залог и конструкцию, на которую он опирается, например, эргативный залог и эргативную конструкцию, о которых речь пойдет дальше.

В лянди мы установили шесть залогов: четыре основных — действительный, страдательный, эргативный, побудительный (каузативный) — и два смешанного типа: эргативно-побудительный и пассивно-побудительный.

Действительный залог. При этом залоге действие, выражаемое глаголом, может исходить от подлежащего-субъекта в номинативном падеже и быть направленным на дополнение — объект, например: *pio bbāl kũ marende* 'Отец бьет ребенка'.

Отношения здесь выражаются так: $A_{\Pi} + P_d + V$ (где A_{Π} — субъект действия — подлежащее в номинативном падеже, P_d — объект действия — дополнение в винительном падеже, V^a — глагол-сказуемое в активном залоге). Эти отношения складываются из определенного порядка членов, их функций, падежного оформления, оформления глагола и соотношения: сказуемое управляет дополнением, но управляется подлежащим и т.д.

При местоименно-суффиксальном оформлении глагола-сказуемого отношения между субъектом действия, объектом действия и выразителем действия — глаголом могут носить чисто морфологический характер, будучи ограниченными морфологической оболочкой одного слова — глагола, содержащего местоименные агглютинативные элементы субъекта и объекта действия, например: *dikh̃ʒeopas* 'Он их показал'; *ghidĩpse* 'Мы их получили'. Бывает и так, что морфологический характер носят лишь отношения между глаголом и объектом действия, либо между первым и субъектом действия, например: *ĩ māreũ* 'Он побил меня'; *mā kũ māreas* 'Он побил меня'.

Страдательный залог. При этом залоге отношения складываются так: $P_{\Pi} + (A_d) + VP$ (где P_{Π} — объект действия — подлежащее, A_d — субъект действия — дополнение, VP — глагол-сказуемое в страдательном залоге), например: *bbāl piũ kanñ māĩndā* 'Мальчик избивается отцом'; *mā māĩnā āh* 'Меня бьют'.

Отношения здесь резко изменились: объект действия из дополнения превратился в подлежащее, а субъект действия из подлежащего в косвенное дополнение (либо он может вообще отсутствовать), номинативный падеж субъекта изменился на вторичный аблативный, а винительный объекта действия – на номинативный, произошло и изменение их позиций в предложении, форма глагола-сказуемого изменилась на пассивную.

В большинстве диалектов ленди пассивная форма глагола образуется преимущественно синтетическим путем: обычно в настоящем и будущем времени она синтетическая, а в прошедшем – аналитическая. Иногда последняя может использоваться и в настоящем и будущем времени.

В случае наличия долгого гласного в исходной глагольной форме он при образовании форм пассива чаще всего редуцируется (укорачивается).

Преимущественно синтетическая форма образуется при соединении суффиксов $-ī$, $-ĩ$, $-ĩj$. Форма мужского рода причастия I от глагола *karuṇ* (*karaṇ*) 'делать' – *karīnā* (*karīnā*) или *karīdā*, *karīndā*. Вот формы сослагательного наклонения этого глагола:

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	<i>karīā</i>	<i>karīū</i>
2-е л.	<i>karīē</i>	<i>karīo</i>
3-е л.	<i>karīe</i>	<i>karīan</i>

Как и в действительном залоге, в случае долготы гласного в исходной форме он также переходит в краткий в формах будущего времени. Ниже приводится парадигма глагола *paṛuṇ* 'рвать':

1-е л.	<i>paṛīsā</i> 'буду разрываемым'	<i>paṛīsāh</i> , 'будем разрывае- <i>paṛīsū</i> ваемыми'
2-е л.	<i>paṛīsē</i> 'будешь разрывае- ваемым'	<i>paṛīso</i> 'будете разрывае- ваемыми'

3-е л. *paṛṭsī* 'будет разры-
ваемым'

paṛṭsin, 'будут разры-
ваемыми'
paṛṭsan

Суффикс *-ṭj* чаще всего используется в мультани, например: *mā tarījā* 'меня бьют'. В тхали помимо суффикса *-ṭj* может использоваться *-ṭc*.

В тхали района Мианвали пассивная форма базируется не на суффиксе *-ṭ*, а на *-ā*, например: *sadāi* 'был бы я назван', а в пунчи существует очень своеобразное пассивное причастие I, оканчивающееся на морфему *-no*, например: *mē māno nāes* 'Меня бьют', *mē māno hoṣā* 'Меня побьют' и т.д.

Аналитические формы образуются сочетанием следующих компонентов:

а) исходной формы, присоединившей суффикс *-ṭ*, и глагола *vañjuṇ* 'идти' (мультани), например: *māṭ vāsṭ* 'Меня будут бить';

б) исходной формы и глагола *vañjaṇ* 'идти' (мультани Дерагазихана), например: *māṭ veṣ* 'Его будут бить';

в) причастия II и форм глагола *gachṇā*, *vañjuṇ* 'идти', например: *mā kuṭṭeā gachṇā ā* 'Меня бьют'; *mā māriā geā* 'меня побили'; *haṭ'ho kijh bahū e allā nā dittā viā* 'Все дано в изобилии Аллахом';

г) формы, оканчивающейся на *-ṭj* (*-ṭc*), и глагола *vañjuṇ*, например: *o paṛṭj (paṛṭc) geā* 'его разорвали'.

д) причастия пассивного залога и одной из финитных форм глагола «быть» или ее эквивалента (отрицательной частицы и др.), как, например, в диалекте пунчи, иллюстрации которого мы воспроизводим: *mē māno nāes* 'Меня бьют'; *mē māno hoṣā* 'Меня побьют'.

Эргативный залог и эргативная конструкция. Этот залог используется в ленди для выражения подлежащим субъекта действия при переходном глаголе-сказуемом, означающем либо результативно-комплетивный вид (перфектная форма), либо совершенный вид в прошедшем времени (изредка и несо-

вершенный вид в прошедшем времени) (форма, омонимичная причастию II), либо же модальный характер действия (герундивная форма). Этот залог выражает специфические отношения субъекта, объекта действия и предиката при их особом оформлении. Здесь выступает такая специфика в отношениях и форме членов предложения, представляющих собой субъект действия, объект действия и выразитель действия — глагол, что появляются основания вести речь об особом, эргативном залоге (предлагаемый термин).

Во-первых, подлежащее—субъект действия стоит в особом, эргативном падеже, часто, хотя и не всегда, совпадающем с автосемантической морфой (с флексией) аналитических падежей, во-вторых, при дополнении—объекте действия сказуемое — выразитель действия может согласовывать свою форму с ним. В-третьих, могут быть и такие случаи, когда сказуемое имеет подлежащно-объектное согласование: форма глагола «быть» согласуется с подлежащим—субъектом действия, а причастная форма с дополнением — объектом действия. Возможно и полное отсутствие согласования сказуемого. Наконец, несмотря на наличие дополнения, сказуемое может согласовываться с подлежащим — эргативным членом, о чем речь пойдет ниже.

Рассмотрим случай с объектным согласованием $\tilde{u}$ *khallī* *saṭṭ ghattī* 'Он бросил бурдюк': $\tilde{u}$ 'он' здесь подлежащее—субъект действия в эргативном падеже, *khallī* 'бурдюк' — объект действия, *saṭṭ ghattī* 'бросил' — интенсивная форма сказуемого-выразителя действия.

Можно ли считать подлежащим член, который, хотя и является субъектом действия, не представляет собой грамматически согласующего центра предложения: Если считаться с фактами ряда языков, то следует признать, что подлежащее, оставаясь структурным центром предложения, может и не быть грамматически согласующим, т.е. не передает своих показателей рода и числа сказуемому. Мы предлагаем назвать такую

связь подлежащего со сказуемым нерельефной. Если же сказуемое согласуется в одной из категорий с подлежащим (скажем, в роде) и игнорирует другую (скажем, число), такую связь целесообразно именовать частично-рельефной, или полурельефной. Примеры: Свадьба *Наташи*... было *последнее радостное событие* (Лев Толстой); *Речи их* была *совершенная бесскладица* (Писемский, Богатый жених); *Это были знакомые охотники* (Академическая грамматика русского языка, том II, часть I, стр. 521).

В классическом арабском языке в предложениях, начинающихся со сказуемого, возможны случаи, когда оно утрачивает согласование с подлежащим в числе, а иногда и в роде, например: *ḥa ta 'ašša n-pāzu* (Таха Хусейн, Дни, стр. 5) 'и поужинали (букв. поужинал) люди'.

В русских примерах связь либо нерельефная, либо частично-рельефная, в арабском — частично-рельефная. В панджаби (по всей вероятности, и в ленди), если подлежащее — местоимение, то оно может согласовываться с предикативом, т.е. связь подлежащего со сказуемым носит предикативно-рельефный характер, например: *ih sāṁ tere hamdard sāth dī kaḡāmat e* 'Это все (букв. вся) чудо твоей дружеской поддержки'.

Следовательно, подлежащее не во всех случаях может быть исключительно грамматически согласующим членом, оставаясь в то же время одним из структурных центров предложения. Поэтому эргативный член в ленди, панджаби, хинди и других индийских языках правомерно считать подлежащим, тем более что в ленди есть случаи, когда все сказуемое или же один из его компонентов (форма глагола «быть» может согласовываться с эргативным членом: *mā fārmāis kītī hāim* 'Я отдал /тогда/ приказ'; *tū minnat kītī hāvē* 'Ты выразил /тогда/ просьбу'. В этих двух примерах формы глагола «быть», оформленные местоименными суффиксами, согласуются с подлежащим-эргативным членом (*mā, tū*), а знаменательный компо-

нент — причастие II — согласуется с дополнением—объектом действия.

На наш взгляд, согласование сказуемого с дополнением в синтетическом винительном падеже объясняется языковым принципом, названным нами взаимодействием, который наряду с согласованием, управлением и примыканием действует в ряде языков как один из способов связи слов. Выше уже приводились примеры взаимодействия подлежащего с предикативом (*iḥ sāḡī* с *kaḡāmat*). Оставаясь одним из структурных центров предложения, подлежащее тем не менее базирует свою форму на предикативе.

В эргативной конструкции сказуемое часто может выражать рельефную связь со следующим по значимости членом (после подлежащего), с которым оно наиболее тесно связано. Таковым является прямое дополнение. Если последнее имеет показатель подчинения переходному глаголу-сказуемому (аналитический винительный падеж с послелогом *kū*, *ā*, *kī* и т.д., как, например, *piū ū kū ddekh ghiddā* 'Отец увидел его'), то связь и без того рельефная, и рельефность одной связи компенсирует безрельфность другой. Если же дополнение в синтетическом винительном падеже, а в этом случае сказуемое подчиняет его себе с невыраженной рельефностью, то предикат ищет явной рельефности и находит ее во взаимодействии с дополнением. Рельефность здесь проявляется в обратном направлении: теперь рельефную нагрузку получает предикат, принимая показатель дополнения. Так, отсутствие сигнализатора связи на одной линии предложения компенсируется либо другим уже имеющимся сигнализатором на иной линии, либо появлением на этой последней нового сигнализатора.

Наконец, могут быть случаи, когда несмотря на наличие дополнения в синтетическом винительном падеже, сказуемое согласуется с эргативным членом—подлежащим в лице и числе, имея для этого суффиксный показатель (примеры см. в разделе «Сказуемое»). Иначе говоря, здесь наличествует рельефная связь сказуемого с подлежащим.

Таким образом, эргативный залог характеризуется следующими отношениями и связями между субъектом, объектом и предикатом — выразителем действия: субъект действия — подлежащее находится не в номинативном, а в особом падеже; со сказуемым оно может иметь либо нерельефную, либо рельефную, либо частично-рельефную связь; объект действия — дополнение часто имеет рельефную связь с предикатом — выразителем действия, при этом рельефную нагрузку имеет либо дополнение (объектный послелог), либо предикат (по меньшей мере причастная часть). В этом случае предикат связан с дополнением по принципу взаимодействия. Иногда же рельефная связь дополнения со сказуемым отсутствует.

Хотя в эргативной конструкции сказуемое в активной форме, оно имеет свою залоговую специфику, ибо может быть выражено лишь четырьмя способами: формой глагола, омонимичной причастию II, перфектной формой, плюсквамперфектной формой, либо же герундивом. Минимальными показателями эргативной конструкции является наличие эргативного члена и сказуемого в одной из четырех форм.

Полуэргативная конструкция

В ленди наличествует конструкция, которую мы назвали полуэргативной, так как в ней отсутствует эргативный член — подлежащее, а показатель субъекта действия выражается морфологически, агглютинативным элементом в составе глагола (местоименным суффиксом). Такое предложение носит односоставный характер. Если сказуемое аналитическое, то причастная часть может взаимодействовать с дополнением, например: *e kaṇak riḥāī hāvī* 'Ты посеял эту пшеницу'.

Иногда с дополнением может взаимодействовать и синтетическое сказуемое, имеющее морфологический показатель субъекта действия: *gaṇe te naṇe nī vāj suṇīs* 'Он услышал звуки пения и танцев'; *e gall puḥīs* 'Он спросил об этом' (букв.

‘это дело’). Взаимодействие с дополнениями—существительными женского рода *vāj* ‘звук’ и *gall* ‘дело’ здесь осуществляется морфемным показателем глагола *-ī-* (женского рода).

Односоставная конструкция с местоименно-суффиксным сказуемым, не имеющим взаимодействующей связи с дополнением, не является ни полуэргативной, ни эргативной, например: *mā kanñī rāñī mañgius* ‘Ты попросил у меня воды’.

Эргативную конструкцию на базе герундива см. в разделе «Герундив».

Побудительный (каузативный) залог — это такая категория, при которой подлежащее—субъект действия не сам непосредственно совершает действие, а лишь побуждает совершить его какой-либо другой субъект или осуществляет действие через посредство промежуточного субъекта. В ленди этот субъект часто не выражается в предложении, но всегда подразумевается. Форма сказуемого в этом залоге содержит суффикс *-ā* или *-vā*, который с соответствующими окончаниями присоединяется к исходной форме (либо же в случае с интенсивным глаголом присоединяется лишь данный суффикс и за этим словом следует модифицирующий глагол), например: *mā baṅglā carā desa* ‘Я построю дом’ (через посредство кого-либо); *oh āṇṇe masam kū sadvāñī e* ‘Она вызывает своего мужа’ (через кого-то).

Эргативно-побудительный залог относится к смешанному типу. Он используется тогда, когда нужно выразить подлежащим субъект, побуждающий другой субъект к совершению действия эргативного характера. Иначе говоря, это побудительный залог на базе эргативного. Примеры: *ū hī dāññe thāṇā yāñ vich rapaṭ likhvāī* ‘В тот же день я доложил в полицейском участке Яру’ (букв. ‘Я побудил записать их то, что я сказал’); *vatt tahsīldār munsif karvā ditte* ‘Затем тахсильдар назначил (через кого-то) третейских судей’; *bāḍṣāh unhē de piū aū māī kū maṅvāīā* ‘Король попросил его родителей’ (через кого-то).

Пассивно-побудительный залог — это вторая разновидность залога смешанного типа. Он употребляется тогда, ко-

гда объект действия является данным, т.е. исходным пунктом мысли, который несет на себе коммуникативную нагрузку; поэтому необходимо, чтобы он был подлежащим, но действие, распространяемое на этот объект (подлежащее), осуществляется субъектом действия по понуждению, исходящему от другого субъекта, обычно не выраженного в предложении, в чем, кстати, нет необходимости. Иначе говоря, это побудительный залог на базе пассива. Сказуемое выражено в каузативно-пассивной форме, например: *ĩ̃ miqaddame dīt kähẽ bae afsar kolũ daryāfat karvāĩ vañe* 'Следует поручить рассмотрение этого дела какому-либо другому чиновнику'. Здесь *daryāfat*: 'рассмотрение' – объект действия – подлежащее, являющееся исходным пунктом мысли, *afsar* 'чиновник' – побуждаемый (промежуточный) субъект действия, а субъект, побуждающий к действию, отсутствует.

Образование переходных глаголов

Определенная группа глаголов в ленди и других новоиндийских языках, традиционно называемая каузативными, по существу является переходными глаголами, образованными от непереходных.

Основные способы образования переходных глаголов таковы:

а) расширение гласной, например: *riḥuṇ* 'катиться' – *reḥuṇ* 'катить'; *luḥuṇ* 'сноситься', 'сметаться' – *loḥuṇ* 'сносить', 'сметать';

б) удлинение гласной, например: *vaḥuṇ* 'входить' – *vāḥuṇ* 'помещать внутрь', *saḥuṇ* 'гореть' – *sāḥuṇ* 'поджигать';

в) добавление к исходной форме суффикса *-āw* (*-vāw*) (сопровожаемое иногда появлением краткого гласного *a* между согласными исходной формы, образующими в ее исходе стечение): *appaḥuṇ* 'достигать' – *appaḥāwuṇ* 'доставлять'; *ḍukhaṇ* 'болеть' – *ḍukhāwaṇ* 'вредить', 'наносить боль'; *ḍaraṇ*

‘бояться’ – *ḡarāwāṇ* ‘пугать’; *uḡṛāṇ* ‘разрушаться’ – *uḡarvāwāṇ* ‘разрушать’;

г) вставление суффикса *-ā-* между согласными исходной формы, образующими стечение в ее исходе: *uṣṛāṇ* ‘строиться’ – *uṣāṛāṇ* ‘строить’;

д) консонантная, или вокалически-консонантная мутация: *rāḡiṇ* (*rāḡāṇ*) ‘разрываться’ – *rāḡiṇ* (*rāḡāṇ*) ‘разрывать’; *buḡḡiṇ* ‘тонуть’ – *boḡiṇ* ‘топить’; *jirriṇ* ‘быть запряженным’ – *jowuṇ* ‘запрягать’;

е) синкопа (иногда синкопа с вокалической мутацией), сопровождаемая появлением восходящего тона: *rīṣiṇ* ‘измельчаться’ – *rīhiṇ* (*rīiṇ*) ‘измельчать’; *muṣṣiṇ* ‘быть обманутым’ – *moḡiṇ* (*moḡiṇ*) ‘обманывать’;

ж) супплетивный способ: *nikkaluṇ* ‘выходить’ – *kaddhuṇ* ‘выставлять наружу’.

Основные сложные глагольные модели

В ленди распространены четыре основных типа сложных вербальных моделей: 1) глагольно-глагольные, 2) глагольно-именные (эквивалент глагола), 3) глагольно-местоименно-суффиксные, 4) смешанные.

Глагольно-глагольные модели. Этот тип моделей образуется сочетанием разных глагольных форм (чаще всего двух, трех), включающих в разных комбинациях исходную глагольную форму, инфинитив, герундив, причастия, утвердительные и отрицательные формы глаголов бытия. Многие эти модели уже рассмотрены в предыдущих разделах о глаголе, особенно при описании времен и видов. Герундивные модели носят часто модальный характер.

Рассмотрение глагольно-глагольных образований следует прежде всего дополнить иллюстрацией двух моделей: модели А (исходная глагольная форма + формы другого глагола), модели Б (исходная глагольная форма, наращенная за счет суффикса *-ī* + форма другого глагола).

Модель А в зависимости от характера компонентов может иметь разные значения. Исходная форма выражает конкретное действие, а второй компонент модифицирует его, придает ему тот или иной характер, поэтому второй компонент можно назвать модифицирующим. Так, модальный глагол *saguṇ (haguṇ)* 'мочь' несет идею возможности или невозможности действия, выраженного исходной формой, например: *toṇḍhā putr dāvā kar hagnā* 'Твой сын может подать жалобу'; *mā daryāfat nā kar sagdā* 'Я не могу рассматривать /дело/'.

Данную разновидность модели А принято называть потенциальным глаголом.

Многие другие виды модели А обычно именуют интенсивными глаголами. В отношении категории переходности модель А интенсивных глаголов может сочетать в себе разные комбинации компонентов: а) один от переходного глагола а другой нет; б) оба от переходных; в) оба от непереходных. В отношении значения интенсивные глаголы также разнообразны.

Как уже говорилось выше, ряд глаголов может придавать заверченный характер действию, выраженному исходной формой. К таковым также относятся глаголы *achṇā*, *āvun* 'приходить', *rāuṇsiṇ* 'прибывать' и др.: *mohṛā de āvā* 'А не отдать ли мне золотые?'; *ā rāuṇhā* 'прибыл'; *ghinn acho* 'принесите'.

Глагол *ghinnuṇ* 'брать' передает идею действия, направленного к субъекту действия, совершаемого в его интересах, а глагол *devuṇ* 'давать', наоборот, например: *patṣāhī duṣmanā khass ghittī* 'Зраги захватили королевство'; *zimṭ māh moṛ de* 'Верни мне землю'.

Интенсивный глагол может выражать и категоричность: *mā kū dde dde* 'Отдай мне'.

Возможны и другие модификации действия. Однако следует особо остановиться на очень своеобразной разновидности модели А, в которой модифицирующую функцию несет не второй, как обычно, компонент, (являющийся здесь знамена-

тельным!), а первый, выраженный исходной формой глагола *cavun* 'подниматься' — *ca* (нередко используется и форма *cā*, т.е. с долгой гласной, что фактически уже является исходной формой от глагола *cāvun* 'поднимать'). Судя по всему, данная исходная форма носит переходный характер и постепенно превращается в своего рода вспомогательный глагол и даже частицу, ибо фактически, предшествуя глаголу, она выполняет функцию частицы со значениями: завершенности: *tudh mulukh ca saṭṭā* 'Ты покинул страну'; *hikk khotā cā ghidā* 'Купили осла'; побуждения: *soṭṭ ca ghinne* 'Пусть-ка возьмет дубинку'; *hik gītī ca de* 'Дай один бриллиант'; решимости: *tā phir kāt hor canṇ cā caṇṇā* 'Тогда ты поднимаешь еще одну луну'; стремительности, порывистости действия: *attē durk karāhī ũ kṛ ggal cā lāyā* 'И, кинувшись, обнял его'; эфазы отрицания в отрицательных предложениях: *tāndhī pasand nahī cā āiā*. 'Совсем тебе не понравился'; *vahim na cā karo* 'Вовсе не сомневайтесь'.

Изредка компонент *ca* (*cā*) может инверсироваться: *āve cā* 'Пусть придет'.

Модель Б. Примеры: *māl baṇḍī dittā* 'Разделил добро'; *dūr milkh bicch ṭuṁ gā* 'Отправился в далекую страну'. В этой модели также есть первый модифицирующий компонент от глагола *cavun* (*cāvun*), например: *oh hissā migī cāt de* 'Отдай мне ту часть'.

Следует отметить, что глагольному образованию панджаби и хиндустани типа *calā jāṇā* 'идти', 'отправляться' в ленди соответствует сочетание *laggā vaṇiṇ*, например: *ṣāhr laggā vāṇā* 'идет в город', *uh laggā vāṇiā* 'он ушел', *laggī gaī* 'ушла'. Есть также форма *laggā āvun* 'подходить', 'идти': *kidū lagge āvde o?* 'Откуда идете?'.

Глагольно-именные модели. Как и в ряде других новоиндийских языков, в ленди наличествуют сочетания имени и глагола разного характера. Первым компонентом выступает имя, а вторым — глагол (переходный или непереходный). Данные со-

четания могут быть либо образованиями с самостоятельной функцией компонентов, либо фразеологическими единствами (составные образования с именной и вербальной частями, эквивалентные глаголу). Примеры: *chajjū dā gillā karaṇ lagge* 'Начали упрекать ростовщика'; *tudh ko dhī viyāh disā*, букв. 'Отдам тебе замуж дочку'; *ū kū hoṣ āe* 'Пришел в себя'; *bāhū vaddē bhagī najir ānde ho* 'Внешне Вы представляетесь большим святым'; *mohā dū khuttī paīā* 'Не хватило двух золотых'; *najīk āeā* 'приблизился'. В первых четырех примерах глагольная часть сочетается с существительным, а в двух последних — с прилагательным.

Глагольно-местоименно-суффиксные модели включают глагольную форму, местоименный или местоименные суффиксы и соединительные гласные и носят синтетический характер, например: *raḥ vicch suttum* 'Я переночевал в поле'; *ke kaṇ* 'Скажи, что делать?'; *bannh karāhī kuttēone* 'Связав, они избили меня' (подробнее см. раздел «Вербально-местоименные суффиксы»).

Смешанные модели бывают двух типов: а) модели, в которых модифицирующим компонентом выступает местоименно-суффиксная форма: *asbāb rakkh dīttus* 'Он поставил вещи'; *ū kū minnat kītus* 'Сделал ему упрек'; *us ko sa dhaenen* 'Они повалили его'; б) модели, в которых вместе с именем используется местоименно-суффиксная форма: *dhī viyāh ditene* 'Они выдали замуж дочь'.

Наречие

Наречия в ленди делятся на обстоятельственные и качественные. К обстоятельным наречиям относятся:

Наречия места: *hitthe, hitthā, itthā, itthe* 'здесь', *hutthe, hutthā, utthā, utthe* 'там', *hitthā* 'только здесь', 'здесь же', *hutthā, utthā, utthā* 'только там', 'там же', *aggū, aggē, agge* 'впереди', *picchū, picchē, picchā* 'сзади', *sajjū* 'направо', *khabbiyū* 'налево', *uṇṇā, uṇṇā* 'по эту сторону', *pā* 'по ту сторо-

ну', *muddh* 'близко', *dūr*, *moḥḷā* 'далеко', *uttāh* 'вверху', *talāh* 'внизу', *val* 'назад', *kitthāi* 'где-либо', *kudhre*, *kure* 'куда-либо', *idde* 'сюда', *udde* 'туда', *bbāhir*, *bāhrū* 'наружу', *andir* 'внутри', *kitt*, *kitthe* 'где?', *kidde* 'куда?' и др.

Наречия времени: *haṇ*, *huṇ* 'теперь', 'сейчас', *ajjaṇ*, *ajāṇ*, *aje* 'все еще', *ajj* 'сегодня', *dehā*, *bhaḷke* 'завтра', *kallh* 'вчера', *pālū*, *pehlō* 'сначала', *vatt*, *picchā*, *picchē*, 'затем', *taḍuṇ*, *tadā* 'тогда', *kadāhā*, *kaḍḍāi* 'когда-либо', *nitt* 'всегда', *icrā* 'тем временем', *kadāh kadāh* 'иногда', *kaḍuṇ*, *kaḍḍ* 'когда?', *kadokaṇi* 'с каких пор?', *atrō* 'послезавтра' и др.

Качественные наречия имеют родственность с качественными прилагательными. Если в европейских языках, как например в русском и английском, эта родственность выражается в том, что качественные наречия образуются от качественных прилагательных суффиксацией: *хороший* – *хорошо*, *beautiful* 'чудесный' – *beautifully* 'чудесно', то в ленди и панджаби она достигает предела и выражается в том, что качественные прилагательные начинают широко выступать в роли качественных наречий, согласуемых (если прилагательные изменяемые) с подлежащим или дополнением: *ḍḍādhā*, *ḍādhā*, *bahū* 'очень', 'в большой степени', *vaddā* 'сильно', *ghaṭṭi* 'слабо', *ukkā*, *rejo* 'довольно', 'достаточно', 'полностью', *jhabb*, *trikkhā* 'быстро', *massā* 'едва', *hivē*, *hevē* 'так себе', 'просто так', *chaṭṭā* 'только', *bhāṭā* 'плохо', *saṇḍā* 'хорошо', *iṇje* 'так', *kṭhā* 'почему', *kṭiṇuṇ* 'как?' и др.

Примеры на согласованные наречия: *o vaddā bimār thīā* 'Он сильно заболел'; *ḍḍādhī saṇḍī pūṣāk* 'Очень хорошая одежда'; *mā dādhā xuṣ rehā hā* 'Я очень счастлив'; *asā is nā utṭh ukkā nahī diṭṭhā* 'Мы вовсе не видели его верблюда'. В первом и третьем примерах наречие определяет предикатив-прилагательное (*bimār*, *xuṣ*), а согласуется с подлежащим (*o*, *mā*), во втором – определение (*saṇḍī*) и согласуется с существительным (*pūṣāk*), в последнем наречие определяет сказуемое (*diṭṭhā*) и согласуется с объектом эргативной конструкции. Как

и в случае с местоимением, наречие может согласовываться с существительным, о котором сигнализирует местоименный суффикс, например: *bahũ saṅgĩ suāṇĩ esu* 'Она очень, очень умная'. Здесь наречие *saṅgĩ* усиливает признак, выраженный прилагательным *suāṇĩ* 'умная', но в свою очередь усиливается наречием *bahũ*.

В роли согласованного качественного наречия может выступать и существительное с реляционно-согласующим последогом, например: *je dīl dī karsē tã suṇ lāsã* 'Если ты (ж.р.) будешь говорить откровенно, то я тебя послушаю'.

В ленди также существуют релятивные и коррелятивные наречия, например: *jadã, jadun* 'когда', *jithã, jithẽ* 'где', *jidde* 'куда', *ta, tã, tã, tadun, tadã* 'тогда', *utthẽ* 'там', *jĩkun* 'как' и др.

Послелogi

Как и в других новоиндийских языках, послелogi ленди носят неоднородный характер. Некоторые из них настолько грамматикализировались, что почти являются формантами, указывающими на определенные грамматические отношения. Так, послелог *nã(nã)* или *dã*, вступив в сочетание с существительным, местоимением и даже наречием, уподобляет их функционально прилагательному или согласованному качественному наречию, давая им возможность выступать в предложении как определение, предикатив, обстоятельство, квалитативно-предикативный член. Это согласующе-реляционный послелог (см. разделы «Согласующе-реляционный падеж» и «Качественные наречия»).

Выступая формально в ряде случаев в качестве определения к существительному, сочетание такого послелoga с другим существительным может выражать не только отношения принадлежности, как например *šaks nĩ zamĩn* 'земля человека', но и другие отношения, например: *mã Allāh dā gunāh kīte* 'Я совершил грех перед Аллахом' (а не грех Аллаха); *o apnĩ bhān*

dā Źubhō rakkhdā hā 'Он подозревал свою сестру' (речь идет не о подозрении со стороны сестры, а наоборот, в отношении ее).

Послелог *nā(dā)* изменяется по родам, числам, а иногда и падежам: *nā, nā, dā, ne, de, nī, nī, dī, neā, niā, diā, nīā, dīā, ne, de.*

Ряд послелогов может оформлять и винительный, и дательный, и косвенно-объектный, и основной обстоятельственный падежи. К ним относятся: *kū, ā, āh, hā, tā, toī, kī, ko, nū,* а также *dā* и его алломорфы *do, dhir, dū, dde, ddhē, ddāh, ddahī.* Примеры на винительный, дательный и косвенно-объектный падежи: *putr ū kū ākhiā* 'Сын сказал ему'; *trā hā puttrā hā sadāeos* 'Он позвал троих сыновей'; *piū kīcā dde* 'Отдай отцу'; *snehā Murād tā pucā desī* 'Он передаст известие Мураду'; *cāk ā* 'слугу'; *āsmān dde mūh kar murkiā* 'Обратил лицо к небу'; *arpe piū dhir tūriā* 'Отправился к своему отцу'; *hus toī* 'ему'.

Примеры на обстоятельственную функцию: *raḡbhat kū* 'утром'; *dīgir kū* 'во время вечерней молитвы'; *Himati ā āṇ latthum* 'Прибыв в Химати, я сошел'; *oh bāhar sadāgī kī nahī sī jāṇā* 'Он не уезжал торговать' (букв. 'для торговли'); *cugāṇe tā* 'Для кормления' и др.

Другие послелогии представляют собой даже словоформы самостоятельных частей речи, использующиеся в функции послелогов, например: *i Źā vele* 'во время утренней молитвы'; *tholeā dīhā picchū* 'через несколько дней'. В первом примере в роли послелога выступает *vele* — форма существительного *velā* 'время' в основном обстоятельном падеже, а во втором — наречие *picchū* 'после'.

Различные отношения в ленди могут выражаться либо одиночными (простыми) послелогамии, либо их сочетаниями, состоящими обычно из двух послелогов (составными послелогамии). Иногда один и тот же тип отношений может передаваться факультативно одним из двух способов. Как было показано выше, послелогии могут быть многозначными и синонимичными. По значению послелогии можно разделить на:

а) объектные; примеры на данное значение уже приводились выше, когда речь шла об оформлении винительного, дательного и косвенно-объектного падежей. Объектное значение также могут иметь и послелоги *ĩ*, *bicchā*, *kannẽ*, *de kolhũ*, *nāl*, *tẽ*. Примеры: *pārā ĩ juttĩ luāo* 'На ноги наденьте обувь'; *unhẽ bicchā* 'среди них'; *hik rat̃s kannẽ vañ pōhiā* 'Прибыл к одному богачу'; *un de kolhũ* 'у нее'; *māde nāl* 'со мной'; *mũndhĩ tẽ* 'по плечу'. Объектным значением могут быть наделены и аблативные послелоги, приведенные в пункте г).

б) обстоятельственно-временные: *picchũ*, *picchẽ*, *kannũ*, *picchẽ*, *kannũ picche*, *kanũ bād*, *appar*, *kĩ* 'через', 'после', *vele*, *kũ*, *nũ*, *tẽ* 'во время', *tāĩ*, *torĩ*, *torĩ* 'до', *bandobast kannũ picchẽ* 'после поселения', *ḍũ dihāreā kanũ bād* 'через два дня', *ajjañ tanĩ* 'до сих пор', *ajje tāĩ* 'все еще', *thoreā dihāreā kĩ* 'через несколько дней', *is appar* 'после этого', *ũ hĩ ḍḍĩh tẽ* 'в тот же день'.

в) обстоятельственно-локативные и обстоятельственные, обозначающие направление (кроме аблативных): *appar*, *mudḍh*, *de mudḍh*, *kolhũ*, *kolhũ de 'y'*, 'возле', 'около', *aggũ*, *de aggũ* 'перед', *ich*, *vich*, *bicch*, *bicchā* 'в', 'среди', 'внутри', *andir* 'внутри', *te*, *tẽ*, *utte* 'на', 'в', *do*, *dāĩ*, *dhir*, *dũ*, *ḍḍe*, *ḍḍĩhẽ*, *ḍḍāh*, *ḍḍahĩ*, *kannẽ*, *all* 'к', 'в направлении', 'ĩна', *āsse pāsse*, *doāle*, *cafer* 'вокруг', *magir*, *picche* 'позади', *taḷe* 'под', *utte*, *uparand* 'над', и др. Примеры: *darvāje appar* 'возле двери'; *kolhũ mauqā de* 'около /того/ места'; *gonḍe mudḍh* 'у коленей'; *hik parẽ mulk ḍḍĩhẽ jḷuliā ggīā* 'Отправился в далекую страну'; *hattĩ utte* 'в лавке'; *trappar de taḷe* 'Под половицей'.

г) аблативные: *thĩ*, *thũ*, *tũ*, *kannũ*, *lā*, *kolũ* 'от', 'со стороны', *nẽ tarḥõ* 'со стороны', 'от имени'. Как уже говорилось, сочетаясь с именами или местоимениями, эти послелоги образуют основную субморфу аналитического аблатива, употребляющегося параллельно с синтетическим аблативом. Некоторые послелоги могут принимать форму аблативного падежа, и тогда данное производное образование выступает как аблативный

последлог, например: *utte* 'на', 'наверху', *uttũ*, *uttõ* 'с', 'сверху', *vicch* 'внутри', 'в', 'среди', *vicchũ*; *vicchõ* 'от', 'из'.
Примеры: *his tũ* 'от него', *mā thũ* 'от меня', *māl kannũ* 'из богатства', *unhã vicchũ* 'из них', *mele uttũ* 'с ярмарки', *putr nẽ tarfõ* 'от имени сына' и др..

д) целевые: *kĩ*, *kāṇ*, *tāĩ* 'для' и др. Примеры: *māḍe kāṇ* 'для меня', *sadāgrĩ kĩ* 'для торговли', *rākhĩ tāĩ* 'для охраны';

е) причинные: *kannũ*, *kannũ* 'из-за', 'от', *kĩte* 'из-за', 'ради', 'поэтому', *kāṇ* 'ради', *zamĩn de kĩte* 'из-за (ради) земли', *ũ hĩ kite* 'именно поэтому', *dar kanũ* 'от страха'.

ж) другие (в том числе заимствованные), например: *kanũ sivāĩ*, *sivāĩ de* 'кроме', *bājh* 'без', *mũjib* 'согласно', *pārũ* 'через посредство', 'путем', *vāṇgẽ* 'подобно', *jogā*, *de lāiq* 'достойный' и др. Примеры: *pitĩ kanũ sivāĩ* 'кроме печени' (сочетание исконного и заимствованного последлогов), *sivāĩ allāh de* 'кроме Аллаха' (то же самое), *hik bbelĩ vāṇge* 'подобно слуге', *ārṇe piũ ne ākhaṇ mũjib* 'согласно тому, что сказал твой отец'.

Прилагательное *jogā* 'достойный', выступая в функции последлога, может согласовываться с другими членами предложения. Вот пример, где оно, оформляя предикатив, согласуется с подлежащим (*mã* 'я'): *huṇ mã tãḍḍã putr sadḍvãṇ jogā nimhĩ rah ggiã* 'Теперь я не достоин называться твоим сыном'.

Союзы

Сочинительные союзы подразделяются на:

сочинительно-соединительные: *ā*, *ai*, *attẽ*, *hor* 'и', *hor...*

hor 'и...и', *na...na* 'ни...ни';

сочинительно-разделительные: *ke*, *jã* 'или', 'либо', *hikke...*
hikke, *bhãvẽ...bhãvẽ*, *yã...yã* 'либо...либо';

сочинительно-противительные: *bhal*, *haḍḍõ*, *par* 'однако, но'.

Подчинительные союзы подразделяются на:

пояснительно-атрибутивные: *je, jo, bhaī (bhāī) paī, ta, ke, kī* 'что', 'чтобы';

дополнительные

подлежащие

je, jo, bhaī (bhāī) paī,

сказуемые

ta, ke, kī 'что', 'как',

временные

'чтобы';

сравнительные

квалитативно-предикативные

причинные: *kiū jo, je, jo, bhaī (bhāī) paī, ta, ke, kī* 'так)

как', 'потому что', 'ибо', 'что';

условные: *jekar, je* 'если';

целевые: *mat, matā* 'чтобы не', *bhaī (bhāī)* 'чтобы';

уступительные: *toṛe, bhāvē, je* 'хотя'.

Подчинительные союзы не следует смешивать с релятивными местоимениями, наречиями, числительными, так как они представляют другие части речи.

Частицы

Поскольку в ленди развиты морфологические, т.е. синтетические способы эмфазы слов, лексические средства передачи этого вида отношений представлены относительно скромно. В нем используются такие усиленные частицы, как *ī, hī, hī* 'как раз'. 'именно', 'исключительно', 'лишь', *tā, tā* 'как раз', 'же' 'ведь', *lā* 'как раз', 'именно', *bī, vī* 'также', 'даже'. Примеры: *aje mūh hanāṛā ī āhīā* 'Темнота лишь наступила' (здесь частица *ī* взаимодействует с наречием *aje* 'еще'); *ū hī vēle* 'Как раз тогда'; *ū hī kīte* 'Именно поэтому'; *hise gall dā tā hisā māṇ e* 'Как раз этим она гордится' (частица *tā* здесь взаимодействует с суффиксом *-e* в слове *hise*); *ū hī dāh īē* 'В тот же день'; *tū tā māḍḍe nāl rāhdē* 'Ты же живешь со мной'; *dāh rupāe bī tā kū desū* 'Дам также десять рупий тебе'; *aj lā kanūn* 'С этого дня'. Так как в ленди наличествует хорошо развитая система отрицательных личных глаголов бытия, отрицательная частица *nahī (nahē)* употребляется относительно реже: *hik lelā vī nahī*

ḍḍitā 'Даже не дал одного телка'. Кроме того, используются еще две отрицательные частицы *lā* и *xār*.

Утвердительные частицы *hā*, *hā̃* 'да', *jī* 'Да, уважаемый' — вежливая утвердительная частица. При вежливом общении используется частица *khā̃*, например: *khā̃*, *sā̃* 'Господин'. Еще более высокого стиля слово *horī* (эргативный падеж *horā̃*) 'Ваша честь'.

Две частицы *jaṇe* и *je* (омонимичная союзу *je* 'что') маркируют прямую речь, которая следует непосредственно за ними.

Междометие

Междометия употребляются:

При обращении: *voe*, *oe*, *vo* 'Послушай, послушайте' (мужчина к мужчине), *lī* (мужчины к женщине), *vaṇ* (женщины к женщине), *vā*, *ve* (женщины к мужчине); при общем обращении: *ijho!* *oh!* 'Послушай', 'эй', *hāe*, *hāe* 'о, ...'; *hāe*, *hāe*, *lok* 'О люди!';

Для выражения эмоций:

одобрение: *dhann*, *dhan*, *sadke*, *śābaś* 'Браво', 'Хорошо';

недовольство: *phitt*, *phit* 'Проклятие!', *hā̃* 'Ах!', *lohrā* 'Увы!';

удивление: *hallā* 'Вот это да!', 'Неужели?', *mazāl* 'Не может быть!';

протест, возмущение: *leh* 'Нет', *dhur dhur* 'Прочь', *chir chir* 'Прочь!';

призыв к помощи: *hāloṭ* 'Помогите!', *pahriā*, *pahriā-pahriā* 'Помогите!';

приветствие: *āmī̃*, *āhvē* 'Добро пожаловать'.

СИНТАКСИС

Простое предложение

Простое предложение ленди имеет ряд конструкций, типичных для большинства новоиндийских языков в отношении оформления главных и второстепенных членов, их порядка

(подлежащее в начале предложения, а сказуемое в конце его), согласования и т.д.

Однако в нем также наличествуют и конструкции специфические, отличные от большинства сопоставляемых языков. Сюда следует отнести: эргативную конструкцию с эргативно-подлежащим согласованием; таковую с разветвленным эргативно-подлежащим-объектным согласованием (об этих терминах см. раздел «Сказуемое»); полуэргативную конструкцию, характеризующуюся отсутствием эргативного члена, к тому же эргативная конструкция вообще в отличие от ряда новоиндийских языков не маркирует свое подлежащее последогом *ne*; сказуемостно-односоставные местоименно-суффиксные и подлежащим-односоставные местоименно-суффиксные модели (и те и другие могут быть словами-предложениями); особые слова-предложения, в которых стянуты подлежащее-существительное с формой глагола «быть»; конструкции с опущенной глагольной связкой и с другими специфическими формами сказуемого, как например с бессвязочными.

Двусоставное предложение

Подлежащее

Подлежащее может стоять либо в форме номинативного падежа, либо эргативного. Последнее имеет место лишь в эргативной конструкции и в тех предложениях, где сказуемым служит герундив.

В функции подлежащего может выступать существительное (в том числе отлагательное имя и числовое существительное), герундив, инфинитив, числительное, местоимение. Примеры: *lokā nā āvūṇ vaṇūṇ ghaṭṭ āhā* 'Движение людей было слабым' (инфинитив); *aśā iāṇḍā uṭṭh nahī dīṭṭhā* 'Мы не видели твоего верблюда' (местоимение); *mār kutt caṅgī nahī* 'Рукоприкладство (букв. избивание) нехорошо' (отлагательное имя); *us ādmīe*

māddā gunāh nahī karnā 'Тот человек не совершит передо мною греха' (существительное, сказуемое-герундив).

Сказуемое

Сказуемое может быть выражено одиночными формами глаголов бытия, глагольной формой, омонимичной причастию II, одиночным герундивом, а также всеми основными сложными вербальными моделями: глагольно-глагольными, глагольно-именными, глагольно-местоименно-суффиксными и смешанными.

Во всех конструкциях двусоставного простого предложения, за исключением эргативной и многих герундивных предложений, как правило, наблюдается полное согласование сказуемого с подлежащим в числе, лице и часто в роде. Это подлежащее согласование.

В эргативной конструкции может быть согласование с подлежащим в числе и лице при отсутствии согласования с дополнением, несмотря на то что оно находится в синтетическом винительном падеже. Такое согласование целесообразно называть эргативно-подлежащим согласованием, например: *mā ū karn ū ū diā katābā vicchū parcā giddum* 'Я взял у него выписку из его книг'. Сказуемое, согласуясь с подлежащим *mā* 'я', присоединяет показатель 1-го лица единственного числа — суффикс *-ит*.

В герундивной (при переходном глаголе) и эргативной конструкциях (при рельефной нагрузке на сказуемое) может быть эргативно-объектное согласование. При рельефной нагрузке на дополнение (или его отсутствии) сказуемое имеет форму единственного числа мужского рода.

Однако при рельефной нагрузке сказуемого, выраженного перфектной формой, форма глагола «быть» может быть согласованной с подлежащим, а причастие II — с дополнением. Такое согласование мы называем разветвленным эргативно-

подлежащно-объектным согласованием: *mā farmāis kītī hāim* 'Я отдал /тогда/ приказ'; *tū minnat kītī havē* 'Ты выразил /тогда/ просьбу'.

При наличии нескольких подлежащих даже разного грамматического рода сказуемое часто может оформляться во множественном числе одного рода, например: *hājo umranī attē ggāhvar umranī mādde gavāh hin* 'Хаджо Умрани и Ганвар Умрани — мои свидетели' (*hājo umranī* — существительное женского рода, *ggāhvar umranī* — мужского, а сказуемое оформлено во множественном числе мужского рода).

Однако в конструкциях с подлежащим и эргативно-объектным согласованием, имеющих соответственно несколько однородных подлежащих или несколько однородных дополнений разного грамматического рода, сказуемое может также согласовываться с последним, т.е. с ближайшим из них. Такое согласование следует назвать для конструкции первого типа кратчайшим подлежащно-выборочным согласованием, а для конструкции второго типа кратчайшим эргативно-выборочным согласованием. См. пример на последний случай: *us janānī kī hikk golī tahle tāi, te hikk mānā jī bhalāne tāi, te hikk kuttī ghare nī rākhī tāi ghinn diti* 'Он оставил жене девушку-служанку для услуг, индийского скворца для развлечения и собаку для охраны дома'. В этом предложении три дополнения: первое *golī* — женского рода, второе *mānā* — мужского, а третье *kuttī* — женского. Сказуемое *diti* согласуется с последним из них.

При наличии в эргативной конструкции нескольких однородных сказуемых могут наблюдаться несколько типов согласования с одним и тем же эргативным членом-подлежащим, например: *ū khallī satt ghattī attē mādde cūñē kannū vajhū ggā* 'Он бросил бурдюк и вцепился мне в волосы'. Здесь первое сказуемое (*satt ghattī*) переходное и имеет эргативно-объектное согласование, а второе (*vajhū ggā*) непереходное согласуется с подлежащим в лице и числе.

В ленди существует усеченно-стянутая форма сказуемого. Вместо перфектной формы мужского рода единственного числа может использоваться слитная форма, состоящая из усеченной формы причастия II и формы глагола «быть» *e*, например: *ḍḍite* ‘отдал’ вместо *ḍḍittā e*, *kīte* ‘сделал’ вместо *kītā e* и даже *āe* ‘пришел’ вместо *āeā (āiā) e*. То же самое может быть в составном сказуемом, где присвязочный элемент — притяжательное местоимение: *māḍḍe*, букв. ‘мой есть’, *tāḍḍe*, букв. ‘твой есть’ вместо *māḍḍā e*, *tāḍḍā e*.

В настоящем времени в ленди, как и в русском языке, может использоваться форма сказуемого, представленная лишь предикативом. Такую форму целесообразно назвать предикативно-бессвязочной формой сказуемого, например: *māḍḍā nā Mīrū* ‘Мое имя — Миру’; *hadd yārū dī* ‘Полицейский район — Яру’; *Umra rapwī varhē* ‘Возраст 25 лет’ и др.

Следует иметь в виду, что в ленди форма глагола «быть» как модификатор финитности в составе аналитических форм или как связка в составных сказуемых нередко предшествует соответственно знаменательному компоненту или предикативу, что является нормальным и не считается инверсией, как например: *bahū ḍihāre nahī sun langthe...* ‘Прошло немного дней...’ (букв. ‘много дней не прошло’); *oh bāhar sadāgrī kī nahī zī jānā* ‘Он не уезжал торговать’.

При наличии квалитативно-предикативного члена предложения сказуемое может быть квалитативно-наделяющим или квалитативно-констатирующим (см. раздел «Квалитативно-предикативный член»).

Дополнение

В ленди существует три вида дополнений: основное прямое, косвенное и квалитативное прямое /см. также Смирнов^{4/}, представляющее собой разновидность квалитативно-предикативного члена предложения.

Основное прямое дополнение может иметь две формы: синтетическую и аналитическую.

Как и в других новоиндийских языках, послелог придает прямому дополнению более определенный характер, иначе говоря, он имеет индивидуализирующе-актуализирующее, выделительное значение, например: *āṇṇe pūchal āh zim̃utte mareṇā* 'Бьет своим хвостом (букв. хвост) о землю'.

Наличие послелога после дополнения, выраженного одушевленным предметом, необязательно. Примеры: *tudh ko dhī viyāh disā* 'Отдам тебе дочь замуж'; *bāddāh unhē de piū aū māi kū maṇḡvāiā* 'Король попросил его родителей'.

Прямое дополнение может выражаться существительным, инфинитивом, местоимением, числительным. Примеры: *mā muqaddamā karan nā cāhndā* 'Я не хочу заниматься судом' (инфинитив); *tū mā ko zim̃vāste kijjh nō ākhsē?* 'Ты мне ничего не скажешь о земле?' (местоимение); *satt vīhā ghidd karāhī* 'Взяв сто сорок /рупий/' (числительное) и др.

Иногда прямое дополнение может опускаться, особенно в разговорной речи, например: *rāt kū gāmaṇ dāyā atte ghulāmū dīṭhā hā* 'Вечером /меня/ видели Гаман Дая и Гулям' (опущено прямое дополнение *mā kū* 'меня').

Косвенное дополнение выражается дательным, косвенно-объектным, инструментальным и вторичным аблативным падежами существительного и местоимения, а иногда и инфинитива. При обозначении отношения адресата в его состав входят послелоги типа *kū* (*ā, kī, ko, dāi, tāi* и др.). При передаче других отношений могут использоваться иные послелоги. Примеры: *hus toṭī he gall pucā de...* 'Передай ему, что...'; *hasā te bahū ākhiā hāt his de cāk ā* 'Мы часто говорили ее слуге'; *ū kū jhubbā ā ggiā* 'Его обуюло чувство'; *us nā viyāh us āṇṇe cāse nē putre nāl kar dittā* 'Он выдал ее замуж за сына своего дяди'; *mā ggāhvar attē karam nāl vaṇ ke rapat likhvāt* 'Отправившись вместе с Ганваром и Карамом, я доложил'.

Примеры с косвенным дополнением, выраженным косвенно-объектным, инструментальным и вторичным аблативным падежами см. в разделах об этих падежах.

О качественном прямом дополнении см. раздел «Квалитативно-предикативный член».

О п р е д е л е н и е

Определение в ленди может выражаться прилагательным, причастием, местоимениями, порядковыми числительными, любым словом, сопровождаемым согласующе-реляционным последологом или субъектным и адъективно уподобляющим формантом *ālā (vālā)*, а также именами в особых заимствованных оборотах и приложениями.

Изменяемые имена-определения согласуются рельефно со своими именами, а неизменяемые имеют нерельефное, т.е. невыраженное, согласование, причем рельефному согласованию здесь препятствует не сам принцип связи слов, а лишь особенности неизменяемого слова. Стоит вместо него подставить изменяемое слово, как «заговорит» рельефность.

Позиция определения по отношению к определяемому имени в ленди не зафиксирована. Здесь может быть и препозиция и постпозиция, причем даже ряда определений. Примеры: *arṇā ghaṭṇā hāl* 'Свое ухудшающееся положение'; *jjāl vālī jāh* 'Место, где растет сальвадорское дерево'; *utlī de pachādhū māl māddā bhakrē dā hā* 'Мое стадо коз находилось к западу от Утли'; *lādu putā dā pītū māt te he* 'Любовь к детям – долг родителей'.

В ленди также распространена атрибутивно-замыкающая модель, в которой одно определение предшествует определяемому, а другое следует за ним, например: *bāe log bahū khare hāe* 'Стояло много других людей'; *us nā puttur koī nāhā honā* 'У него не было сына' (букв. 'его сын какой-либо появляющимся не был'); *iho putr māddā* 'Как раз этот мой сын' и др.

В ленди также можно встретить персидскую изафетную конструкцию, в которой определяемое стоит в препозиции, а несогласованное определение (существительное или прилагательное) – в постпозиции, например: *khāliq-e-akbar* ‘великий творец’, *vagt-e-sahār* ‘время захода солнца’, *nām-e-aqdas* ‘пре-святое имя’.

Определение-приложение: *lok abbās e šohde nā armān pae karnen* ‘Народ сочувствует бедняге-Аббасу’.

К в а л и т а т и в н о - п р е д и к а т и в н ы й ч л е н

Материал ряда языков позволяет сделать вывод, что в них помимо уже отграниченных и описанных членов предложения существует еще один самостоятельный член, имеющий с другими членами предложения свои специфические отношения. Он соположен со сказуемым и иной раз внешне может напоминать предикатив или какой-то компонент сказуемого. Однако рассмотрение сути этого члена и отношений со сказуемым и другими членами выявляет его синтаксическую самостоятельность.

Наиболее целесообразно предикативом считать присвя-зочный элемент при глаголах бытия, состояния, изменения, становления и им подобных, с которыми он образует семанти-чески неразложимую группу. Связка здесь несет основную грамматическую, а предикатив основную семантическую на-грузку. Трансформационный анализ не позволяет разложить данные компоненты, например: *o saṅgā-bhālā e* ‘Он здоров’ (ленди); *He is well* ‘Он здоров’ (английский). Следующие ниже трансформы недопустимы: *o saṅgā-bhālā aũ e* ‘Он здоров и есть’; *He well and is* ‘Он здоров и есть’. Иначе говоря, при помощи трансформационного анализа мы можем проверить, является ли данное образование предикативом и связкой или чем-то иным.

Однако в других моделях такое разложение возможно, ибо сопоставляемые члены не составляют единого слитного

образования, например: *o saṅgā-bhālā val āe* 'Он вернулся здоровым'. Это предложение семантически равноценно модели *o val āe aĩ saṅgā bhālā e* 'Он вернулся и здоров', поэтому член *saṅgā-bhālā* 'здоровым' в предложении *o saṅgā-bhālā val āe* носит синтаксически самостоятельный характер.

Подобный член выражает в общем плане предмет, признак, качество, которыми воздействуют на предмет, выраженный подлежащим или прямым дополнением, наделяют ими этот предмет либо же констатируют наличие у него данного качества или признака.

Поскольку здесь, с одной стороны, речь идет о качестве в широком смысле, а с другой, воздействие, наделение этим качеством или констатация его осуществляется при помощи сказуемого, и поскольку член, выражающий это качество, соположен со сказуемым, данный член предложения целесообразно назвать **к в а л и т а т и в н о - п р е д и к а т и в н ы м ч л е н о м (КПЧ)**. Он может быть выражен существительным, прилагательным, причастием, числительным, местоимением, любым словом с согласующе-реляционным послелогом и может взаимодействовать со сказуемым, выраженным и переходным и непереходным глаголом, Его употребление возможно в деепричастных и причастных оборотах. Он обнаруживается в конструкциях с действительным, пассивным и (в ряде языков) эргативным залогами. Начнем с иллюстраций из русского и английского языков: *Он вернулся инженером*; *Мы считаем его трусом*; *Мы считаем его трусливым*; *We have elected him president* 'Мы избрали его президентом'; *He has been elected president* 'Он избран президентом'.

В панджаби прямое дополнение при наличии квалитативно-предикативного члена-существительного, относящегося к нему, оформляется послелогом *nĩ*, например: *is bolĩ nĩ pālĩ ākhiā jāndā hai* 'Этот язык называется пали'. Подобную разновидность КПЧ, выраженного существительным в синтетическом винительном падеже. мы назвали **к в а л и т а т и в н ы м п р я**

мым дополнением. В ленди в подобном случае не обязательно оформление прямого дополнения послелогами, могущими обозначать винительный падеж, например: *picche kūṛe ugāh sotṛ atte jāvāṭ baṇā karaḥi* 'Затем заставь двоюродного брата и мужа дочери выступить лжесвидетелями' (букв. 'лжесвидетели двоюродный брат и муж дочери сделав'). (Здесь однородные прямые дополнения *sotṛ* 'двоюродный брат' и *jāvāṭ* 'муж дочери' стоят в прямом падеже).

Если КПЧ выражает качество, которым наделяют или воздействуют, то он стоит при квалитативно-наделяющем сказуемом, а если он выражает качество, которое констатируют, то он соплагается с квалитативно-констатирующим сказуемым. Примеры на первый случай, где КПЧ выражен разными частями речи: *hasā usā cāk nahū hā chaṇā baṇā rakhiā* 'Мы его сделали не только слугой' (существительное); *oh āṇṇi janānī kī ghaliyā choṛ ke...* 'Он, оставив свою жену одинокой...' (прилагательное)

КПЧ стоит при квалитативно-констатирующем сказуемом: *ū unhē kū vende ḍḍithā* 'Он видел их идущими' (причастие I).

Обстоятельство

В ленди зафиксированы следующие обстоятельства: времени, места, цели, причины, образа действия, уступки, меры и степени.

Обстоятельство времени выражается различными наречиями времени, существительными и местоимениями в обстоятельственных падежах: *viḥāj picche vaṇ ḍesā* 'Проценты отдам потом'; *vatt ūn dī trīmit dū mohṛā kaḍḍ ghiddiā* 'Затем его жена вынула два золотых'; *o rāt kū āeā* 'Он прибыл ночью'; *ī kaṇiṭṭi laggā geā* 'После этого /он/ ушел'; *ḍū pahṛē ḍḍithā* 'Видел в полдень'.

Обстоятельство места выражается наречиями места, существительными и местоимениями в основном обстоятельном падеже: *ṛāṇi ṛaṇiē ā* 'Падаю в ноги'; *mā ṛaṇi do vesā*

‘Я пойду в поле’; *trappar de tale āh* ‘Находится под половицей’; *ũ mündhe te mār dḍittā* ‘Он ударил по плечу’; *ĩ vicch hā* ‘Находилось в этом’.

Обстоятельство цели выражается существительным, инфинитивом или местоимением в том же падеже: *sāhib māḍṭ arzī daryāfat kīte paḥ dḍittī* ‘Господин направил мою жалобу для рассмотрения’; *sadāgar kusā siyāṇe kī loṇe tāĩ geā* ‘Торговец отправился поискать (букв. для поисков) какого-либо мудреца’; *kure sadāgī gach* ‘Отправляйся куда-нибудь торговать’; *bāhīr iṣṇān karaṇ laggā geā* ‘Вышел помыться’; *māde kāṇ* ‘для меня’ и др.

Обстоятельство причины чаще всего выражается основным обстоятельственным падежом существительного или местоимения и отдельными оборотами: *ũ hī kite mele uttī vall reut* ‘Именно поэтому я вернулся с рынка’; *behoṣ attē jind de xauf kannī* ‘из-за потери сознания и страха за жизнь’. Нередко в состав обстоятельства причины входит деепричастие *karī ke* ‘из-за’, выступающее в функции послелoga: *is gallā kaṁ ke oh hikkas muqaddame kol geā* ‘Из-за этого он направился к местному начальнику’.

Обстоятельство образа действия выражается наречиями образа действия, качественными прилагательными в функции наречий, аналитическими падежами существительного: *ũ āṛṇā kaṁ kār saṅgā kita?* ‘Он хорошо сделал свою работу?’; *tu dil di karsē* ‘Ты будешь говорить откровенно’; *trikkhā karī* ‘Делай, пожалуйста, быстро’.

Обстоятельство меры и степени. Наиболее часто в этой функции используются наречия меры и степени и качественные прилагательные, например: *dḍāḍhā (dāḍhā)*, *saṅgā*, *bahū (bahū)* ‘очень’, *vaḍḍā* ‘сильно’, ‘очень’, *dhaṭṭ* ‘слабо’, *ukkā* ‘совсем’: *dāḍhā xuṣ* ‘очень счастливый’, *saṅgī suāṇī* ‘очень умная’, *bahū saṅgā* ‘очень хороший’, *ukkā batār* ‘совсем больной’.

Обстоятельство уступки выражается оборотом *ĩ de hondeā* ‘несмотря на’.

Словосочетание

В отличие от предложения словосочетание как комбинация знаменательных (самостоятельных) слов чаще всего является номинативным средством языка и, подобно слову, представляет собой строительный материал для формирования предложений. В противоположность предложению словосочетание выражает не суждение, а сложное расчлененное понятие. Предложение — это коммуникативная единица, обладающая особой интонацией и предикацией со всеми ее категориями (модальность, наклонение, лицо и др.), а словосочетание — в большинстве случаев — номинативная единица.

Словосочетания в лэнди носят различный характер как по составу, так и по связи компонентов. По составу простые словосочетания в лэнди делятся на:

субстантивно-субстантивные: *sappe nā bassā* 'змееныш' (букв. 'дитя змеи'), *kīrār te rakhyā* 'Кирар и Рахья', *bahādur šāh* 'Бахадур Шах';

адъективно-субстантивные: *bhārā jjanā* 'плохой человек', *suānī naḥī* 'мудрая девушка';

местоименно-субстантивные: *māḍḍā piū* 'мой отец', *iho putr māḍḍā* 'этот мой сын';

числительно-субстантивные: *mohāḍḍā ḍū* 'два золотых', *hikk šaks* 'один человек', *trā vārī* 'трижды';

наречно-субстантивные: *utthāī nā ādmī* 'человек как раз из того места';

наречно-адъективные: *haḍḍō xuš* 'безгранично счастливый';

местоименно-местоименные: *habbho kiḥ* 'все';

глагольно-субстантивные: *viḥāj devuṇ* 'давать проценты', *miḥmānī karuṇ* 'организовывать праздник';

глагольно-глагольные: *pīvaṇ cāhvuṇ* 'хотеть пить'.

Словосочетания могут представлять собой целые обороты (субстантивные, деепричастные, инфинитивные и др.): *vaḍḍī khizmat tē kazīā nā!* 'с большой заботой и тревогой'; *uṭṭh raleā*

hoeā 'уставший от езды на верблюде' (причастный оборот);
kūṛe ugāh sotṛ atte jāvāī baṇā karāhī 'заставив двоюродного брата и мужа дочери выступить лжесвидетелями' (деепричастный оборот).

В ленди также встречаются субстантивно-инфинитивные обороты (инфинитив от непереходного глагола), в которых существительное представляет собой потенциальное подлежащее, а инфинитив — потенциальное сказуемое, а весь оборот — потенциальное предложение. Такой оборот целесообразно называть сентенсно-подобным оборотом. Поскольку инфинитив лишен предикации (нет ни лица, ни числа, ни рода, ни склонения), данный оборот является лишь непосредственным строительным материалом для предложения. Примеры: *rat vaḥaṇ kaṇṇī* 'после потери крови'; *sadāgar nā karār laṅghṇe appar* 'по истечении /срока/ обещания купца'.

Как видно из примеров, компоненты словосочетания могут быть связаны сочинительно или подчинительно.

При подчинительной связи слова в ленди могут быть связаны по принципу согласования, управления и примыкания (см. выше). Помимо сочинительной и подчинительной связей в ленди (как и в ряде новоиндийских языков) есть еще один тип связи слов — взаимодействие, или взаимноподчинительная связь, которая может иметь место при рельефной нагрузке на сказуемом или одном из его компонентов в эргативной конструкции.

Порядок слов в простом предложении

Структура предложения ленди имеет ряд общих черт с другими новоиндийскими языками. Однако у него есть и своя специфика. Чаше всего второстепенные члены (пожалуй, исключая обстоятельство времени) расположены между подлежащим, стоящим в начале предложения, и сказуемым, которое его замыкает. Если сказуемое состоит из нескольких компонентов, то нередко в отличие от сопоставляемых языков

вспомогательный глагол или связка может предшествовать присвязочному элементу или при перфектной форме – причастию II. При наличии отрицательной частицы последняя следует перед формой глагола «быть»; например: *oh bāhar sadāgrī kī nahī sī jaṇā* ‘Он не ездил торговать’. Квалитативно-предикативный член обычно предшествует сказуемому, а перед первым стоит прямое дополнение, например: *oh aṇṇī janānī kī ghaliyā choṛ ditiā* ‘Он оставил свою жену одну’.

Определение не имеет фиксированной позиции и может стоять как в препозиции, так и в постпозиции. Примечательно, что если постпозитивное определение следует за существительным в аналитическом падеже, то послелог может ставиться после определения, например: *matā vīr māde kū šimar satāe* ‘Чтобы Шимар не преследовал моего брата’.

Обстоятельства места и цели часто соплагаются со сказуемым, например: *oh us mulke ne hikkas muqaddame kol geā* ‘Он направился к местному начальнику’; *oh bāh ir iṣmān karaṇ laggā geā* ‘Он вышел помыться’.

Обстоятельство времени преимущественно встречается перед подлежащим, т.е. в начале предложения, например: *vatt tahsīldar munsif karvā ditte* ‘Затем тахсилдар обеспечил назначение третейских судей’; *agle vele missar nā hikk patśāh āhā* ‘Когда-то жил-был король Египта’.

Бывают, однако, случаи, когда обстоятельство времени следует за подлежащим, например: *mā bahū muddat. hoī tuhārī xidmat karṇā rehā* ‘Я давно служу тебе’.

Косвенное дополнение обычно предшествует прямому: *piū mā kū kuttī dḍittī* ‘Отец подарил мне собаку’.

Иногда может наблюдаться инверсионный порядок слов. Так, для эмпазы прямое дополнение может выноситься вперед: *mohrā dū chajjū kū de āvā* ‘Два золотых мне следует отдать ростовщику’. Определение, выраженное местоимением *koī, kāt* ‘какой-то’, обычно предшествует имени, но при эмпазе имени порядок меняется: *ūn de kolhū harg koī nāhā* ‘У нее ничего не осталось на расходы’. Для эмпазы в сказках и для

риџмы в песнях также может использоваться инверсия, при которой сказуемое выносится вперед, например: *hikk āh bāiṣāh* ‘Жил-был король’; *āeā avāzā māṣūm dā* ‘Раздался голос невинного’.

В ленди нередко может быть отклонение от более распространенного порядка слов благодаря явлению вклинивания слова, а то и целого оборота между тесно связанными элементами предложения, например:

между существительным и послелогом: *hise gall dā tā hisā māṇ e* ‘Как раз этим она гордится’; *ī muqaddame dī kāhē bae afsar koḷū daryāfat karvāī vaṇe* ‘Следует поручить рассмотрение этого дела какому-то другому чиновнику’;

между определяемым и определением: *māḍā ūn de nāl vādā hāt* ‘Я ему дала обещание’ (букв. ‘Мое перед ним обещание было’); *kāt hus tū munikar hūsu?* ‘Разве она какая-либо отступница от него’ (букв. ‘какая-либо от него отступница’);

между компонентами сказуемого: *haṇ us nē putre nē tarfḍ reā muqaddmā honā* ‘Теперь дело подавалось от имени его сына’.

В ленди, как и в панджаби, два однородных имени часто не связываются союзами: *kāt lassī paṇī pṛso?* ‘Выпейте лас-си или воды?’; *māh badxāh khārxāh habhe hik barobar ni* ‘Для меня недоброжелатели и доброжелатели – все одно и то же’.

Опущение союза иногда затрудняет понимание контекста, например: *chajjū koī na bāṭhā hāt* ‘/Ни/ ростовщика, никого другого там не было’. Здесь перед местоимением *koī* ‘кто-либо’ опущен элемент соединительно-отрицательного союза *na... na* ‘ни...ни’ и поэтому можно осмыслить предложение и так: ‘Никакого ростовщика там не было’.

Односоставное предложение

В ленди встречаются два основных типа односоставных предложений: бесподлежащие и бессказуемые. Особый тип – неполные предложения.

Бесподлежащие предложения встречаются в двух разновидностях: определенно-личные и неопределенно-личные.

Определенно-личные предложения чаще всего выражаются конструкциями со сказуемым, содержащим субъектные местоименные суффиксы или выраженным моделью, включающей отрицательный глагол бытия. Иначе говоря, сказуемое здесь выражено в определенно-личной форме, например: *ākhione* 'Они заявили'; *mele gāose* 'Мы отправились на ярмарку'; *mele uttī[~] vall reum* 'Я вернулся с ярмарки'; *mā kanpī[~] rāpī[~] maggius* 'Он попросил у меня воды'; *janpā nāhā[~]* 'Я не знаю'.

Неопределенно-личные предложения характеризуются тем, что в них субъект действия представлен неопределенно, неясно. Как и в русском языке, сказуемое в таких моделях выражается формой глагола 3-го лица множественного числа. Однако в ленди такие конструкции чаще всего употребляются в настоящем времени и нередко передают общие истины, например: *dā vā qāzī[~] de aggū[~] nīnde hin* 'Жалобу приносят к судье'; *adal bādšāh dā mangde hin* 'Справедливости просят у короля'; *ākhde hin ta...* 'Говорят, что...'.
Бессказуемые предложения представлены в ленди именем, содержащим в своем морфологическом составе местоименный суффикс, или стянутыми формами имени и формы глагола бытия. В последнем случае предложение может содержать несколько слов. Примеры: *kassisse (kasshisse)* 'У нас лихорадка'; *gharum (gharhim)* 'У меня есть дом'; *ū dīā[~] kītīā[~] kutīā[~] n* 'Сколько у него собак?'.

Неполные предложения характеризуются отсутствием одного или нескольких его членов, которые подразумеваются из предыдущего контекста или ситуации, что особенно типично для разговорно-диалогической речи. Сюда же относятся и эллиптические модели. Примеры, где отсутствует подлежащее: *šāh tamdī bhajnā āiā* 'Прибежал к Шаху Мамди'; *aṭṭvē[~] dīhāre muhabbat kū[~] ghinn āe* 'Взяв с собой Мухаббата, пришли на восьмой день'; *axī[~] māniā[~]* 'Наконец согласился'.

Сложное предложение⁴

Сложное предложение представляет собой синтаксическую композицию, состоящую из двух или более частей. Отношения и связи между этими частями отличаются весьма большим разнообразием. Однако ряд критериев формально-грамматического и семантического порядка позволяют все сложные предложения разбить на две основные группы: сложносочиненное предложение (ССП) и сложноподчиненное предложение (СПП). Существуют и переходные конструкции от ССП к СПП, и наоборот.

Прежде чем рассматривать обе основные категории, следует осветить общие типы отношений между частями сложного предложения ленди. Этот вопрос уже разработан нами на материале панджаби /Smirnov⁴, 30-40/.

Общие типы отношений между частями сложного предложения

Каждому сложному предложению присущи три общих типа отношений с возможными разновидностями внутри каждого из них: 1) параллельный, 2) реляционный, 3) корреляционный.

Параллельный тип отношений присущ частям сложного предложения, не зависимым друг от друга в грамматическом и коммуникативно-смысловом планах, имеющим равноправные предикации, но объединенным какой-то общей темой, что нередко выражается идентичными лексическими или грамматическими элементами. Данный момент и является фактором, превращающим сочетание предложений в синтаксическое единство более высокого порядка, чем простое предложение. Подобное единство и представляет собой одну из разновидностей сложносочиненного предложения. Примеры: *as lō' us*

⁴ В данном разделе приняты следующие сокращения: СПП – сложноподчиненное предложение, ССП – сложносочиненное предложение, ГЧ – главная часть, ПЧ – придаточная часть.

nī khaḷrī bāndrī nī aṭī par āp parī aṭī 'В действительности ее шура была обезьяней, но сама она была феей'; *en koṇ he ate keā tamāṣā he?* 'Кто он и какова его внешность?'; *iḥ bī bahādur ṣāh tā mā bī bahādur ṣāh* 'И он Бахадур Шах и я Бахадур Шах'.

Общая тема, объединяющая части каждого из предложений, рефлектируется и в общих грамматических и лексических элементах. Так, в 1-м и 2-м примерах сказуемые имеют одинаковую форму, соотносящуюся с одним и тем же временем, видом, наклоном, залогом и т.д. (*aṭī* — *aṭī*, *he* — *he*), а в 3-м примере оба сказуемых бессвязочные и выражены идентичными предикативами (*bahādur ṣāh*). Кроме того, в обеих частях данного предложения есть и одинаковые лексические элементы, выраженные союзом *bī* 'также'.

Параллельные отношения типичны для сложносочиненного предложения. В сложноподчиненных конструкциях могут быть отношения, приближающиеся к данному типу, но там они осложнены наличием подчинительных союзов, релятивных и коррелятивных компонентов, указывающих на более тесную спаянность частей сложного предложения, а также часто оттенками дополнительных значений. Например: *jīb jīō o vagge tiō tiō pardeṣī āpā andrakkhā ghut ke valheṭī vaṇje* 'Чем больше он дул, тем больше пришелец закутывался в накидку'. Хотя в частях данного СПП наличествуют параллельные действия, они неравноправны, ибо главная часть, имеющая сигнализаторы корреляции (об этом см. выше) *tiō tiō*, требует обязательного наличия другого компонента, иначе она будет незавершенной. Отделение одного компонента от другого резко нарушает здесь целостную связь.

Реляционный тип отношений. Однако чаще всего отношения между компонентами сложного предложения носят характер зависимости, что выявляется либо лексико-грамматическим, либо семантическим, либо коммуникативно-смысловым критерием, либо же их сочетанием. Эти отношения самые

распространенные в сложном предложении. Для их описания мы прибегли к введению ряда терминов.

Минимальной степенью реляционных отношений в сложном предложении является односторонняя зависимость одного компонента от другого, которая названа нами реляцией, причем в СПП реляционно зависеть может не только придаточная часть (ПЧ) от главной (ГЧ), но и ГЧ от ПЧ, а иногда эта зависимость бывает и взаимной. Реляция может быть частной и общей. Частной она бывает тогда, когда данный компонент или какой-то его член указывает на зависимость от одного члена другого компонента. Общей она является в том случае, если данный компонент или его какой-то член указывает на зависимость от целого другого компонента. Следует иметь в виду, что частная реляция не обязательно выражает зависимость лишь от одного слова, ибо какой-то член, участвующий в реляционных отношениях, может сопровождаться еще другими словами. Но все равно эта группа слов представляет собой лишь частное звено компонента сложного предложения, так что на уровне реляционных отношений термин «член» может подразумевать и частное звено компонента.

Частная реляция подразделяется на частнопrivатную и частносентенсную.

Частнопrivатная реляция характеризуется тем, что какой-то член (звено) данного компонента зависит от какого-либо члена (звена) другого компонента. Иначе говоря, зависимость одного компонента от другого реализуется через отношение «член (звено) — член (звено)». Примеры: *māde: māhl vicch falaṇī jāī ikk cor xāṇā vaddeā ne vele nā baṇeā hoeā e, te us vicch trā lāl rakkhe hoeṇ* 'В определенном месте моего замка есть секретная комната, построенная во времена предков, и в ней хранятся три рубина'; *do lāl nixte te hikk na laddhā* 'Два рубина обнаружили, а один не нашелся'. В первом примере лично-указательное местоимение — член второй части *us* (+ *vicch*) '(в) ней' повторяет существительное первой части *xāṇā* 'комната' и отсылает читателя к нему в первую часть. Факти-

чески слово *xānā* выступает здесь с определениями *ikk* и *cor* и вместе они представляют собой частное звено. Во втором примере числительное — член второго компонента *hikk* 'один' относится к слову *lāl* первого компонента и также отсылает читателя к нему.

Из-за особенностей ленди частноприватная реляция может носить иногда и не чисто синтаксический, а синтаксически-морфологический характер, ибо при местоименно-суффиксным характере сказуемого в одном из компонентов местоименная морфема может соотноситься с каким-то членом другого компонента, например: *bādsāh kū dil vich dḍukhā thīā aū akhiā vich pānī andus* 'Король опечалился и прослезился' (букв. 'В сердце короля возникла печаль, и он в глаза принес воду').

Частноприватная реляция встречается и в СПП, где зависимость ПЧ от ГЧ выражается через релятивные слова, благодаря чему эта реляция носит более прочный характер, чем в ССП, ибо в качестве относительных слов выступают специальные сигнализаторы зависимости одного компонента от другого, только для этого и употребляющиеся. Например: *e zamīn jēṭ māde kol he, mā bandobast kannī picche mul giddī he* 'Эту землю, которой я владею, я приобрел после переселения'.

Частносентенсной реляции присуща односторонняя зависимость всего данного компонента от какого-либо члена (звена) другого компонента /зависимость «компонент — (звено) член»/. Этот тип зависимости характерен для придаточных, поясняющих какое-либо существительное ГЧ. Подобные ПЧ вводятся союзами, например: *māh rabbū nazīr mildī e bhaī he cāk tāṇḍhā dhur dargāh dā sāk e* 'Бог дал мне прозрение, что этот твой слуга есть предписанный богом родственник'; *pure nī vāu te deē bāṇṇ lā dittī bhāī keṛā trakrā* 'Северный ветер и солнце затеяли спор (букв. 'что'), кто из них сильнее'. В обоих примерах ПЧ, вводимые союзами *bhaī* и *bhāī* (вариант 'что', 'чтобы', имеют частносентенсные реляции к существительным *nazīr* 'прозрение' и *bāṇṇ* 'спор' главной части. Об этой зависимости сигнализирует союз.

Поскольку подобные существительные обязательно требуют пояснения со стороны придаточного предложения, то и ГЧ в свою очередь находится в реляции, но уже общей к ПЧ. Иначе говоря, частносентенсная реляция ПЧ подкрепляется здесь встречной общей реляцией ГЧ на том же уровне или в той же плоскости. В результате возникают взаимопроникающие реляции. Однако общая реляция ГЧ здесь не имеет непосредственного сигнализатора и выясняется лишь из лексического характера существительных, обладающих обобщенно-отвлеченным значением, т.е. мы выявляем эту реляцию лексико-семантическим критерием.

Общая реляция подразделяется на общеприватную и общесентенсную. Общеприватная реляция характеризуется тем, что какой-то член (звено) данного компонента зависит от целого другого компонента сложного предложения /зависимость «член (звено) — компонент»/. Примером подобной зависимости служат только что приведенные иллюстрации, где главные части СПП находятся в реляции к ПЧ через свои члены — существительные *naṣṭi* и *bāṭiṇṣ*. Лексическое значение этих слов требует обязательного раскрытия со стороны ПЧ, иначе коммуникация остается незавершенной. Такую реляцию целесообразно назвать реляцией обязательной семантической комплетивности (разновидность общеприватной реляции).

Общесентенсная реляция характеризуется тем, что данный компонент сложного предложения целиком, как предложение, выражает зависимость от целого другого компонента (зависимость «компонент — компонент»). В одних случаях эта зависимость вскрывается только коммуникативно-смысловым критерием, а в других еще и формальным, например: *iś āh lag geā pattā te māh ī roz mareṇā* 'До него дошли сведения, и он ежедневно меня избивает'; *vat deṃ mac ke tappā te ṣarpoṣar us andrakkhā lāh suṭṭā* 'Затем ярко, (букв. жарко) засветило солнце, и он быстро скинул свою накидку'. В обоих

примерах действия, содержащиеся во втором компоненте, являются следствием процесса, выраженного в первом (здесь второй компонент находится в общесентенсной реляции к первому).

Частную и общую реляции придаточной части можно назвать реляцией придаточности, являющейся по отношению к этим обоим разновидностям более общей категорией.

Если компонент синтаксически не завершен, но дополняется в данном отношении другим компонентом, то он находится в реляции необходимой синтаксической комплетивности к этому последнему (разновидность общей реляции).

Такие специфические реляционные отношения имеют, например, СПП с подлежащими и сказуемыми составами и СПП с одним из видов придаточных дополнительных, например: *pattā lageos je māḍhī trimitī nī jholī* 'с коṭ trī cāṭ mahīniā nā jātuk e 'Ему стало известно, что у его жены имеется (букв. есть на коленях) трех- четырехмесячный ребенок'; *bijjar attē sobhā attē khiā āhḍin jo jḡāl dā hik daraxt* e 'Биджар, Собха и Хиа говорят, что сальвадорское дерево есть'. В первом примере сказуемый состав *pattā lageos* 'ему стало известно' требует обязательного наличия подлежащего, а во втором примере сказуемое *āhḍin* 'говорят' непременно требует дополнения. В обоих СПП такими комплетирующими элементами являются придаточные части, вводимые союзами *je* и *jo* 'что'. Кроме того, в первом СПП ПЧ находится в общесентенсной реляции к сказуемому составу, а во втором — в частносентенсной реляции к ГЧ, завершая синтаксически ее сказуемое. Иначе говоря, в этих СПП реляции необходимой синтаксической комплетивности одних частей подкрепляются встречными реляциями других, совокупность которых образует в каждом СПП взаимопроникающие реляции.

Корреляционный тип отношений встречается только на уровне СПП.

Под корреляцией в сложноподчиненном предложении нами понимается соотнесенность двух взаимно перекликающихся простых или сложных (либо одного сложного, а другого простого) компонентов, представленных по одному в каждой из его частей и на семантическом уровне либо относящихся к одному и тому же объекту, явлению реальной действительности, либо выражающих идентичные или очень близкие идеи, либо находящихся друг с другом в какой-то связи, включая и количественную.

Перекликающийся компонент ГЧ следует именовать коррелятивным компонентом, а подобный компонент ПЧ релятивным компонентом. Оба эти компонента можно назвать более общим термином корреляционный компонент.

Наличие корреляции определяется по наличию сигнализатора корреляции, в качестве которого могут выступать указательные местоимения, наречия, неопределенно-количественные числительные. Простой коррелятивный компонент является одновременно и сигнализатором корреляции, а сложный включает последний в свой состав.

То, что у нас именуется сигнализатором корреляции, обычно называют коррелятом, или коррелятивом. Но этот термин не совсем точен в применении к сложному коррелятивному компоненту, ибо в соотносительных отношениях с релятивным компонентом находится не только то, что называется коррелятом, но и остальные элементы этого компонента. Поэтому мы предлагаем для подобной группы слов термин «коррелятивный компонент». Вот примеры на простые корреляционные компоненты: *jaduṇ naḍhā thī peā tā māu ākhiā* 'Когда стал юношей, тогда мать ему сказала'; *je koṭ māṇḍhā put-tur hoeā tā tū mā ko zimī vāste kijjh nā ākhsē* 'Если у меня появится сын, то ты ничего не скажешь в отношении земли'.

Однако корреляция не ограничивается таким простым соотношением элементов, ибо часто корреляционные компоненты

могут быть сложными, даже представленными целыми предложениями (как правило, ПЧ, вводимой союзом). Примеры: *jeṭhī jāh dā biṭṭar attē sobhā attē khiā āh din o jāh bbahū parē hā* 'То место, о котором говорят Биджар, Собха и Хиа, находится очень далеко' (букв. 'какое место – то место'); *māh he vī patā nāh bhāi husā vī māṇḍhā kujjh khiāl hāsu ke nāh* 'Мне даже (букв. это) неизвестно (букв. что), помнит ли он обо мне или нет'. В первом из этих СПП оба корреляционных компонента – сложные (местоимение + существительное), а во втором – первый компонент простой (местоимение), а другой сложный, представленный целой ПЧ, вводимой союзом *bhāi* 'что'.

Таковы основные типы отношений между частями (компонентами) сложного предложения.

Сложносочиненное предложение

Сложносочиненное предложение представляет собой синтаксическое целое, состоящее из двух или более единиц, оформленных как грамматически самостоятельные простые предложения, связанные по способу сочинения: соединительно (в том числе бессоюзно), разделительно, противительно и иллативно (причинно-следственная связь) либо соединительно-иллативно. Компоненты СПП могут быть однородно-параллельными, хотя, как правило, и объединенными одной темой, или как-то зависимыми друг от друга реляционно, что нередко выражается лексическими и грамматическими показателями. В качестве формально-грамматических или лексических средств сцепления компонентов таких сложных моделей служат сочинительные союзы и интонации, типичные для данного языка.

Примеры на соединительную связь: *dillīō kitāb mahgvāt ahī te usic likkhā oiā bhāi...* 'Заказал книгу из Дели и в ней написано, что...'; *oh ādmī bah rahā, majjhī bhī us dī caupher bah rahyā* 'Тот человек сел, буйволицы также уселись вокруг него'; *na koī sarāghī jaṇḍā he, na sarkarī he* 'Не сведущ никакой следопыт, не сведуще и никакое официальное лицо'.

Примеры на противительную связь: *aslō us nī khālīr bāndrī nī aī, par āp parī aī* 'В действительности у нее шкура была обезьяньей, но сама она была феей'; *sinnī, bevatrī nahī vāhvī cāhīnī, nahī tā juk thī vānī e* 'Нельзя пахать влажную или сухую /землю/, иначе она затвердеет'.

Пример на разделительную связь: *jā tā māh kaḍh khaḥ jā is āh, fajjū ā kadaī adde banne lā* 'Либо укради меня, либо как-нибудь покончь с ним, с Фаджу'.

Компоненты ССП могут быть связаны соединительным союзом, но относиться друг к другу иллативно (иллативно-соединительная связь), например: *is āh lag geā patt ā te māh ī roz mareṇā* 'До него дошли сведения, и он ежедневно бьет меня'.

Сложноподчиненное предложение

Сложноподчиненное предложение представляет собой чаще всего сочетание главного и одного или более придаточных (подчиненных) компонентов (иногда компоненты носят специфический характер, как например подлежащий и сказуемый составы). Придаточный компонент может относиться либо к какому-нибудь члену главного компонента, либо к главному компоненту в целом, либо выступать в качестве одного из его членов. Поскольку компоненты ССП нередко могут носить характер неполноценного предложения (быть сентенсно неполноценными), либо же быть еще более деформированными, целесообразно для их наименования использовать термины «главная часть» (ГЧ) и «придаточная часть» (ПЧ), но вкладывать в них более широкий смысл, подразумевающий соответственно полноценное предложение, неполноценное и деформированное.

Для всестороннего освещения особенностей ССП мы используем ряд критериев, к которым обращаемся в определенной последовательности. Эти критерии, часть из которых вообще впервые вводится нами, формируются в определенную систему, которую мы предлагаем как новый способ классификации сложноподчиненных предложений, названный нами обо-

шающе-комплексным /подробнее см. Смирнов ¹, 165-167; Smirnov¹, 45-48/.

Сначала учитывается основная синтаксическая функция ПЧ, которая может быть определительной, подлежащей, одной из обстоятельственных и т.д. Это позволяет выделить типы СПП. Последние могут иметь две разновидности. Те ПЧ, которые обслуживают какой-либо формальный член ГЧ (местоимения, некоторые наречия и числительные), мы называем «наполняющими», так как они наполняют его семантическим содержанием, а к тем ПЧ, которые в составе СПП сами непосредственно выполняют роль какого-то члена предложения, целесообразно применить термин «чистостроевые». Отсюда имеем тип Н (СПП с ПЧ наполняющими) и тип С (СПП с ПЧ чистостроевыми).

Затем в зависимости от конкретного постоянного элемента в составе средств связи частей СПП (конкретное релятивное слово, употребляющееся самостоятельно или входящее в состав сложного релятивного компонента, конкретный союз, бессоюзие) устанавливаем подтипы.

Подтип может иметь разновидности: подтип А (СПП с ПЧ, вводимой релятивным словом как самостоятельной единицей), подтип Б (СПП с ПЧ, вводимыми сложными релятивными компонентами «релятивное слово + существительное» или другими разновидностями сложных релятивных компонентов).

После этого, если ПЧ относится к какому-то слову ГЧ, мы, исходя из его принадлежности к определенной части речи, разбиваем подтипы на виды, причем, если данное слово лексически неполноценное (местоимение, некоторые наречия и т.д.), то параллельно учитываем его синтаксическую функцию в ГЧ. В зависимости от этого выделяются присубстантивные, приместоименные, принаречные и другие виды.

Следующим шагом будет учет степени спаянности частей СПП и характера отношений между ними, в результате чего выделяются подвиды: одночленная (тесноспаянная) конструкция (подвид 1) и двучленная (слабоспаянная) конструкция (подвид 2).

И, наконец, подразделяем одночленную конструкцию на корреляционную (подвид 1А), бескорреляционную (подвид 1Б) и, поскольку, как мы уточнили, СПП с придаточными условными, временными, образа действия могут иметь еще полукорреляционную конструкцию, на полукорреляционную (подвид 1В).

Таким образом, в нашей системе классификации возможны следующие ступени:

- 1) тип (в зависимости от основной синтаксической функции ПЧ);
- 2) тип Н или тип С (по разновидности основной функции ПЧ — наполняющей или чистостроевой);
- 3) подтип (в зависимости от конкретного постоянного элемента в составе средств связи);
- 4) подтип А, подтип Б и т.д. (по употреблению релятивного слова как самостоятельной единицы или же в составе сложных релятивных компонентов разного характера);
- 5) вид (разновидности конструкции: присубстантивная, приместоименная, принаречная и т.д.);
- 6) подвид (по степени спаянности: одночленная конструкция — подвид 1 и двучленная — подвид 2);
- 7) подвид 1А (корреляционная конструкция), подвид 1Б (бескорреляционная конструкция) и подвид 1В (полукорреляционная конструкция).

Если какая-то ступень представлена несколькими разновидностями, которые мы, следовательно, можем сопоставить, то она, по нашей терминологии, рельефна или располагает рельефными вариантами. Рельфность ступеней варьируется от типа к типу, от подтипа к подтипу. Эту особенность всегда сохраняет первая ступень, так как всегда существуют и другие типы СПП. В большинстве случаев рельефной бывает и третья ступень, ибо каждый тип, как правило, базируется на нескольких подтипах. Данная классификация обобщенно отражает сложноподчиненные конструкции ленди. Вот ряд иллюстраций, которые нам удалось выявить:

СПП с придаточными определительными является самым распространенным типом. Здесь можно встретить и конструкцию типа Н, поскольку согласующе-реляционный послелог позволяет выступать местоимению в ГЧ в качестве определения, например: *picche jeṛā katul hoiā us nī gal suṇ nē* 'Ты слышал разговор об убийстве, которое произошло недавно?'. В отношении подтипа это СПП с ПЧ, вводимой релятивным компонентом на базе постоянного элемента *jeṛā* 'какой', 'который'. Это СПП подтипа Б, поскольку релятивный компонент сложный, представляющий собой релятивное словосочетание *jeṛā katul* 'какое убийство'. По виду это приместоименная конструкция, по подвиду одночленная (подвид 1) и к тому же корреляционная (*us-jeṛā katul*), т.е. подвида 1А.

Благодаря согласующе-реляционному послелогу СПП с определительными ПЧ может иметь и принаречную конструкцию, в которой в качестве формального распространителя-определения выступает уже не местоимение, а наречие. ПЧ здесь также выполняет семантически наполняющую функцию, например: *suāhe te jithā e gabhīr vāhṇ hikaṭthe thīnen, uthā nī gal e* 'Это история как раз о том месте, где Сохан сливается с Габхиром' (букв. 'Где Сохан и Габхир сливаются, та-мошняя история есть'). Как видно, данная ПЧ вводится релятивным наречием *jithā* 'где', которое соотносится с сигнализатором корреляции *uthā* 'как раз там'.

Для данного типа более типичны конструкции типа С (т.е. СПП с чистостроевыми ПЧ). Все они по виду присубстантивные. Рассмотрим сначала СПП с ПЧ определительными, связываемыми с ГЧ релятивными компонентами, включающими постоянный элемент *jo* или *jeṛā, jehṛā* 'какой', 'который', 'кто'.

СПП подтипа А, т.е. те, в которых постоянный элемент употребляется самостоятельно, могут иметь и подвид 1 (тесноспаянные) и подвид 2 (слабоспаянные). В подвиде 1 лексическое содержание определяемого имени требует обязательного раскрытия со стороны ПЧ и оно лимитируется, индивидуализи-

руется, поэтому ПЧ вместе с ГЧ образуют одночленную конструкцию. Примеры подвида 1: *attē o xūšī nāl aprā̃ peṭ unhē chilrē nāl bhar ghindā hā, jinhē kū sūar khānde han* 'И он, счастливый, наполнял свой желудок теми отрубями, которые жрали свиньи' (подвид 1А, корреляционный); *ā piū, māl dā hissā jehrā mādā thīndā he mā kū de* 'О отец, отдай мне часть богатства, которая мне принадлежит' (подвид 1Б, бескорреляционный, тесноспаянный). В первом СПП ПЧ постпозитивная, а во втором – интерпозитивная.

В подвиде 2 лексическое содержание существительного, к которому относится ПЧ, не требует обязательного раскрытия. В этом случае ПЧ лишь повествует о дополнительных сведениях, касающихся этого имени. Примеры *hikre bādšāh kū marz ddadhā buchṛā hā, jo unhē ggalh karan dī hājatī nahī* 'Один король страдал очень тяжелой болезнью, о которой нет необходимости говорить'; *e zamīn jerī mūde kol he mā bandobast kannū picche mul giddī he* 'Эту землю, которая у меня есть, я приобрел после переселения'. Во 2-м примере *e* 'эта' является не сигнализатором корреляции, а играет ситуационно-указательную роль и имеет анафорическое значение.

СПП подтипа Б часто бывают корреляционными. Следует иметь в виду, что в отличие от панджаби релятивное местоимение *jehrā* или его варианты *jerā, jehrā* в ленди изменяются по падежам. Примеры: *jehrē vele mādā xasam āsī, ū vele mā mohṛā desā* 'Когда мой муж приедет, я отдам золотые' (букв. 'в какое время... в то время'); *jehī jāh dā bijjar attē sobhā attē khiā āhdin, o jāh bbahū parē hai* 'Место, о котором говорят Биджар, Собха и Хиа, находилось очень далеко'. В обоих примерах ПЧ находится в препозиции. Иногда ПЧ бывает и в постпозиции, например: *hājo ta pahī mār de vaqt dīthe, attē ggāhvar ū velhe lehre velhe jo o mā kū mārī hoī vale vende han* 'Правда, Хаджо видела начало избиения, а Ганвар /увидел/ их в то время, когда (букв. в какое время) они, избив меня, возвращались'.

Как видно, релятивный компонент сопровождается союзом *jo* 'что', являющимся тавтологическим элементом, символизирующим вообще подчинительную связь.

В ленди наличествует также и пояснительно-атрибутивный подтип СПП, в котором ПЧ вводится одним из союзов *je*, *jo*, *ta*, *bhaī*, *bhāī*, *paī*, *ke* 'что', 'чтобы'. Все конструкции данного подтипа одночленны, так как определяемый предмет, выраженный в ГЧ, как правило, носит обобщенно-отвлеченный характер и требует обязательного раскрытия со стороны ПЧ, к тому же данные СПП могут быть и корреляционными. Примеры: *bādśāh hukum dditā ta māṇhū golio* 'Король отдал приказ, чтобы ему нашли человека'; *is gallū mā yaqīn kītā jo utthe te sirkā laddeā hoeā āhā* 'Из этого я установил, что на верблюда был нагружен уксус'; *asā hā ke xabar e je kidde geā* 'Откуда нам знать (букв. У нас какое известие, что), куда он ушел' (корреляционное); *hus toṛī he gall pucā de paī mā sacī ā hus nāl* 'Передай ему, что я искренна к нему' (корреляционное); *mā is gallā jogā nā ke tuhār puttur akhvāvā* 'Я не достоин того, чтобы называться твоим сыном' (корреляционное).

Пояснительно-атрибутивный подтип СПП может быть с бессоюзной связью, например: *māh patā e tāṇḍhā hitthe dil nahī* *paījā* 'Мне известно (букв. 'известие есть'), /что/ здесь твоя душа не находит удовлетворения'. Как и в панджаби, предложение, содержащее в ГЧ слово *patā* 'известие', при отсутствии определенных показателей можно рассматривать двояко: и как СПП с определительной ПЧ и как СПП с подлежащей ПЧ.

СПП с ПЧ определительными чистостроевыми могут в качестве средств связи иметь и некоторые наречия, как например *jitthe* (*jithe*) 'где'. Примеры: *vaṇjo talhāe te jitthe mā vānā dhāvaṇ* 'Пойди к пруду, где я купаюсь'; *paśāh neā puttā trāhe lāl hikk ujī hoī jāī vicch jitthe lokā nā āvaṇ vaṇjuṇ ghaṭī āhā, vaṇj dabbe* 'Сыновья короля направились в уединенное место, где люди появлялись редко, и закопали три рубина'. Во втором СПП ПЧ в интерпозиции.

СПП с придаточными дополнительными чаще всего бывает представлено типом С, где ПЧ выступает в чистостроеновой функции. ПЧ может вводиться и союзами и релятивными компонентами. Вот примеры на первый случай: *bādsāh pucchīus ta ehī* *hālat vich kiū khilio* 'Король спросил его (букв. что), почему он смеется в таком положении'; *tuddh kīkun jātā e je utth luṇḍḍā e?* 'Как ты узнал, что верблюд без хвоста?'; *naqal karnen je kohāt hikkī rāje nā hā* 'Говорят, что Кохат принадлежал одному королю'; *tā dittheus je aggā hikk savānt āhī* 'И он увидел, что перед ним стояла женщина'.

ПЧ, вводимая релятивным компонентом, часто бывает в препозиции, например: *jehrā kujh mādde hisse vich āve mā kū dde dde* 'Все, что приходится на мою долю, отдай мне'.

Пример на СПП с наполняющей дополнительной ПЧ: *māl kanū je ko bbaṅgā meddā thīve uḥ mā kū dde* 'Какая бы часть богатства ни была моей, отдай ее мне'.

Все перечисленные СПП — одночленные конструкции, так как все ГЧ в них находятся в реляции необходимой синтаксической комплетивности к ПЧ.

Дополнительная ПЧ может быть связана со своей ГЧ и бессоюзно, например: *sultān ā zarūr ākhē mil vāñjhe* 'Скажи Султану обязательно, /чтобы/ он приехал'.

СПП с подлежащими ПЧ могут также в качестве средств связи иметь и союзы и релятивные компоненты. Примеры на первый случай: *ih malūm hondā je is dī tarīmut koī kucājī jāhī āh* 'Очевидно (букв. это), что его жена довольно глупа'; *māh he vī patā nāh bhaī husā vī mādhā kujh khīāl hāsu ki nāh* 'Понимаешь, мне даже (букв. это) не известно (букв. что), помнит ли он обо мне или нет'. Оба эти предложения корреляционные с наполняющими ПЧ, так как в ГЧ в качестве подлежащего выступает формальный распространитель — местоимение *ih* 'этот', поэтому второе СПП, содержащее слово *patā*, имеет подлежащую ПЧ, так как *ih* является ее показателем.

Пример на СПП с чистостроевой подлежащей ПЧ, вводимой релятивным компонентом: *jis kise ā rākh cuṭkī dī loṛ thīsī ā jāvsī* 'Кому потребуется щепотка золы, придет'.

Здесь *ā jāvsī* 'придет' относится к сказуемостному составу, а все остальное к подлежащему составу, выраженному целым предложением (ПЧ).

Все перечисленные СПП одночленны.

СПП с придаточными времени могут в качестве средств связи иметь релятивные компоненты, союзы и асиндетон. При первом виде связи ПЧ чаще бывает в препозиции. Примеры: *jehre vele samā najīk āē ā ūp de kolhū xarc koī na hā* 'Когда наступило время, у нее ничего не осталось на расходы' (чистостроевые); *jehre velhe o val āiā, ta ū ggāvan attē nacaṇ dī āvāz suṇī* 'Когда он вернулся, то (букв. тогда) услышал звуки пения и танцев' (корреляционное, наполняющее); *dānō māḍī māṁ jaddā arzī mār kuṭṭāī dī itthā dīṭṭī, pāhlū ū hī kū jhalvāone* 'Когда Дано, моя тетка, подала сюда жалобу об избиении, они прежде всего арестовали именно ее' (чистостроевое); *jitnē tāī mā jīnā rāhsā tā āp khānā rāhsā* 'До тех пор, пока я буду жить, я буду кормиться /за счет этого/' (наполняющее, корреляционное).

Однако иногда при данном виде связи ПЧ встречается и в постпозиции, например: *tadhā chures, jadhā ākhe* 'Ее следует отпустить тогда, когда она скажет'.

При соединении частей СПП союзами временная ПЧ находится в постпозиции: *thoḷe dīhāge thae hinn jo mā e zamīn mul giddī he* 'Прошло немного дней, как я купил эту землю': *ajje oh mā ū nā duddh pīnī āhī je us nī mā mar gaī* 'Она еще была грудным ребенком (букв. питалась материнским молоком, когда умерла ее мать)'; *mā apṛē jhugge dū vendā piā ham jo ut-thāī kolhū mauqā de ggāvar mil piā* 'Я шел к своей хижине, когда мне встретился Ганвар как раз там, у того места'. В первом примере вся ПЧ целиком относится ко всей ГЧ, иначе говоря, она находится в общесентенсной реляции к последней. Во всех остальных СПП ПЧ относится лишь к сказуемому ГЧ,

иначе говоря, она находится в общесентенсной реляции к последней. Во всех остальных СПП ПЧ относится лишь к сказуемому ГЧ, т.е. здесь имеет место частносентенсная реляция. А вот пример асиндетической (бессоюзной) связи временной ПЧ со своей ГЧ: *ajjā' o bbaḥū parē hā, ū de piū ū kū dḍekh ghiddā* 'Он был еще на большом расстоянии, /когда/ отец увидел его'.

Данная конструкция напоминает СПП с временной ПЧ, вводимой союзом (см. выше), но отличается от него отсутствием союза. Поэтому связь между компонентами становится менее тесной и менее четкой, но все же остается достаточно плотной для одночленной модели.

Среди СПП с временными ПЧ встречается и полукорреляционная конструкция. Она характеризуется тем, что в ГЧ содержится сигнализатор корреляции (обычно *ta, tā, tā*), а наполняющая ПЧ лишена релятивного компонента. Иначе говоря, только одна часть СПП имеет корреляционный компонент. Сигнал направляется из ГЧ в ПЧ, исходя от сигнализатора корреляции, но непосредственного отклика не получает (релятивно глохнет). Однако отсутствие ответной корреляционной реакции компенсируется реляцией ПЧ к ГЧ, ибо неполнота коммуникативного смысла ПЧ требует продолжения мысли в ГЧ. Это нередко подкрепляется формами сказуемого ПЧ (сослагательное наклонение). Примеры: *kaṇak suk vaṇje tā khlāte te dhuvīnīte* 'Когда пшеница высыхает, ее относят в амбар'; *pāhlī mātar gāhī vaṇje tā usāḥ parat saṭte* '/Когда/ обмолачивают первый круг, то колосья (букв. его) переворачивают'.

СПП с придаточными места чаще бывает корреляционным с наполняющими ПЧ, которые могут быть и в препозиции и в постпозиции. Примеры: *jithe mā bāḥḥā, uthe paṭ hoṣṭā* 'Слышишь, где я сажусь, там буду ложиться'; *jithe vaṇj lagge uṭhā vīyā krā desā* 'Куда /стрела/ упадет, как раз там я устрою свадьбу'; *trā bhirā othe gāe jithe lāl dabbe āhe* 'Три брата направились туда, где они закопали рубины'.

СПП с условными придаточными чаще всего употребляется в виде корреляционной и полукорреляционной конструкций, в которых ПЧ выполняет наполняющую функцию. Однако встречаются и СПП с чистостроевыми ПЧ. Для выражения твердого реального условия, относящегося к будущему, сказуемое ПЧ может иметь либо форму, омонимичную причастию П, либо форму будущего времени. Сказуемое ГЧ, выражающее следствие, обычно бывает в форме будущего времени. В качестве союзов используются слова *je* и *jekar* 'если'. Примеры: *je iā unhā dī kāt gall kühē nū dass ditti, tā tū mar vāsē* 'Если ты хоть слово скажешь о них кому-нибудь, то умрешь'; *jekar o utthā na āyā tā ū kū kulācī agistrā sāhib dī kacahrī vicch vaññā pāsī* 'Если он туда не явится, то ему придется идти в суд особого помощника Комиссара'; *osiḍḍī maneso tā tusiḍḍī bī mansā* 'Если согласитесь с нашим /методом/, то мы согласимся с Вашим'.

Сказуемое ГЧ может быть и в форме повелительного наклонения, например: *je sultān nā āiā tā dhīdo ā mangvāē* 'Если не придет Султан, то позови Дхидо'.

Если в условии содержится элемент предположения, некоторой неуверенности или колебания, то сказуемое ПЧ выражается формой сослагательного наклонения. Следствие, выражаемое ГЧ, может носить разный характер. Если в следствии содержится уверенность или твердость, то сказуемое может иметь формы будущего времени и императива, например: *jekar dānd vall na thīve tā us nū kohesā* 'Если буйвол не поправится, то зарежу его'; *tuhādī marzī hove tā muqaddamā* каро 'Если у Вас есть желание, то подавайте в суд'.

При внесении элемента предположения и в следствие, сказуемое ГЧ может иметь форму сослагательного наклонения, например: *kū marē tā mar vañjē* 'Если совершь, то умрешь'.

Если условие имеет характер желания, то сказуемое ПЧ может выражаться герундивом: *muḥ hisā kāt snehā pagām deṇā*

t̃ te de desu 'Тогда /если/ желаешь передать ей какое-либо послание или известие, то передавай'.

При нереальном условии, а следовательно, и следствии, сказуемое ПЧ СПП ленди может выражаться причастием I, а предикат ГЧ герундивом, нередко сопровождаемым формой прошедшего времени глагола «быть», например: *je tũ mard huppĩō, m̃ā baloc nũ chor ke tãṇḍhe nāl nas vaṇṇā hāĩ* 'Если бы ты была женщиной, я бы, покинув белуджа, убежала с тобой'.

Нереальное условие и нереальное следствие в отношении к прошлому (см. раздел «Условное наклонение») выражается особой формой сказуемого обеих частей СПП, включающей суффикс *-hā*: *je toṇḍh̃t marz̃t hovehā t̃ā ā vaṇjāhā* 'Если бы ты тогда пожелал, я бы пришел'.

СПП с придаточными причины чаще всего в качестве средств связи имеют союзы, например: *kiũ jo* и *je* 'так как', 'ибо', 'потому что'. В таких предложениях ПЧ бывают чистостроевыми и наполняющими. Примеры: *tãḍḍe piũ t̃ d̃t mihmāñt̃ kīt̃ e, kiũ jo o saṅgā-bhalā val āe* 'Твой отец устроил пир в его честь, так как он вернулся целым и здоровым'; *xuṣ̃ th̃ivan zur̃r e, kiũ jo t̃hũ bhirā tãḍḍā huṇ j̃ṇdā th̃t āe* 'Надо радоваться, так как именно этот твой брат, воскреснув, вернулся'; *is m̃-jib m̃ jātā je rāhe utte m̃ d̃it̃hā āhā...* 'Потому я узнал, что на дороге я видел...' (ПЧ наполняющая); *us āh koĩ ḍar nah̃t m̃ā je bāt̃hā* 'Ему нечего бояться, ибо я сижу'.

Иногда причинная ПЧ может вводиться релятивным компонентом, семантически наполняя формальный распространитель — обстоятельство причины ГЧ, например: *jeh̃fā chekrā viyāh kīt̃ā āeus, us cō us nā puttur hoeā* 'У него появился ребенок от последнего брака' (букв. 'какую последнюю свадьбу он справил, от нее у него появился ребенок').

СПП с целевыми ПЧ вводятся союзами *bhāt̃*, *bhāĩ*, *raĩ* 'чтобы' и другими, нередко сопровождаемыми отрицанием. Существует также специальный отрицательный целевой союз *mat̃ā* 'чтобы не'. Примеры: *m̃h̃ye 'c raṇā rānen bhāĩ havāz nā*

nikle 'Набили рот землей, чтобы не кричал'; *nā roveāhe, matā vīr māde kū šimar satāe* 'Не плачьте, чтобы Шимар не преследовал моего брата'. Как видно, сказуемое целевого ПЧ имеет форму сослагательного наклонения.

СПП с ПЧ образа действия преимущественно соединяет свои части релятивными наречиями *jiū*, *jīkuṇ* (и их вариантами) 'как', 'каким образом'. ПЧ относится и к типу С и к типу Н. Примеры: *jiū ākhsē karesā* 'Сделаю, как скажешь'; *vi-šakk, jīkuṇ oḥī ākhnā e, asā sāre patte dasāen* 'Без сомнения, как говорит погонщик верблюда, мы сообщили все приметы'. Иногда ПЧ образа действия может вводиться и союзами, наполняя семантическим содержанием формальный распространитель – обстоятельство образа действия ГЧ, например: *mā ko hīvē jāpnā je tū ghaṭnā vānā* 'Мне (букв. так) кажется, что ты худеешь.'

Существует и полукорреляционная, бессоюзная конструкция с ПЧ образа действия, например: *khudā nī marzī eṇe āhī, o vadḍā bimār ihīā* 'Желание бога было таковым (букв. таким образом), /чтобы/ он серьезно заболел'.

СПП с ПЧ уступительными. ПЧ здесь вводятся уступительными союзами. Примеры: *je koī des parāe te mar vāndā, toṇe hove dušman kaṇ dehlendā* 'Кто бы ни умирал за рубежом, будь он врагом, /ему/ выделяют саван'; *bhāvē dhup e, bhāvē chā khedṇa zarūr e* 'Будь солнце или тень, играть надо обязательно'.

СПП с ПЧ сравнительными: *kuṇ is lāiq na hā jo vatt tāḍā putr saḍā* 'Теперь я не таков (букв. не подобен этому), чтобы по-прежнему называться твоим сыном'.

ПЧ, вводимая союзом, наполняет здесь содержанием формальный распространитель-сравнительный оборот ГЧ.

СПП с ПЧ меры и степени можно также проиллюстрировать СПП с наполняющей ПЧ: *jīṭā hal vāsīṭnā ī caṇḡā* 'Чем больше пропадешь, тем лучше'.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Текст (арабская письменность)

بک شخص یے دو پترہن روہان وچون نہہیے لہنے بیوکن ایسا جوہ

بیو مینوں یے جتھی حمد مال داکیلوں رندا ہے ۔ رتے لہل رہنی جائد روہان

کون وند دوقی ۔ اتہ ہونے وڈے کنون پچھے نہہی پترہ بگہہ نہہی نہہ

بک پرانے یے مک پوج وچ مہیا ۔ مہیان رہنا مال بد چینی وچ رووایس ۔

اتے روہان جدرن سب گہہ خچ سرو توں تان روون مک پوج وڈا کال پیا ۔

اتے ہن روستہاچ تہون لگا ۔ تہان اون مک یے بک ریشدے ول وچ

نیکیا ۔ جین رہیان رہمین وچ روون سوہ چرون پٹیا ۔ اتے روس دی سرفی دلی

جو روہان چہلرن نال جو روہان پانے ہن رہنا وڈہ مہری ۔ پرہین روون نان

دی ۔ تہان ہوش وچ راکے اہوس پٹے بیوکن تہین مکبان ان برج رہی

پٹی ہلدی ہیے مین بوہا پیا مردان ۔ مین روٹہے رچے بیوکل دیں

52 545 55 86 4630 51: 615 586
1111 1144 46 26 1111: 36 51 46
1126 811 332 511 1111 55 1126 1111
51: 1111 6 1144 1111 615 26 51111
1111 1111 8511 246 411 1111 4630
11 261 1111 2611 52 41111 55 1111
58 53 1111: 1111 1144 1111 111111
58 61111: 1111 611 1111 111111 1111
26 8361: 31 6 1111 58 511 111111
1111 564 6 1111 1111 1111: 311

૦ મંજર વળ ૫૨ ડેફ વળ ૨૬X દરૂ ૮૨મ
 જોળ મપદ્દમ ૧૫૦૬ દ૪ ૦૨૬ નડો ૪૦૬૬
 ૫૮મ: મ૩મ ૦૫૫૬ મંજર ૫૬: જ૦ ૦૧૫મ
 ૪X૦મ ૧૦X જ૦ નડો ૫૫મ ૫૧ મપદ્દ મમ
 મંમ: ૫૦ ૨૫૬ ૦૨૬ ૧મ ૪૩૬: ૩૪મ ૫૦૫
 દ૪ મ ૨મ મપ૦૫ મંમ ૫૦ વળ ૨૩Xમ
 રમંમ ૨૦ ડે ૦૦૬ ૫૬ મંપદ્દ ૫મ: મમ
 મ૦૫ ૫મ મંપમ ૫મ: મમ ૦૮૨મ મપદ્દ ૫૦
 ૫૫૩ X૭૮

G.A. Grierson, Linguistic Survey of India, vol. VIII, Part 1,
 સ્ત્ર. ૩૧૫).

Транскрипция

*hikk Xaxs de dū puttār hāin, unhā vicchū nandhe āpne piū kū ākheā
 jo' hā peo, ma kū de jittī hissā māl dā mā kū āndā he, atte ū āpne jā
 edād unhā kū vadd ditti, atte thole dihare kanū picche nandhā put-
 tur sabbh-kujjh katthā kar ke hikk parāe de mulk vicch vañ rehā jit-
 thā āpnā māl bad calnī vicch udāeus, atte utthā jaddā sabbh-kujjh
 xarc kar dittus tā ū mulk vicch vaddā kāl peā atte huṇ o muthāj thī-
 vañ laggeā, taddā ū mulk de hikk raīs de kol vañ tikkeā jā āpnā rāhī
 vicch ū kū sūhar carāvañ pattheā, atte ūn dī marzī hāt jo unhā chilā*

*nāl jo sūhar khānde hāin, āṇā dhiḍḍh bhare par kāhē ũ kũ nā ditte.
 tadḍā hoṣ vicch ā ke ākheṣ, māde piū de kitleā kammiā kũ rajj roṭī
 paī mildī he, mā bhukkhā peā mardā hā, mā utṭh ke āṇe piū kol vesā.*

Перевод

У одного человека было два сына. Младший из них сказал своему отцу: «О отец, отдай мне ту часть богатства, которая мне причитается». И отец разделил свое богатство между сыновьями. Спустя несколько дней младший сын, взяв все с собой, уехал в далекую страну, где, ведя расточительный образ жизни, промотал свое добро. И когда у него ничего не осталось, там, /где он жил/, начался ужасный голод. Он стал бедствовать. Тогда он пошел к одному из влиятельных людей той страны, который направил его пасти свиней на своих полях. Ему хотелось питаться теми отрубями, которые ели свиньи, но ему это не позволяли. Затем, подумав, он сказал: «Сколько работников моего отца в довольствие получают пищу, а я умираю с голоду. Я пойду к своему отцу».

Слова к тексту

hikk ‘один’

Ṭaxs ‘человек’ (м.р.)

de — согласующе-реляционный послелог (м.р. мн.ч.)

ḍū ‘два’

puttur ‘сыновья’ (м.р. мн.ч.)

hāin ‘были’, ‘имелись’

unhā vicchū ‘из них’ (местоимение в аблативном падеже, где *vicchū* — отложительный послелог)

naṇḍhe ‘младший’ (субстантивированное прилагательное в эргативном падеже)

āṇe ‘свой’ (возвратно-притяжательное местоимение в дательном падеже)

piū kũ ‘отцу’ (существительное в дательном падеже)

ākheā ‘сказал’ (прошедшее время, совершенный вид)

jo — сигнализатор прямой речи, которая следует за ним

hā ‘о’ (междометие)

reo ‘отец’ (существительное в звательном падеже с нулевым аффиксом)

mā kū ‘мне’ (местоимение 1-го л.ед.ч. в функции косвенного дополнения)

ḍe ‘дай’ (форма повелительного наклонения ед.ч.)

jittī ‘сколь многих’ (неизменяемое релятивное местоимение)

hissā ‘часть’ (м.р.)

māl ‘богатство’ (м.р.)

dā – согласующе-реляционный послелог

āndā he ‘причитается’, ‘приходит’ (причастие I + глагол «есть» в 3-м л.ед.ч.)

atte ‘и’ (союз)

ū ‘он’ (местоимение «он» в эргативном падеже)

āṇī ‘свой’ (местоимение в ж.р.)

jāedād ‘богатство’, ‘имущество’ (ж.р.)

unhā kū ‘им’ (местоимение в дательном падеже)

vandḍ ditti ‘разделил’ (интенсивный глагол)

thole ḍihāre kaṇī picche ‘спустя несколько дней’

sabbh-kujjh ‘все’ (местоимение)

kaṭṭhā ‘вместе’ (прилагательное)

kar ke ‘сделав’ (деепричастие)

parāe de mulk vicch ‘в отдаленную страну’

vañ rehā ‘отправился’

jittḥā ‘где’ (релятивное наречие)

bad ‘плохой’

calṇī ‘поведение’, ‘образ’, ‘манера’ (ж.р.)

vicch ‘в’ (послелог)

udaeus ‘он промотал’ (местоименно-суффиксная модель глагола)

utthā ‘там’ (наречие)

jaḍḍā ‘когда’ (релятивное наречие)

harc ‘расход’ (м.р.)

kar dittus ‘он сделал’ (интенсивный глагол с суффиксом)

harc kar dittus ‘он расстратил’

iā 'тогда' (коррелятивное наречие)
ū mulk vicch 'в той стране'
vaddā 'большой'
kāl 'голод' (м.р.)
reā 'начался' (букв. 'упал')
huṇ 'теперь'
mithāj (вместо *mithāj*) 'бедствующий', 'бедный' (прилагательное)
thīvaṇ laggeā 'начал становиться'
taḍḍā 'тогда' (наречие)
raṭs 'влиятельный человек' (м.р.)
de kol 'к' (составной послелог)
vaṇ 'пойдя' (деепричастие)
ikkēā 'остался'
jā 'который' (релятивное местоимение в эргативном падеже)
ārṇīā 'свой' (ж.р. мн.ч.)
raḥī vicch 'на полях'
ū kū 'его'
sūhar 'свиньи' (м.р.)
carāvaṇ 'пасти'
paṭṭheā 'направил'
ūn dī 'его'
marzī 'желание (ж.р.)'
hā 'было'
jo 'что' (союз)

chilar 'отруби' (м.р.)
unhā chilā nāl 'теми отрубями'
jo 'которые' (релятивное местоимение)
khānde hān 'ели'
ḍhiḍḍh 'желудок' (м.р.)
bhare 'наполнил бы' (сослагательное наклонение)
par 'но' (союз)
kāhē 'кто-либо' (местоимение в неноминативном падеже)
nā – отрицательная частица
nā ditte 'не давал'

hoŝ 'сознание' (м.р.)
ā ke 'придя' (деепричастие)
ākheus 'он произнес'
māde piū de 'у моего отца'
kitleā kamtiā kũ 'у скольких рабочих'
rajj 'обильный' (прилагательное)
roṭi 'еда' (ж.р.)
paṁ mildi he 'получают' (конкретно-процессный вид глагола)
mā 'я'
bhukkhā 'голодный' (прилагательное)
peā mardā hā 'умираю' (конкретно-процессный вид глагола)
uṭṭh ke 'встав' (деепричастие)
piū kol 'к отцу'
vesā 'пойду'

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ СОКРАЩЕНИЙ¹

- АКЯРТ – сб. «Аналитические конструкции в языках различных типов», М., 1965.
 Ахманова – Ахманова О.С., Словарь лингвистических терминов, М., 1966.
 Гуру – Гуру К., Грамматика хинди, ч.I, перевод с хинди, М., 1957.
 Курилович – Курилович Е.К., Очерки по лингвистике, сб. статей, М., 1962.
 Панфилов – Панфилов В.З., Грамматика и логика, М., 1963.
 Смирнов¹ – Смирнов Ю.А., Сложноподчиненное предложение с придаточными подлежащими в современном панджаби, – сб. «Индийская и иранская филология», М., 1964.
 Смирнов² – Смирнов Ю.А., Сложноподчиненное предложение с придаточными определительными в панджаби, – КСИНА, 1963, № 39.
 Смирнов³ – Смирнов Ю.А., Некоторые подтипы сложноподчиненного предложения с придаточными определительными в панджаби, – КСИНА, 1963, № 68.

Смирнов⁴ – Смирнов Ю.А., Категории полупассива и иррегулярного пассива в языке панджаби, – сб. «Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона (Материалы научной конференции, 18-20 января 1965 года,) М., 1968.

Arun¹ – Arun V.B., A Comparative Phonology of Hindi and Panjabi, Hoshiarpur, 1961.

Arun² – Arun V.B., Pañjābī bhāṣā dā itihās, Ludhiānā, 1956.

Bahri¹ – Bahri H., Lahndi Phonetics, Allahabad, 1963.

Bahri² – Bahri H., Lahndi Phonology, Allahabad, 1964

Bahri³ – Bahri H., Pañjābī te lahndī, - «Pañjābī duniā», Mar-Aprail, 1965.

Bailey – Bailey G., Panjabi Grammar as Spoken in the Wazirabad District, Lahore, 1904.

Bomford – Bomford T., Pronominal Adjuncts in the Language Spoken in the Western and Southern Parts of the Panjab..., Calcutta, 1897.

Burton – Burton R.F., A Grammar of the Jataki Dialect, Bombay, American Mission Press, 1849.

Chatterji – Chatterji S.K., Indo-Aryan and Hindi, Firma K.L., Mukhopadhyay, Calcutta, 1960.

Candar – Candar D., Pañjābī bhāṣā dā vikās, Candigarh, 1959.

Grierson¹ – Grierson G.A., Linguistic Survey of India, vol. VIII, pt I, Calcutta, 1919.

Grierson² – Grierson G.A., Linguistic Survey of India, vol. IX, pt I, Calcutta, 1916.

Dames – Dames M.L., A Ballad of the Sikh Wars, – «The Indian Antiquary. A Journal of Oriental Research», vol. XXXVII, Bombay, 1909.

Haq – Haq S.I., A Note on Multani Language, – «Pakistani Linguistics», Lahore, 1963.

Jan. – Janams ākhī, Gulṣan Pañjāb Pres: Rāvalpīṇḍī, 1885.

Jukes – Jukes A., Dictionary of the Jatki or Western Panjabi Language, Lahore, 1900.

Kohli – Kohli S.S., A Critical Study of Adī Granth, New Delhi, 1961.

Prakāś – Prakāś P.S., Pañjābī bolī dā nikās te vikās, Ludhiānā, 1955.

- O'Brien — O'Brien E., 'Glossary of the Multani Language, Lahore, 1903.
- Poṭh — «Poṭhohārī śabd-koṣṭh», Bhāṣā vibhāg, Paṭiālā, 1960.
- Rose — Rose H.A., 'A Triplet of Panjabi songs, — «The Indian Antiquary. A Journal of Oriental Research», vol. XXXVIII, Bombay, 1909.
- Sarker — Sarker A., Handbook of Languages and Dialects of India, Firma K.L. Mukhopadhyay, Calcutta, 1964.
- Sekhon — Sekhō, Sant Singh, Siālā dī nadhī, Jan-sāhit, Nāṭak anḱ, Satambar-aktūbar, 1965.
- Smirnov¹ — Smirnov U.A., The Composite (complex and compound sentences) Sentence Main Problems, Panjab University, Chandigarh, 1966.
- Smirnov² — Smirnov U.A., Pañjābī mē miśravā kya gaṭhna aur mukhya upvākya kā ek anḱ, — «Nāgrīpracārinī patrikā», anḱ 2-4, varṣ 66, sāvat 2018.
- Wilson — Wilson J., Grammar and Dictionary of Western Panjabi, Lahore, 1899.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
Введение	9
Письменность	25
Фонетика	29
Лексика	41
Словообразование	42
Морфология	46
Имя существительное	47
Род	47
Число	54
Падёж и склонение	58
Отглагольное имя	80
Прилагательное	80
Числительное	84
Местоимение	99
Вербально- местоименные суффиксы	97
Глагол	101
Эргативный залог и эргативная конструкция	132
Полуэргативная конструкция	136
Основные сложные глагольные модели	139
Наречие	142

Послелогы	144
Союзы	147
Частицы	148
Междометие	149
Синтаксис	149
Простое предложение	149
Сложное предложение	165
Приложение	185

Врий Андреевич Смирнов

ЯЗЫК ЛЕНДИ

**Утверждено к печати
Ученым советом Института востоковедения
Академии наук СССР**

*

**Редактор Л.М.Белоусов
Технический редактор Т.П.Чекушина
Корректор М.К.Киселева**

*

**Сдано в набор 19/І Х 1969 г.
Подписано к печати 23/ІV 1970 г.
А 01475 Формат 60х90/16
Бумага офс. Печ.л. 12,25.
Усл.печ.л. 12,25. Уч.-изд.л. 9,41.
Тираж 1400 экз. Изд. № 2303
Зак. № 196. Цена 59 коп.**

*

**Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер., 2**

**Офсетное производство 3-й типографии
издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер., 2**